

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Vet.DK4.S276.085

~~Vet Slaw. Per. 2~~

4117, 1828, 1-2,

СЫНЬ ОТЕЧЕСТВА,

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВЛЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ГРИЧЕМЪ

И

ФЕДДЕЕМЪ БУЛГАРИНЫМЪ.

ЧАСТЬ СТО СЕМНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРИЧА.

1828.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Января 3 дня 1828 года.

Цензоръ Василій Семеновъ

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1828. № I.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СПЯЩІЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(Сог. Сарторіуса.)

Во время выставки картинъ въ Берлинской Королевской Академіи, въ одинъ изъ прекрасныхъ Сентябрскихъ дней прошедшаго года, вспрѣщались тамъ два офицера. Въ снѣгѣ изъ нихъ, человекъ зрѣлаго возраста, невысокаго роста, съ орденомъ Іоанна Іерусалимскаго на груди, и съ признаками глубокаго ума и живаго чувства на лицѣ и въ голубыхъ глазахъ, не мудрено было узнать Поэту Ф. . . . Другой былъ гораздо моложе, въ сардеекомъ мундирѣ, съ рѣзкими чертами лица, выражающими угрюмость, несвойственную его лѣтцамъ. Поэтъ называлъ его дружески Гервардомъ. Они пошли вмѣстѣ, и проходили длинный рядъ картинъ, останавливались тамъ и сямъ, едва только что либушь отличное обращало на себя ихъ вниманіе, при чемъ передавали опи-

кровенно другъ другу свои сужденія и чувствованія. Такъ дошли они до той картины, которая записана въ каталогъ подъ названіемъ Спящаго Разбойника, рисовки Роберта, и Гервардъ бросился къ ней съ необыкновенною горячностію.

Эта прекрасная, съ умомъ и вкусомъ оцѣланная картина, обращала на себя вниманіе всѣхъ посѣпителей выставки. Для тѣхъ, кто не былъ изъ числа ихъ, скажемъ, что картина изображаетъ пустую, бесплодную, гористую страну; при едва мерцающемъ разсвѣтѣ Ишаміанскаго утѣра, спишь вооруженный разбойникъ; на пѣкъ сидишь, какъ бы охраняя его, молчаливая дѣвушка, конторой привлекательное лице выражаетъ глубокую горестъ, а приподнятая правая рука какъ будто даетъ знать о приближающейсѣ, еще неизвѣстной опасности. — На лицѣ разбойника черныя желѣзныя; правая рука его схватила пистолеть, вожжнутый за поясъ, а въ лѣвой рукѣ, и сверхъ того у пояса видѣнь кинжалъ. Нарядъ обонхъ показываетъ, что ремесло разбойничье онсправляется не изъ нужды, а судя по кольцамъ на концахъ краснаго шейнаго платка и на пальцахъ, равно какъ и по богатому платью, надобно заключать, что оно онсправляется не безъ

успѣха. Ноги спящаго обернушы въ шерстяныя онучи, а на подошвахъ родъ сандалий, привязанныхъ кожаными ремнями, которыми обмошаны и всѣ икры до самыхъ коленъ. Такая обувь весьма обыкновенна въ Нижней Испаніи у поселянъ и вообще людей, обязанныхъ много ходить пѣшкомъ.

Поэтъ и гвардеецъ нѣсколько минутъ простояли передъ картиною въ безмолвіи; наконецъ первый прервалъ его, сказавъ:

„Не знаю, что такъ привлекаетъ меня къ этой картинѣ? Какъ ни часто смотрю на нее, все будто бы какимъ волшебствомъ она меня еще болѣе притягиваетъ.“

— „Думаю, отвѣчалъ младшій, что насъ манитъ не рисовка и не искусственное расположеніе предмета, а самый предметъ и его загадочность, которую стараемся мы располковать себѣ.“

Ваша правда, любезный другъ,“ отвѣчалъ поэтъ: „въ этой картинѣ заключаются цѣлая исторія, цѣлая повѣсть, а не одна только идея.“

— „И эту исторію, подхватилъ Гервардъ, каждый изъ смотрящихъ, по естѣ изъ шѣхъ, которые разсуждаютъ, вѣроятно, представляетъ себѣ иначе. Невольно хочешь проинкнуть въ цѣлую жизнь обоихъ представленныхъ лицъ, и погружаешься въ до-

гадки. Я желалъ бы поговорить съ самимъ аршистомъ; вѣрно мысль этой сцены заимствовалъ онъ изъ существенности.“

„А мнѣ кажется, что вы ошибаетесь“ — возразилъ Ф. . . . „Истинные аршисты нерѣдко производятъ, сами не зная что. Легко бытъ можешь, что цѣлая жизнь разбойника носилась предъмысленнымъ взоромъ живописца, хотя и не была совершенно ясна для него. Но я не думаю, чтобы онъ пусть воспользовался какимъ нибудь дѣйствительнымъ событиемъ.“

— „Противъ этого можно сказать, продолжалъ, по нѣкоторомъ размышленіи, Гервардъ, что Живописецъ Робертъ находится въ Римѣ, въ ошечествѣ этой сцены; почему же не допустишь, что онъ представилъ на полотнѣ событіе, какимъ нибудь образомъ, дошедшее до его слуха?“

„Это надобно рѣшить ему самому“ — отвѣчалъ Ф. . . . „Но эта картина подаетъ поводъ къ безконечнымъ догадкамъ и размышленіямъ, въ которыхъ мы вдаемся охотно, следуя пайному голосу, побуждающему насъ искать въ воображеніи нашемъ чего нибудь, могущаго сіи благородныя начертанія, облагородить и, нравственнымъ образомъ, возвысить ихъ надъ шѣми отвратительными ошкоченіями, въ какихъ они намъ предъ-

спавляющся. Всячески, эшо головоломный предметъ — невольнo верпшишь его шакъ и сакъ въ умъ своемъ — уже онъ имѣешь начало, имѣешь и мрачный конецъ. Мрачный, говорю — пошому, чшо здѣсь изображаешся предметъ, опшвергаемый закономъ и разумомъ; слѣдшвенно развязка должна бышь мрачная.“

Еще нѣсколько времени спояли они, молча, предъ картиною. Наконецъ Ф...., улыбаясь, сказала: „Пойдемъ же, пойдемъ, мой любезный! Поэтическая мысль эшой картины, кажешся, уже слишкомъ взяла верхъ надъ нашими умами. Сюда надобно приходишь съ веселымъ и для всего примчивымъ расположеніемъ духа. Еще многое найдешся здѣсь, чшо шакже заслуживаетъ наше внѣманіе и можешь бышь сполько же привлечешь умы и сердца наши.“ Говоря эшо, легонько шацилъ онъ своего шоварища, но сей медлительнo опшвращалъ глаза свои опъ картины, говоря:

„Нѣшь! ничшо другое не можешь, кажешся, шакъ непреодолимо привлекашь меня. Эши изображенія какъ будшо все приближающся ко мнѣ изъ опдаленности, и какъ будшо спановящся мнѣ любезнѣе, чѣмъ долѣ смошрю на нихъ.“

Однако вскорѣ удалились оба въ другія залы, гдѣ разнообразіе предметовъ дало имъ поводъ еще ко многимъ взаимнымъ разсужденіямъ.

Уже было за полдень, когда распались друзья. Но Гервардъ не вышелъ изъ галлеи: онъ опять, какъ будто прикованный, стоялъ предъ изображеніемъ спящаго разбойника; со сложенными на крестъ руками, осматриваясь онъ въ глубокой задумчивости. Тутъ подошелъ къ нему человекъ, просто одѣтый, съ лицомъ, еще юнымъ, но загорѣлымъ, какъ бы въ солдатской жизни, о которой намѣкала и свобода, твердость его движеній. На высокомъ челѣ его видны были слѣды раннихъ и тяжкихъ пѣлесныхъ напряженій, какъ и душевныхъ скорбей, а въ темныхъ глазахъ выражались печаль и мужество. Уже давно ходилъ онъ по пятамъ Герварда, но сей въ непрерывно волнующейся походѣ не примѣчалъ его. Теперь, ставъ подлѣ молодого офицера, и положивъ руку на плечо его, какъ бы желая пробудить его отъ мечтаній, сказалъ онъ:

„Гервардъ, неужели не узнаешь своего Иосифа?“

Гервардъ опшашнулся, а потомъ бросился въ отперстыя объятія своего друга. „Какъ давно мы не видались, мой ми-

мый!“ продолжалъ пришлецъ. „Помнишь ли? съ тѣхъ поръ, какъ въ Парижѣ снимали Венеціанскихъ коней съ триумфальныхъ воротъ; я долженъ былъ уйти, съ опрядомъ своимъ, не дослушавъ и длинной проповѣди, говоренной при этомъ случаѣ.“

— „Да, мой милый!“ отвѣчала Гервардъ. „Тогда разсказались мы не болѣе, какъ на шесть недѣль, а вошь уже и девять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. И точно, сего дня ровно девять лѣтъ“ — продолжалъ онъ, подумавъ: „это было именно Сентября 1815 года. Тебя еще надобно побранишь: уже нѣсколько лѣтъ, какъ письма твои стали очень рѣдки; особливо со времени похода въ Неаполь. Не смотря на всѣ мои увѣщанія, ты писалъ какъ будто не хоща, и это мнѣ казалося не даромъ.“

Въ такихъ разговорахъ друзья вышли изъ Академіи. Графъ Равенштейнъ — такъ назывался пріѣзжій, жилъ въ Бранденбургской гостинницѣ. Гервардъ пошелъ съ нимъ шуда, и оба расположились обѣдать въ комнатѣ Графа. Равенштейнъ вмѣстѣ съ Гервардомъ воспитывался въ Вирцбургѣ, вблизи котораго опцы ихъ имѣли свои помѣстья. Сколько по волѣ родителей, столько же и по собственному желанію, вступ-

нилъ Графъ 1813 года въ Австрійскую военную службу; а Гервардъ, природный Прусакъ, опредѣлился волонтеромъ въ Королевскую гвардію. Изъ всего того, что друзья, послѣ первыхъ привѣтствъ радостнаго свиданія, рассказали другъ другу о своихъ отношеніяхъ, открылось, что Графъ, дослужась до Роммиспра въ Драгунскомъ полку Князя Лобковича, вышелъ изъ Императорской службы, и всступилъ во владѣніе богатаго имѣнія не задолго предъ шѣмъ умершаго опца своего.

Уже заздравное шампанское окрило мысли и слова молодыхъ людей; уже въ быспромъ разговоръ передали они другъ другу много былага, много новаго для обоихъ, какъ вдругъ насупило продолжительное молчаніе. Казалось, что у каждаго изъ друзей есть что-то на умѣ: оба сильно боролись съ внутреннимъ побужденіемъ, одинъ къ вопросу, другой къ искреннему признанію, но медлили шомъ и другой. Наконецъ Равенштейнъ прервалъ молчаніе. Наполнивъ снова бокалы, вскричалъ онъ: „Нѣшъ не могу дольше шайшья! Все, что есть на душѣ, шебъ выскажу: иначе мы никогда бы не попали на старый ладъ. Если жъ и послѣ того не удашья, шомъ будешъ значить, что время передѣвало насъ не шолько снаружи,

но и внутри. Посмотри, какія морщины навело оно мнѣ; ты спалъ также девятью годами спарве, и мы почти ровесники, но я теперь годился бы тебѣ въ дядюшки. Однако я надѣюсь, что въ насъ не измѣнилось еще что, что такъ тѣсно соединяло насъ прежде, и порукою въ томъ положеніе, въ какомъ я заспалъ тебя давиче.“

— „Какое положеніе?“ спросилъ Гервардъ съ удивленіемъ.

„Ты милый другъ, долго споялъ передъ картиною, кошорая, казалось, занимала всю твою душу. Но я болѣе всѣхъ чувствую надъ собою дѣйствіе этой картины, и что здѣсь ее вижу, это меня изумляетъ.“

— „Какъ, Иосифъ, тебѣ знакома эта картина? О, это славно! И ты можешь разгадать ее и содержаніе и ошвѣчаешь на всѣ вопросы о ней...“

„Могу!“ ошвѣчалъ Графъ, глубоко вздохнувъ, и какъ бы ошвращая ошъ мрачнаго призрака, повель медлительно рукою по челу своему. Чшобъ тебѣ рассказшь исторію лицъ, представленныхъ на той картинѣ, надбно начашъ издалека, и даже приплести шущъ меня самого, пошому, что я, именно, то невидимое и главное лице, которое подало поводъ ко всему изображенію. Замѣшилъ ли ты, приподняшую правую руку,

взоръ дѣвушки, ея полуразверстыя, въ спра-
хъ, уста? я, не кто другой, какъ я, произ-
велъ въ ней эшотъ ужасъ, эшо сильное дви-
женіе. Ты изумляешься, смотришь на меня
въ сомнѣніи? — ну, такъ и бышь! шеперь
счастливыи для меня часъ, какого давно уже
я не имѣлъ въ жизни; всего лучше ошпразд-
новать его сообщеніемъ тебѣ всѣхъ обсто-
ятельствъ, какія, со дня разлуки нашей,
радосшно и горесшно волновали мою душу!“
При сихъ словахъ голосъ его сдѣлался мягче;
онъ просянулъ руку черезъ маленькій сто-
ликъ, за кошоромъ сидѣли друзья. Гервардъ
крѣпко сжалъ ея въ своей правой. Бокалы
снова наполнились. Равенштейнъ началъ:

„Полкъ, въ кошоромъ я находился, ош-
правился, какъ тебѣ извѣсно, въ походъ,
къ Неаполю. Обстоятельствъ эшого похо-
да, со всѣми ихъ подробностями, также боль-
шею частію должны бышь извѣсныи тебѣ
какъ человеку военному. Ожиданія наши, въ
эномъ походѣ, исполнились и вмѣстѣ обма-
нули насъ. Мы надѣялись, — и какой солдатъ
не пишаетъ подобной надежды, вступаая на
рашное поле! — мы надѣялись кровавыми
подвигами и опасностями снискашь себѣ ла-
вры, и побѣдными вѣнками украсишь чело
свое, вступа въ древній Неаполь, для ушвер-
женія и здѣсь короны Бурбоновъ на главѣ

вшогр, сподѣ! шажко испытаннаго держав-
 наго поколѣнія. Успѣхъ превысилъ ожида-
 нія но совсѣмъ не такимъ образомъ, какъ
 думали, а съ такими малыми усилями, что
 многимъ изъ насъ казалось, какъ будто Сан-
 тагна Felice лишь къ наслажденію нашему
 проспираешь предъ нами свои плодотворныя
 равнины. Впрочемъ это не совсѣмъ было такъ.
 Хотя безъ всякой почши схватки достигли
 мы Неаполя, но эша опустѣлая, почши всѣ-
 ми жипелами оспавленная земля, и скрыш-
 ное, иногда слабодушное, иногда же ковар-
 ное поведеніе неубѣжавшихъ шуземцевъ, весь-
 ма давали намъ чувствовашъ, что мы на-
 ходимся на непріятельскомъ груншѣ. Даже и
 шѣ поселане, копорыхъ умы расположены
 были въ пользу Короля, очень не благопрі-
 яшсшвовали чужеземнымъ войскамъ, и счи-
 шая ихъ зломъ необходимымъ, желали, чтообъ
 они выбрались за предѣлы ихъ, чѣмъ скорѣе,
 шѣмъ лучше. Такимъ-шо образомъ, по шай-
 ному, враждованію жипелей, дорого распла-
 чивались мы за свои быстрые успѣхи, и
 войска наши, вмѣсто гостепрїимнаго прїю-
 ша, встрѣчали разныя, шягосшныя непрїа-
 тшности, какихъ никогда не случается въ зе-
 мль, завоеванной существенными побѣдами.
 Что до меня касается, такое положеніе ве-
 щей скоро сдѣлалось мнѣ несносно и послѣ

шого весь походъ мнѣ какъ-шо опрощивалъ: въ отношеніи къ военному дѣлу и къ военной наукѣ не предсказывалъ уже онъ мнѣ нѣкъ видовъ, какіе прежде меня манили. За всю душу вдался я въ наблюденія этой прелестной снраны — снраны, которая, въ полномъ смыслѣ заслуживаетъ названіе Европейскаго сада или даже рая земнаго. И я благословлялъ свой шребій, приведшій меня къ исполненію давно пишавшихъ желаній, видѣшь эту очаровательный край, и при томъ споль неожиданно удобнымъ образомъ.“

— „Да, въ самомъ дѣлѣ, прервалъ его Гервардъ, это большое для тебя счастье. Я очень тебѣ завидовалъ и думалъ, почему не предосказано мнѣ наслаждаться шамъ вмѣстѣ съ тобою, какъ шо было передъ шѣми во Франціи!“

„И я — продолжалъ Равеншпейнъ нерѣдко желалъ того, можешь бышь, еще съ бѣльшою горячностію. Да и можно ли не желать дѣлаться наслажденіемъ съ другомъ. Чшо былъ бы самый рай безъ сочувствія нѣжной, равномыслящей души? При томъ самое положеніе насъ, военныхъ, шаково, чшо будь всегда гошовъ на службу, и какъ ни улучай время посмотришь шо и другое, но оно шакъ корешко, а служебныя и домашнія отношенія шакъ сходны съ шѣми, какія все-

гда ишьешь и на родинѣ, что всѣ впечатлѣнія чуждаго края вкорѣ исчезли бы, не оставя по себѣ и слѣда, какъ шѣни магическаго фонаря, если бы не усиливали ихъ размѣны чувствъ и мыслей съ искреннимъ другомъ. Какъ не благословляшь и въ этомъ случаѣ могуществва дружбы! Въ радостномъ движеніи друзья чокнулись бокалами и опорожнили ихъ въ знакъ прочнаго союза, котораго прѣжнее счастье живо представилось воображенію ихъ. „Однако“ — началъ опять Равенштейнъ: „эшако мы никогда не дойдемъ до конца; надобно скорѣе прислунишь къ самому дѣлу.“ Тутъ, схвативъ нишь расказа, продолжалъ онъ его уже почти безъ перемѣжки и шакъ, какъ мы здѣсь предложимъ чишашелю.

Полкъ, въ кошоромъ находился Графъ Равенштейнъ, всшунилъ въ Неаполь въ концѣ Апрѣля 1821. Все шествіе въ сей справѣ, споль изобилующей предметами необыкновенными, представяло для Графа, споль же пылкаго любителя красоть природы, какъ и умнаго наблюдателя, чрезвычайно много занимашельнаго; но съ приближеніемъ къ столицѣ, все возрасшало и скопалось еще въ болѣе усиленной мѣрѣ. Хорошо зная шу-

земный языкъ, имѣлъ онъ великое преимущество предъ всеми своими товарищами; удобность объясненія съ жипелями на ихъ природномъ языкѣ, дала ему средство узнать короче народный характеръ, который, при томъ движеніи, въ которое привели его обществомъ, возбуждалъ двойнѣ любопытство наблюдающаго.

Легко представивъ себѣ, что для чужеземца привлекательнѣйшій предметъ въ томъ краю и при тогдашнихъ отношеніяхъ, была самая столица, съ ея прекрасными паладами, съ ея населеніемъ, съ ея роскошною цвѣтущею природою и съ толпою бродягъ, которые, среди сей роскоши и довольства, находятъ наслажденіе почти только въ безкровномъ и нагомъ существованіи. Къ сожалѣнію, обязанности службы не доставляли Графу столько досуга къ обозрѣніямъ всего этого, сколько бы онъ желалъ. Войска расположились биваками въ городѣ; Равенштейновъ полкъ помѣстился на площади Largo del Castello. Соблюдение подчиненности и порядка требовало большихъ усилій отъ офицеровъ, да и самое броженіе умовъ среди сего взволнованнаго города не позволяло имъ, по-одиначкѣ, предаваться беззаботно любопытству, какъ впрочемъ ни сильно было оно возбуждаемо.

Такъ прошло нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ Равенштейнъ напрасно старался получить сколько нибудь болѣе свободы, какъ вдругъ данъ былъ ему приказъ явиться къ Главнокомандующему для принятія важныхъ порученій.

Генераль долго, испышующимъ взоромъ, смошрѣлъ на Графа, когда онъ вошелъ къ нему, потомъ спросилъ его: свободно ли объясняется онъ по-Итальянски? Равенштейнъ ошвѣчалъ ушвердительно. „Очень радъ, очень радъ!“ сказалъ Генераль. Стало бытъ и въ эшомъ не ошибся я, назначая васъ къ такому дѣлу, которое пребуешь благоразумія, ошорожности и расшоропности. Намъ надобно захватишь одного изъ самыхъ значительныхъ приверженцовъ революціи, человека знашнаго и владѣющаго богатыми помѣстьями. Это Графъ Морганъ, который, со многими соумышленниками, скрывается въ горахъ Сорренскихъ, близъ помѣстьевъ своихъ, ошкуда намъреваешься уйти моремъ. Обо всемъ томъ получили мы вѣрныя свѣдѣнія, и если прислушишь къ дѣлу съ ошорожностію, то безъ сомнѣнія удался намъ поймашъ эшого опаснаго человека, имѣющаго весьма сильное вліяніе. Вы видите, что назначаемое вамъ порученіе очень важно, и какъ много при томъ надобно предославить

собственному благоразумію вашему, то вамъ необходимо познакомиться ближе со всеми частными обстоятельствомъ, къ тому относящимися, и сколько возможно, съ самою тщательностію, по лучшимъ картамъ.“ При сихъ словахъ опдалъ онъ Равенштейну связку бумагъ, опперъ свой кабинетъ и, показавъ на множество картъ, разложенныхъ по столамъ, сказала: „Вашъ вамъ всѣ пособія; здѣсь можете заняться; вамъ никто не помѣшаетъ, а между тѣмъ я распоряжусь, чшобъ завтра же могли вы опправиться съ командою въ путь. До тѣхъ поръ вамъ надобно приготошить свой планъ, къ исполненію котораго, впрочемъ, даны вамъ будутъ средства человекомъ надежнымъ, доставившимъ намъ всѣ эти свѣдѣнія и хорошо знающимъ всѣ закулки, въ которыхъ можете скрываться Графъ со своими соумышленниками.“

Генераль удалился, оставя Равенштейна одного. Сколь ни охотно желалъ прежде Равенштейнъ ббльшей дѣятельности, нежели къ какой весь походъ могъ доставить ему случай, но возлагаемое на него теперь порученіе было вовсе не по немъ, и оно еще болѣе опротивило въ глазахъ его, когда онъ прочелъ бумаги, полученные опъ Генерала. Тутъ были болѣею частію пере-

хваченныя и дославшіяся изъ рукъ пойманннхъ уже революціонисповъ письма Графа Морганьи, вмѣстѣ съ нѣкопорыми сочиненіями его о предметахъ политическнхъ. Хотя во всемъ помѣ явно обнаруживались его революціонныя правила, но съ другой стороны отражались, какъ въ зеркалѣ, чувства благородной души, любовь къ человечеству и крошость характера, при необыкновенной образованности ума. Бышь гонимелемъ шакого человека и тогда, какъ уже онъ, оставляя кругъ своей дѣятельности, искалъ почти только спасенія своей жизни — это казалось нашему Равенштейну дѣломъ самымъ ненавистнымъ. Однако умѣя, какъ солдатъ, повиноваться требованіямъ службы, и постигая, какъ гражданинъ, пользу принимаемой мѣры, старался онъ примирить со снротосіію оной свои чувства и направить всѣ мысли свои къ тому, чтообъ свяшо исполнить возлагаемое на него порученіе, не смотря на то, что въ глубинѣ души смущено опзывалось: авось и не удастся!....

На слѣдующій день, по полудни въ 21 часу по Неаполитанскому размѣру времени, отправился Роммиспръ изъ столицы съ соннею всадниковъ, и пошянулся вверхъ по рѣкѣ Ноцеръ, кошорая спремнпъ води

свои близъ морскаго берега, и у подошвы Везувія, сплѣсенная между горою и моремъ, представляешь самое каршнное зрѣлище.

Съ одной стороны борьба съ шрудностями пуши, съ другой несносный жаръ, палящій еще болѣе опраженіемъ раскаленныхъ камениспыхъ скаль, опнимали у Графа всю охоту наслаждашья величавою дикосшію природы и пріискивашъ главныя почки, съ кошорыхъ лучше обозрѣвашъ пѣнипельную окреспность. Все это оставляль Равеншпейнь до болѣе свободнаго времени, а теперь спарался только поскорѣе добрашься до цѣли своего похода. До Кавы, куда слѣдовало ишши не болѣе шести миль разспоянія опъ Неаполя, но помисельность зноя и запрудненія въ пуши, [не позволяли и думашъ о доспженіи къ мѣспу въ одинъ переходъ. Опрядъ принужденъ былъ сдѣлашь приваль вблизи Поршичи, и уже на разсвѣтѣ дня выступиль далѣе къ Кавѣ. Послѣ переправы черезъ Ноцеру, надлежало прѣйши только небольшою лѣсокъ, въ кошоромъ, слѣдуя полученнымъ наспавленіемъ, оставиль Равеншпейнь весь опрядъ, а самъ съ двумя капралами, уже около полудня, опправилься въ городокъ пѣшкомъ. По вывѣскѣ на одномъ изъ первыхъ домовъ узналь Равеншпейнь гостинницу, въ кошорой назначено ему было

свиданіе съ человѣкомъ, долженъ спвовавшимъ быль его руководителемъ, при исполненіи даннаго ему порученія. Войдя въ сборную залу гостиницы, Равенштейнъ окинулъ бѣглымъ взоромъ всѣхъ присушествующихъ. Ихъ было не много; нѣсколько поселянъ, арендашоровъ и шому подобныхъ людей сидѣли за столомъ и занимались болѣе поспавленнымъ кушаньемъ, нежели разговоромъ; по-одалъ ошь нихъ, у окна, какой-то пожилой человѣкъ въ пристройной, но весьма простой одеждѣ, держаль въ рукахъ газеты и казалось, очень прилежно чисталь ихъ. Большая куча разныхъ журналовъ лежала передъ нимъ на столѣ. Между сими людьми, Графъ почти сомнѣвался найши шого, кого ему было надобно. Въ полдень, когда солнце восходитъ на вышину горизонша и наступаешъ время сіесшы, во всѣхъ Испальянскихъ городахъ царствуетъ величайшая шишина, и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, кажешся, какъ будто вымираешъ въ нихъ все населеніе. Почши такая же мершвая шишина царствовала и въ гостиницѣ. Хошя хозяинъ ея безпреспанно суешлся и выбѣгалъ за разными бездѣлками, но въ немъ совсѣмъ не замѣшно было шой чрезвычайно ушомишельной болшливосни, какою опличающся люди эпого рода въ ма-

денькихъ Итальянскихъ городкахъ: эшошь, напрошивъ, наблюдалъ какое-шо выразишельное молчаніе, бросая исподшишка боязливые, но значительные взгляды на Равенштейна и его спутниковъ. — Занявъ свое мѣсто, Равенштейнъ спросихъ, спокойно ли по большимъ дорогамъ, и въ отвѣтъ прозвучало ему восклицаніе: „San Genaro! Авспрійцы очень о помъ забоиашся!“ — но ошь опышнаго взора его не скрылась чушь замѣшная насмѣшливая улыбка, обращенная въ шошь же мигъ къ поселянамъ и слегка ошвѣченная ими. Одинъ изъ нихъ, съ пришворнымъ равнодушіемъ, примодвилъ: „Однако врядъ ли удастся имъ захватишь Паоло.“

— „Вѣрно, вѣрно!“ воскликнулъ хозяинъ съ шакимъ увѣришельнымъ шономъ и шѣлодвиженіемъ, что нельзя было угадать, шочно ли онъ шакъ думалъ или говорилъ иронически. „Сила,“ продолжалъ онъ: „не усшоишь прошивъ неусыпной бдишельности. Хошя Паоло и большой хипрець, разумѣешь свое ремесло, однако и ему доста-нешся поплясать на веревкѣ, даромъ что эщю будешь шоишь не одной капли крови.“

„Кшо шакоевъ Паоло?“ спросилъ Равенштейнъ. — „Ошважный разбойникъ“ ошвѣчала хозяинъ: — „кошорый домовничаешъ въ Сорренцскихъ оврагахъ; онъ всшупилъ въ

тѣсную связь съ карбонарами, и съ самаго начала революціи оказываль имъ большія услуги, обезопасивъ ихъ ошъ множеству назначенныхъ ему головъ прошивной партіи.“ Тѣлодвиженія, сопровождавшія слова сія, довольно ясно показывали, въ какомъ смыслѣ надлежало имѣть это обезопасеніе, и Равенштейнъ съ внутреннимъ содроганіемъ увидѣлъ изъ того, въ какое горешное положеніе ввергнуша вся несчастная страна сія. Поселяне, пускась въ разговоры, начали рассказывать разныя исторіи, кошорыхъ цѣль, казалось, была та, чшобъ высцавить все могущество скрывающихся въ горахъ разбойниковъ, связь ихъ съ революціонистами и далеко простирающуюся чрезъ то власъ ихъ. Присемъ хозяинъ не опускалъ случая подспрекать ихъ искусно ввернутыми вопросами и выраженіями, а самъ прилежно наблюдалъ между шѣмъ, какія впечатлѣнія производяшъ всѣ эти рассказы надъ офицеромъ и его спутниками.

Хошя Равенштейнъ считалъ большую часть сихъ рассказовъ съ умысломъ превеличенными, однако выслушивалъ ихъ терпѣливо, сколько пошому, что изъ нихъ узнавалъ онъ многое объ эшихъ разбойничьихъ шайкахъ, шоль достопримѣчательныхъ въ исторіи послѣдней революціи, шолько же

и въ ожиданіи, не опшроешь ли въ продолженіе разговора кто-либо изъ присушествующихъ за шпіона, съ которымъ назначено ему шуть сойшись. Наконецъ вспаль онъ и подойдя къ шполику, за которымъ сидѣлъ пожилой человекъ, все еще погруженный въ чшеніе, проговорилъ, какъ бы про себя, въ проголоса и съ бѣглымъ взглядомъ въ окно: какой жаркой день! Незнакомецъ кашлянулъ два раза съ расшановкою, не спуская глазъ съ печашныхъ лисшкоть. Эшо и былъ условенный знакъ, однако шакой, который могъ бышь сдѣланъ шолько въ сомнишельныхъ обшюшешельсшвахъ и при опасномъ сосѣдствѣ. Туть Равенштейнъ, расшаживая взадь и впередъ по комнашѣ, спарался какъ нибудъ сглянушься съ чшашелемъ газешъ, и наконецъ удалось ему, позади группы пьющихъ поселанъ и за спиною у хозяина, поймашъ знакъ шпіона, которымъ онъ показывалъ ему, что надобно послѣдовашь за нимъ. Равенштейнъ, въ знакъ согласія, незамѣшно кивнулъ головою, и шу же минушю незнакомецъ положилъ газешы свои, допилъ вино, оставилъ на шшолѣ деньги, и съ легкою уклонкою къ присушествующимъ, вышелъ вонъ, сопровождаемый, какъ обыкновенно, хозяиномъ. Равенштейнъ съ пришворнымъ равнодушіемъ подошелъ къ своимъ спущни-

камъ и даль скрышно знашь, чшобъ гошопились ипши за нимъ; а между пѣмъ замѣшилъ онъ, чшо поселяне, сполкнувшись головами, пихонько разговаривающъ между собою, и судя по крупящимся глазамъ ихъ и по движенію на лицахъ, рѣзкими черпами обозначенныхъ, не было сомнѣнія, чшо они говорашъ или объ ушедшемъ, или объ немъ самомъ. Но по ихъ сшранному выговору и по разнымъ обласпнымъ рѣченіямъ въ языкѣ ихъ, Равеншпейнъ не могъ поняшь ни одного слова, какъ впрочемъ ни хорошо зналъ онъ по-Ипальянски.

Вскорѣ и онъ собрался ипши. Тогда было уже насшоящее время сшесты: на улицахъ опускало и стихло, всѣ окна были запершы; шолько у дверей гостинницы и въ пѣни сдѣланнаго надъ ними навѣса помѣщалась всякаго рода челядь, кошорая искала прикрышія ошъ полуденнаго зноя и въ шожее время нищенскою наружносшцію своею, рѣдко просьбами, вымаливала себѣ у проходящихъ подаяніе. То были большею частію оборванныя женщины съ грубыми; загорѣлыми лицами и съ прелесшными, почти нагими, малюшками на рукахъ; но вмѣстѣ съ ними было нѣсколько и мужчинъ, закушанныхъ съ головы до ногъ въ смурые плащи, изъ подъ кошорыхъ выглядывала шолько па-

ра зоркихъ глазъ съ концемъ длиннаго носа, и подъ кошорами, какъ надобно было заключашь, не имѣли они на себѣ уже никакой болѣе одежды.

Графъ бросилъ этой сволочи нѣсколько медкой монеты, и поспѣшилъ выбраться за городскія ворота. Здѣсь, изъ развалинъ стѣны, которая составляла нѣкогда родъ укрѣпленія, выскочилъ шрапширный чтець, и приблизясь къ Рошмиспру, сказалъ: „я очень радъ, что мы убрались изъ этого мерзкаго гнѣзда; я боялся, чтобъ вы, синьоръ, какимъ нибудь образомъ себя не обнаружили. Тогда было бы мнѣ очень плохо. Здѣшніе поселяне ужасно злы на всѣхъ, кто помогаетъ Правительству ошпыскивать спрятавшихся революціонистовъ, и гошовы даже предашь всякаго шакого-въ руки разбойниковъ.“ Они пошли въ глубину лѣса, гдѣ находился ошрядъ. Проводникъ совѣщовалъ не пускашься днемъ въ дальнѣйшія предпріяшя, а переждашь до наступленія ночи, и общалъ тогда провешши всю команду, извѣсшными ему нушями, прямо къ замку Графа Морганьи. И пакъ нѣсколько часовъ прошло въ бездѣйственномъ ошданіи. Непрიაшное положеніе, въ какое всегда приводишь насъ ошпановка при самомъ близкомъ доспихеніи цѣли, швѣхъ несстерпимѣе было для Равеншшейна, что

всѣ мысли его невольнo устремлялись на протѣдствіа споль неохотно предпринимаемаго имъ дѣла. Уже онъ живо представлялъ себѣ ужасъ и опчаяніе, кошорыхъ долженъ бытъ свидѣшелемъ при своемъ внезапномъ вторженіи въ замокъ, гдѣ Графъ скрывался съ своимъ семействомъ. Въ шокѣ длилось время, тогда какъ единственнoе желаніе его было, чтобъ все это какъ можно скорѣе кончилось. Наконецъ шемпѣло, и команда двинулась впередъ за проводникомъ своимъ. При шрудноспяхъ пущи въ ночной шемношѣ, и по дурнымъ, едва прошореннымъ дорогамъ, кошорыя избирались нарочно, чшобъ шиновать селеній, не могло ускориться шешвіе. Всѣмъ приказано было наблюдать величайшую шшину. — Ночь не была бурлива, но шущи заволокли небо, и среди гущаго мрака шолько опдаленная молніа бросала изрѣдка шусклый свѣшъ на предмещы, въ кошорыхъ мечшались Равеншшейну шо спрашно взгроможденныя скалы съ нависнувшими зданіями, шо просшершое въ цезимѣримуо дадѣ зеркало моря. Ночной переходъ въ дикой, невоздѣланной шпранѣ не могъ бытъ чрезвычайношю для война, но здѣсь, можешъ бытъ по умыслу, съ какимъ онъ совершался, присовокуплялось къ шому чшощо особенное, воднующее воображеніе, и

Рошмиспръ, чувствуя на себѣ дѣйствіе пого, замѣчалъ его и во многихъ своихъ подчиненныхъ. Такъ наконецъ достигли они Позитано. Замокъ Графа находился въ близкомъ разстояніи отъ сей деревни. Надобно было какъ можно тише обойти ее, потому что даже пѣшеходъ могъ бы опшуда ранѣ постѣсть въ замокъ, съ извѣстіемъ объ угрожающей опасности, нежели команда, кою которой надлежало слѣдовать окольными путями. Все удалось, выше чаянія. Жители деревни погружены были, казалось, въ глубокий сонъ; нигдѣ не повстрѣчалось и признака бодрствующей жизни. Такъ достигли наконецъ до нагорной равнины Сорренискаго полуострова, и при шукломъ свѣтѣ выгланувшаго полумѣсяца, замокъ Графа Морганьи явился взорамъ пришельцевъ, мраченъ и величавъ, на скалѣ горнаго хребта, среди пиній и каштановъ, его вершинами своими опѣняющихъ.

Огромное, величественное зданіе манило взоръ вкусомъ и красою опдѣлки, но сумракъ и глубокая тишина въ окрестности давали ему видъ печальнаго запускѣнія. У самыхъ стѣнъ его, когда команда приблизилась въ безмолвіи, съ оружіемъ въ рукахъ, въ готовности къ нападенію или оборонѣ, ни лай собаки, ни малѣйшій шо-

рохъ, не обнаружилъ въ немъ присущствіа живаго существа. Равенштейнъ, проводникъ и часть отряда подошли къ главнымъ вѣрошамъ. Найдя ихъ запертыми, вломилась они силою. Тупъ попали они въ непроницаемую стѣну, но проводникъ имѣлъ у себя огниво, кремень и запасъ свѣчей. Достали огня, и вознамѣрились обыскашь внутренность замка. Равенштейнъ распавилъ въ нижнемъ этажѣ часовыхъ, а самъ, съ проводникомъ и нѣсколькими людьми, пошелъ по лѣстницѣ, чшобъ схватишь Графа въ его комнашъ, шакъ какъ проводникъ полагалъ найши его шамъ непременно и, казалось, очень хорошо зналъ шуда ходъ. Когда шли они вверху, имъ слышался нѣсколько азъ гулъ опдаленной скорой ходьбы и хлопанья дверями; но никакъ нельзя было распознашь, съ кошорой стороны и въ какомъ направленіи эшо дѣлалось. Они шли длинными коридорами и огромными пустыми залами, занимавшими, по видимому, цѣлый флигель зданія и какъ будшо вовсе нежилыми. Наконецъ, при входѣ въ уютную, просшо мебелированную комнашу, кошорая какъ и всѣ другія, найдена незапершою, проводникъ указалъ на боковую дверь. „Вотъ здѣсь,“ сказалъ онъ тихо: „кабинешъ Графа и мы найдемъ его шущъ навѣрное.“ Дверь

была заперта. Постучались; отвѣта не было. Проводникъ посоветовалъ поспѣше ее выломать, все утверждая, что Графъ долженъ быть пушъ. Советъ былъ исполненъ, и сопротивленія не оказалось. Равенштейнъ вошелъ въ небольшую, со вкусомъ убранную комнату, въ которой дѣйствительно все показывало, что пушъ живущъ, но живущаго не нашлось. Горящая восковая свѣча на столѣ, покрытомъ бумагами, и въ-половину оподвинушья кресла удостовѣряли, казалось, о успѣшномъ побѣгѣ, но другаго выхода нигдѣ не открылось. Окна были заперты, да и высота ихъ отъ земли не позволяла предполагать скачка, даже самаго отважнаго. Вошедшіе смотрѣли другъ на друга съ изумленіемъ, какъ обманувшіеся въ ожиданіи, которое считали непреложнымъ; они снова начали свой розыскъ, но болѣе для того, чтобы дѣлать что нибудь, ибо на обзорніе маленькой комнаты не требовалось много времени и труда. Между тѣмъ слышались въ нижнемъ этажѣ голоса оставленныхъ тамъ драгунъ, которымъ приказано было обыскать внизу всѣ углы, и задержать всѣхъ, кого только найдутъ. Роммисхъ послалъ одного изъ своихъ людей, съ приказомъ, чтобы привели наверхъ павниковъ, какіе захвачены; отъ нихъ

надѣялся онъ узнать, кто жилъ въ кабинетѣ, и куда могъ онъ дѣшсья. Чрезъ нѣсколь-ко времени драгуны дѣйствительно привели захваченныхъ ими въ нижнихъ покояхъ лю-дей. То были двое слугъ и старая дѣвка, копорые, казалось, осправляли самыя низ-кія работы въ замкѣ. Но въ слѣдъ за ними явился, съ поникнувшими взорами и всѣми признаками величайшаго смущенія, сша-ричекъ, порядочно одѣшый и, по видимому, занимавшій одну изъ высшихъ должностей между домашнею прислугою; а вмѣстѣ съ нимъ приведены были и двѣ прелестнѣйшія дѣвушки, въ одеждѣ, приличной званію лю-дей средняго класса. Всѣ вошли въ кабинетъ робко и медлительно. Но едва проводникъ Роммистра увидѣлъ дѣвушекъ, какъ закри-чалъ, можешъ бышъ въ досадѣ ошъ худаго успѣха своихъ увѣреній, громкимъ и насмѣ-шливымъ голосомъ: „А, вошъ хошъ одна прекрасная пшашка попалась къ намъ въ за-падию!“ Но еще послѣдній звукъ не успѣлъ вылетѣшъ изъ устъ его, какъ пистолешный выстрѣлъ ошъ спѣны перепугалъ всѣхъ при-существующихъ, и несчастный проводникъ, смертельно пораженный, повергся на полъ. — Нельзя описать вполнѣ происшедшаго ошъ того смущенія. Комната наполнилась ды-момъ, убишый плавалъ въ крови своей. Жен-

щины и старикъ стояли, какъ полумертвые; а между шѣмъ драгуны, въ бѣшенствѣ, гонимы были напасшъ на сихъ безоружныхъ и отпустишъ за смершь проводника своего. Равенштейнъ пому воспрепятствовала, приказавъ оставашся въ покоѣ, и какъ онъ увидѣлъ, что никакая помощь не можешъ спасти поверженнаго, который вскорѣ испустилъ послѣднее дыханіе, то началъ осматривашъ стѣны кабинета. На шой, онъ которой сдѣланъ былъ висѣлъ, висѣла большая картина, представляющая женщину во весь ростъ, и когда оподвинулъ онъ широкую, позолоченную раму, нѣсколько въ спорону, за нею открылось углубленіе, въ которомъ нашлась пошомъ дверь, скрывающая множествомъ разныхъ украшеній. Эта дверь, двумя ступеньками внизъ, вела въ комнашу, которая, вѣроятно, служила нѣкогда спальнею Графовой супругѣ, но съ давняго времени была оставлена, какъ то показывала устарѣлая и полинялая мебель. Тутъ были пошчасъ обысканы всѣ углы, но не нашлось и слѣда бѣглецовъ, которые скрылись вѣроятно выходомъ въ цѣлый рядъ пустыхъ комнашъ, сославлявшихъ другой флигель замка. — Равенштейнъ прекрашилъ на время свои поиски, убѣжденный въ шомъ, что сіе огромное зданіе заключаешъ въ себѣ множество укро-

мныхъ мѣсць, кошорыхъ въ первыя минушы
открышь не возможно. Между шѣмъ чрез-
вычайно встревоженный убійствомъ провод-
ника своего и принужденный нѣкопорымъ
образомъ къ оборонѣ, рѣшилъ онъ усугубить
свою бдительность, и взявъ всѣ предостро-
рожности.

Возвращаясь въ кабинетъ, гдѣ плѣн-
ники оставались подъ надзоромъ нѣсколь-
кихъ драгунъ, началъ онъ дѣлать допро-
сы. Старичекъ выдавалъ себя за кашед-
лана замка, сослѣдовавшаго на службу у
семейства Морганьи, и получившаго, какъ
бы въ награду за свое усердіе, эту покой-
ную должность; обѣ дѣвушки были его до-
чери, и онъ утверждалъ, что хотя давно
знали всѣ опасности пребыванія въ этомъ
покинутомъ замкѣ, но имъ не хотѣлось
оставить престарѣлаго отца своего. По-
казанія прочихъ служившей были незна-
чительны. Всѣ единогласно утверждали
только, что Графъ еще за нѣсколько не-
дѣль уѣхалъ изъ замка и неизвѣстно, гдѣ
скрывается; что въ окрестностяхъ есть
много карбонаровъ, и нѣкоторые изъ нихъ
легко могли пробраться украдкою въ за-
мокъ и скрываться въ обширныхъ его ком-
натахъ, вовсе безъ вѣдома стараго, больна-
го кашедлана, кошорый, сверхъ того, дилъ

совсѣмъ въ прошивуположномъ флигель. Вѣроятно также, что это подало поводъ и къ распрощаннвшемуся слуху, будто самъ Графъ тайно скрывается въ замкъ. Равенштейнъ ни на минушу не сомнѣвался въ ложности сихъ показаній, но принявъ на себя видъ, будто мало по малу убѣждается ими. Сею наружною безопасностію надѣлся онъ провести своихъ плѣнниковъ и обезопасивъ ихъ самихъ, подсперечь въ чемъ нибудь шакомъ, что дадо бы ему средство къ болѣе досповѣрнымъ догадкамъ. И такъ онъ объявилъ имъ, что на нѣсколько времени останешся кваршировать въ замкъ, почему и велѣлъ позаботиться о хорошемъ пріютѣ и угощеніи команды своей, общая за то предохранить ихъ отъ всякой обиды и прищѣсенія. Послѣ того онъ спустилъ ихъ, подъ присмотромъ своихъ драгунъ. Потомъ приказано было вынести шло убитаго и заколошить наглухо пошеенную дверь въ кабинетъ, чтобы пресѣчь для скрывающихся сообщеніе съ этою частію замка. Множество часовыхъ расставлено было съперечь выходы, а самъ Равенштейнъ съ прочими людьми расположился въ одной изъ большихъ залъ и съ неперпвнѣемъ ожидалъ разсвѣта, чтобы удобнѣе было приступить къ осмотру всего зданія и къ новымъ пои-

скажи. При всей усмалости, нельзя было думать о снѣ. Роммиспръ съязъ пишеть рапортъ Главкомадующему объ удачномъ занятіи замка, и намѣревался упрямъ посласть нарочнаго, съ порученіемъ, сверхъ того, претбовать новыхъ предписаній. Между шѣмъ дочери каспеллана, вмѣстѣ съ шарою служанкою, уходили и приходили, принося кушанье и все, что претбовалось для команды. Роммиспръ имѣлъ шущь случай покойнѣе и лучше разсмотрѣть ихъ.

То были два претдеспнѣйшія существа, во цвѣтѣ дѣвственнаго возраста. Очаровательность и могущество ихъ красоты обнаруживались разительнымъ образомъ даже и на солдатахъ, кошорые шопчасъ прекращали громогласные разговоры свои и брюжжанье на прочихъ челядинцевъ, какъ скоро появлялись сіи два ангела. Передъ Роммиспромъ пославали онѣ бутылку вина и кой-какое кушанье. Пользуясь случаемъ, онѣ сказали нѣсколько вѣжливыхъ словъ въ извиненіе того, что заставилъ ихъ шакъ безпокоиться. Ошвѣты были корошки и обыкновенны; но какъ въ нихъ, шакъ и во всемъ обращеніи дѣвушекъ, обнаруживались претстойность, непорочные нравы и шя любезность, кошорая заставляла претполагать, что не взирая на ихъ низкое сосшоднѣе,

близкія отношенія къ людямъ знатнымъ и образованнымъ, познакомили ихъ съ обычаями высшаго круга. Какъ ни велика была красота и любезность обѣихъ, но за всѣмъ тѣмъ между ними замѣчалось большое различіе. Жаннета, старшая изъ сестеръ, гибкою стана, красивою стройностію членовъ своихъ и легкостію движеній, уподоблялась миловиднѣйшей изъ Дианниныхъ Нимфъ, какими воображеніе Древнихъ населило страны сіи. Огонь въ глазахъ и яркій румянецъ на смуглыхъ щечкахъ выказывали всю цвѣтущую юность и свѣжесть здоровья, а когда раскрывался милый рожокъ и появлялись два ряда перловъ ослѣпительной бѣлизны, то на всѣмъ лицѣ изображалась какая-то очаровательная умиленность, кою только ямки на щекахъ и подбородкѣ придавали черту небольшого лукавства.

Другая сестра, по видимому младшая, была похожа на ту ростомъ, станомъ и цвѣтомъ волосъ, но болѣе ничѣмъ. Греческое, пѣжными чертами обрисованное лице и всегда пошупленные взоры, при гибкомъ ея станѣ, напоминали о тоскующей Психей, какъ изображали ее *въ статуяхъ Древніе. Въ ней все еще какъ бы оставалось впечатлѣніе ужаса, произведеннаго случившимся передъ тѣмъ кровавымъ зрѣлищемъ. Въ

предестннмъ лицѣ не появлялось еще ни кровинки; она вздрагивала при каждомъ къ ней обращенномъ словѣ, даже при каждой громкой рѣчи, между тѣмъ какъ Жаннета, казалось, не такъ поражена была тѣмъ ужаснымъ приключеніемъ, или, по крайней мѣрѣ, умѣла скрывать произведенное имъ надъ нею дѣйствіе.

Съ жалостію смотрѣлъ Равенштейнъ на страданіе этого нѣжнаго существа; едва осмѣлился онъ сказать ей нѣсколько словъ, уговаривая, чшобъ она и сестра ея представили заботу объ услугѣ старой служанкѣ, а сами пошли бы и успокоились, въ чемъ конечно обѣ имѣли нужду. Она не отвѣчала, но въ первый разъ поднялись предестннѣе глаза ея, и она взглянула на него съ необыкновенною выразительностію; нѣжные уста готовы были пролепетать омишь, но ручьи слезъ, внезапно испоргишіеся, помѣшали тому и заимали выразительный взоръ. Жаннета съ нѣжнымъ участіемъ взяла руку сестры, прижимала ее къ груди своей, и старалась извинить такую раздражительность, говоря что Лаура была недавно больна, и жестоко больна, а между тѣмъ всячески ласкала ее и уговаривала, называя нѣжнѣйшими именами. Равенштейнъ возобновилъ просьбу, чшобъ онъ пошли къ

себѣ, и когда наконецъ склонились онѣ на его предложеніе и обѣ сестры удалились медленными шагами, одна другую ведя и оспорожно поддерживая: шо видѣ сей родственной любви и крошкаго добродушія, среди самаго позорища ненавистнаго раздора, наполнилъ душу его умиленіемъ: онѣ погрузился въ задумчивость, почти въ уныніе, размышляя о судьбѣ человѣчества, неразлучной съ бѣдствіями.

Однако крѣпкое сложеніе и привычка къ строгому исполненію должности вскорѣ побѣдили его мягкосердіе. Ошпашокъ ночи провелъ онѣ въ размышленіи о мѣрахъ, какія надлежало принять на слѣдующій день, и въ раздачѣ нужныхъ приказаній, при чемъ имѣлъ онѣ случай удословѣриться въ преданности къ нему и въ гошовности на все команды своей.

Первымъ дѣломъ наступившаго ушра было ошправленіе нарочнаго въ Неаполь, съ описаніемъ ночнаго приключенія; а попомъ приспустили ошпашь къ розыскамъ въ замкѣ. Ночные папруды не ошкрыли ничего подозрительнаго — говорили шолько, что имъ казались мерцающіе огни и слышался какъ бы ошдаленный гуль, но въ какой часши зданія и даже шочно ли въ самомъ замкѣ, этого они ушвердительно сказашь не могли. И шакъ

ихъ показанія вовсе ни къ чему не послу-
жили. Призванный каспеллянь, кошорому
Равеншпейнь объявилъ о своемъ намѣреніи,
сдѣлашь самый подробный обыскъ въ замкъ,
не обнаружилъ припомъ никакого смуще-
нія и казался самъ гошовымъ шому способ-
ствовашь. Тогда, подь хоросимъ прикры-
шіемъ, начались поиски во всѣхъ углахъ, за-
коулакахъ, погребяхъ и подвалахъ огромнаго
зданія. Открылось много, съ давнихъ дѣшъ
неопшированныхъ покоевъ, шемныхъ коридо-
ровъ и пошпенныхъ дверей, подобныхъ най-
денной на-канунѣ. Множештво домашней
ушвари и скарбу было передвинушо и пе-
рерышо, шакъ, чшо ничего не осшалось на
своємъ мѣшѣ. За всѣмъ шѣмъ не нашлось
и слѣда постороннихъ жильцевъ. Когда Ра-
веншпейнь увѣрился, чшо внушренность
замка ему извѣшна во всей подробности,
онъ и самъ началъ сомнѣвашься, чшобъ могъ
въ немъ гдѣ либо укрышья Графъ Морганъи;
ему казалось уже вѣрояшнѣе, чшо дѣйствител-
шно какіе нибудь блуждающіе карбонары
имѣли пристанище въ замкъ и, убивъ шпіо-
на, въ первыя минушы смяшенія, успѣли убѣ-
жашь, можешь бышь и выскочили въ окно.
Все, найденное на письменномъ шолѣ, под-
шверждало шакое заключеніе. Тупъ были
подробнѣйшія карты всѣхъ окрешносшей

и береговъ полуострова: шамъ и сямъ означены были на нихъ даже самые маловажные заливы и мысы по неровному береговому обрѣзу. Убѣжавшій занимался, казалось, до послѣдней минуты сими картами, которыя могли бытъ весьма полезны для дальнѣйшихъ поисковъ внѣ замка. Впрочемъ между бумагами, лежавшими въ ящикахъ письменнаго стола, не нашлось ни одной, писанной рукою Графа.

Равенштейну очень хотѣлось обратиться вниманіе на окрестности, но вскорѣ удостоверился онъ, что недовольно спленъ для внѣшнихъ разъѣздовъ, при необходимомъ охраненіи обширнаго замка со всеми его выходами. И такъ онъ рѣшился ограничить свои дѣйствія только послѣднимъ, распорядясь между шѣмъ, чтобы папрули дѣлали часто обходъ замка, и если что нибудь подасъ поводъ думать о скрывающихся въ немъ бѣглецахъ, то воспреняпствовали бѣ выходу ихъ или сообщенію съ внѣшними ихъ соповарицами. — Между шѣмъ каспеллицъ употреблялъ всѣ возможныя средства къ угощенію новыхъ своихъ жильцевъ, и Жаннепа весьма рано приступила къ дѣятельнымъ распоряженіямъ по хозяйству. Здѣсь, и шамъ, и вездѣ, являлась она почти въ одно время; ея веселость, ея проворство

могло побудить къ дѣятельности и самаго большаго лѣнивца; розы щекъ ея, зарумяненные здоровымъ сномъ и раннею бодростію, еще ярче блистали сегодня; веселая улыбка не сходила съ лица; а когда, съ тяжелою связкою ключей, легкими шпонами порхала она по длиннымъ переходамъ замка, по нѣзъ пурпуровыхъ устъ ея раздавались мелодическіе тоны народныхъ пѣсень. Съ внупреннымъ восхищеніемъ смотрѣлъ Равенштейнъ, какъ это милое существо, всегда и со всѣми привѣтливое, вездѣ успѣвая, подчивало завтракомъ его и всю команду. Но сердце его томилось ожиданіемъ другой сестрицы, которая оставила въ немъ глубоко заронившуюся искру. Однако она не появлялась и, какъ увѣрила Жаннета, — все еще сильно спрдала онь вчерашняго испуга; почему ей и должно было на цѣлый день остаться въ покоѣ. Услужливая сестра сама не допустила се выйти и надѣясь на распорочность свою, взялась устроитъ безъ нея все нужное для гостей. Для Рошмиспра прибрала она хорошенькую компану подлѣ шой самой залы, которая служила главнымъ постомъ командѣ. Туда нанесла она множество разныхъ вещей, поставила кровать съ фіолетовыми шелковыми занавѣсками, и увѣрила Рошмиспра,

что онъ самыя лучшія изъ всѣхъ, какія естъ въ замкѣ, и что ихъ употребляли только тогда, когда къ Графу пріѣзжали гостить самыя знашныя люди. Припомъ насчитала она съ полдюжины Герцоговъ и множество разныхъ превосходительныхъ именъ.

И книгъ нашаскала Жаннета множество изъ Графовой библіотеки. Кромъ нѣсколькихъ романовъ, онъ состояли болъшею частью изъ опличнѣйшихъ Англійскихъ и Французскихъ классиковъ, и снова дали Равенштейну хорошее мнѣніе о шонкости вкуса и образованности хозяина замка. Между тѣмъ, какъ ни нравилась Ропмиспру внимательность и услужливость дѣвушки, ему пришла въ голову, не изъ хитрости ли все это дѣлается: не думаешь ли она усыпить такимъ образомъ, хотя опчаси, его бдительность и опклонить опъ насоящихъ его обязанностей? Раза два случалось ему подстеречь, что она, не полагая бытъ замѣченною, усремляла на него приспальный, внимательный взоръ, который вовсе не соопвѣщствовалъ ея наружной беззаботливости, и заспавлялъ его бытъ осторожнымъ. Но съ другой стороны, взвѣсивая положеніе эсихъ людей, среди воиновъ, насильшвенною и враждебною рукою къ нимъ

ворвавшихся, онъ находилъ естественнымъ ; что спараюшя всячески успокоить незваныхъ гостей своихъ , причемъ даже маленькая хитрость казалась ему извинительною , и онъ бранилъ самъ себя за недоверчивость.

Такъ прошелъ день — въ бездѣйствіи , весьма шягоспномъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Дневнымъ зноемъ шакъ напекло воздухъ , что и въ поздніе часы вечера онъ не могъ еще охладиться. Съ наступленіемъ ночи , помимый духотой и неприятнымъ своимъ положеніемъ , Равенштейнъ напрасно искалъ успокоенія въ глубинѣ своего кабинета. Подошедъ къ окну и почувствовавъ навѣвающую прохладу сквозь рѣшетчатый ставень , онъ отворилъ его и всю грудью высунулся изъ окна , чтобы освѣжиться приятнымъ ночнымъ воздухомъ. Эта ночь была одна изъ тѣхъ , какія обыкновенны только среди шамощней атмосферы ; вѣяніе тончайшаго вѣтра , смѣшаннаго съ приятнѣйшими ароматами , какіе только знакомы чувствамъ нашимъ , направляютъ душу къ самой сладостной , ни съ чѣмъ несравнимой нѣгѣ. Равенштейнъ впивалъ въ себя , сильными приемами , это уладительное благоуханіе , и предавался нѣсколько времени мечтамъ и грѣзамъ , къ какимъ только могутъ увлечь

юность, уединеніе и бѣглое воображеніе, среди ночной тишины.

По правую отъ него сторону пнулся, темною массою, длинный флигель замка, и только въ концѣ его, въ одномъ окнѣ нижняго этажа, свѣтился тусклый огонекъ. Тамъ было жилище кастеляна. Оттуда неслись въ слухъ его тихіе звуки гитары, мелодическими жалобными аккордами. — Конечно играла Жаннеша; неупоминная, она услаждала себѣ конецъ дня, посабъ тяжельхъ прудовъ. Но нѣтъ! слишкомъ уныло, слишкомъ прогашельно бряцали струны, слегка нарушая глубокую тишину ночи; — слишкомъ вѣрно плавали звуки ихъ, сливаясь съ заунывнымъ приѣвомъ, въ пространствѣ воздушномъ! Никто другой не могъ такъ играть, не могъ такъ пѣть, какъ нѣжная, печальная Лаура! Ахъ, можетъ быть повѣрала она уединенію и ночной тишинѣ тоску по миломъ, надолго разлученномъ съ нею! — Въ то время, какъ Роммистръ занимался подобными мыслями, вдругъ послышался ему будто шорохъ и шопонъ въ густомъ кустарникѣ близлежащаго сада. Онъ спалъ прислушиваясь, но все утихло, и онъ не могъ разгадать, точно ли были то голоса человѣческіе, или, можетъ быть, вѣшерокъ перебѣгадъ по вѣшвамъ высокихъ пиній, и

производя обычный имъ лепешь, обманывалъ слухъ его. Онъ усугубилъ свою внимательность, но вдругъ раздались тяжелые стопы опряда его, обходящаго дозоромъ вокругъ замка, и съ шѣмъ вмѣстѣ исчезла всякая мысль о близости людей подозрительныхъ. Почти всю ночь провелъ Равенштейнъ на окнѣ своемъ, но уже ни малѣйшій звукъ не подалъ повода къ дальнѣйшимъ наблюденіямъ.

Слѣдующій день принесъ ему новыя приказанія начальства, которыя состояли въ томъ, чтобъ онъ оставался пока въ замкѣ, и всячески старался захватить Морганьи, который, по вѣрнымъ донесеніямъ, все еще находишь въ окрестностяхъ Позизано, намѣреваясь отважиться на побѣгъ моремъ. Въ то же время обѣщали прислать ему, въ подкрѣпленіе, еще опрядъ, подъ командою офицера, изъ полка, стоящаго въ Салерно; слѣдственно этого опряда могъ онъ ожидать въ томъ же день, и при его желаніи, скорѣе на что нибудь покуситься, извѣстіе о томъ чрезвычайно его обрадовало.

Когда мало по малу спалъ спадать злой и время сіесны миновало, Равенштейнъ увидѣлъ прелестную Лауру, которая, объ руку съ сестрою своею, рассказывала взадъ и впередъ подъ шѣнистыми каштановыми деревь-

днн, образующими аллею при входѣ въ садъ зѣмка. Онъ не могъ вопрошившись желанію своему побесѣдовать съ дѣвушками, и побѣжалъ къ нимъ. Тихо, но съ живостію разговаривали онъ между собою. Слѣды испуга все еще, казалось, не исчезли съ лица Лауры; сильное пошрясеніе, произведенное въ нѣжномъ ея сосавѣ, какъ будто все еще побуждало ее къ невольному препену; опшнкою унынія, какъ легкою пеленою, подернулись милыя черпы ея, и при всемъ стараніи сеспры развеселишь ее, полько изрѣдка и слегка лице ея оживлялось улыбкою.

Равеншпейнъ, приблизясь къ нимъ, изъавилъ радость свою, что здоровье Лауры поправилось, а попомъ намекнулъ, какъ удивительна для него опважность, съ какою споль нѣжня существа оспающся въ шакомъ мѣспѣ, въ кошоромъ легко можно ожидать всѣхъ ужасовъ кровопролитной войны. При одномъ напоминаніи о шомъ навернулись слезы на глазахъ Лауры, но вскорѣ сказала она шихо и запинаясь: „Думаю, что всего надежнѣе могутъ оспаваться здѣсь безоружныя женщины: онъ полагающся на благородство и рыцарскій духъ Нѣмецкихъ воиновъ, кошорыхъ, пришомъ, честность и праводушіе извѣсны всему

свѣшу.“ — „О! что до того касается“ — перебила ее съ живосцію Жаннета: „что вѣрно никому не взбрѣдешь на умъ обижать беззаботныхъ дѣвушекъ; а если бѣ кто нибудь забылся и повель себя непристойно, что увидѣлъ бы онъ, что найдущся и средства и воля, шакого молодца поспавишь въ приличное ошдаленіе!“ При сихъ словахъ, она приняла на себя исполненную мужесшва, почти грозную осанку; маленькая ладонь сжалась въ кулакъ и шемные глаза засверкали, шакъ, что Лаура, какъ бы въ спрахѣ за сеспру, съ нѣжнымъ учасціемъ взяла руку ея и прижала къ груди своей. Равеншшейнь, прохаживаясь вмѣстѣ съ дѣвушками вдоль по аллеѣ, постарался дать другое, болѣе пріятное направленіе разговору, и ему вскорѣ удалось опяшь помириться и съ Жаннетшою, кошпоя какъ будшо чѣмъ нибудь была передъ тѣмъ расшревожена. Быспрымъ и занимашельнымъ разговоромъ, на ихъ родномъ языкѣ, умѣлъ онъ одушевишь бесѣду свою, и робкая Лаура не шолько съ благосклонношцію внимала ему, но всегда, когда шолько на прекрасномъ, мужесшвенномъ воинѣ ошанавливался взоръ ея, въ немъ изображалась какая-шо смѣсь умиленія, грусти и довѣренности, что Рощмиспръ шодковадъ себя нѣмымъ воззваніемъ

къ его благородству и великодушію. Во время такихъ разговоровъ сдѣлалъ онъ замѣчаніе, что Лаура, уступая сестрѣ своей въ дѣятельности, проворствѣ и хозяйственности, весьма превосходитъ ее образованностью души и разума. Это приписывалъ онъ частому обращенію ея съ семействомъ Графа, въ которомъ была она, по видимому, любимцею, почему, вѣроятно, получила и лучшее воспитаніе; а можетъ быть.... При малѣйшемъ напоминаніи о семействѣ Графа Морганьи, замѣтна была какая-то томная выразительность на лицѣ ея и легкой прелесть, что невольно приводило на мысль, не привязана ли она къ нему другими, нѣзримѣйшими узами; кромѣ благодарности и привычки. Равенштейнъ былъ пораженъ и встревоженъ этою мыслию; шутъ предсказывалась ему какая-то важная тайна, на которую успремилось все его вниманіе, и открытіе которой пославлялъ онъ себѣ непремѣннымъ долгомъ, во что бы то ни стало. Дѣвушки османили его въ саду, гдѣ провелъ онъ еще нѣсколько времени одинъ, въ размышленіи о предметѣ, почему-то весьма сильно возоблагодарившемъ его душу; но наконецъ поздній часъ вечера прогналъ и его въ замокъ.

Съ наступленіемъ ночи почувствовалъ онъ, какъ и наканунѣ, необыкновенную шороху, разгоняющую сонъ и усталость; шакъ же, какъ наканунѣ, бросился онъ, полураздѣтый, на оппершое окно, ччтобъ напряженныя силы духа успокоить ночьюю прокладою и пишиною. Неводьно взоръ его устремился и сегодня на шускло-освѣщенное окно нижняго этажа, ошкуда снова приносились шихіе звуки гитары, сопровождаемые напѣвомъ. Но вскорѣ слышался ему опять вчерашній шорохъ въ кушарникѣ. Ччтобъ лучше вслушаться, высунулся онъ далеко изъ окна, и увидѣлъ, ччто нижнее окно легонько опворилось и шопчасъ опять захлопнулось, а между шѣмъ ччто-то тяжелое, съ глухимъ звукомъ, упало на землю и темная шѣнь, шихо и безгласно, промелькнула вдоль по сѣрой сшѣнь замка. То была, вѣроятно, связка съ жизненными припасами, которыя шайными пушями, посылались въ ночную пору къ бѣглецамъ; ибо возможно ли было подумать, ччтобъ сіи прекрашили всякое сообщеніе съ осшавшимися въ замкѣ. Съ шакими мыслями, и представляя себѣ всѣ заботы, какія должна испытывать прекрасная Лаура, почувствовалъ онъ шже состраданіе къ бѣглецамъ, какое лежало у него на душѣ предъ всшу-

пленіемъ въ замокъ; однако, вспомнивъ о своемъ положеніи и обязанностяхъ службы, подавилъ онъ чувства жалости и рѣшился немедленно сдѣлать новые поиски въ саду и въ замкѣ. Но еще не успѣвъ онъ отдать нужныхъ къ шому приказаній, какъ у воротъ замка послышались громкіе голоса, возвѣстившіе о прибытіи нѣшаго отряда, который былъ назначенъ ему въ помощь. Равенштейнъ сошелъ самъ внизъ и шупъ увидѣлъ, какъ офицеръ и вся команда его, наперерывъ проклиная тяжелей путь, и изрыгая полновѣсныя хулы на чершовскій замокъ со всею воровскою челядью, привели въ немалый страхъ приврашника и другихъ служилпелей. Равенштейнъ спарался успокоить шумливыхъ, и нѣсколькими, довольно жесткими напоминаніями, привести ихъ въ разумъ. А какъ между шѣмъ все было гошпо-во къ удовольшворенію надобностямъ прибывшей, усшалаой шолпы, то вскорѣ возстановилось опять всеобщее спокойствіе. Однако о предположенныхъ поискахъ нельзя уже было на сей разъ и подумать: происшедшій шумъ, конечно заставилъ скрывающихся принять всю предосторожность.

Солнце взошло уже высоко, когда Равенштейнъ пробудился ошъ сна, очень поздно сомкнувшаго наканушъ его вѣжды. У ош-

крышаго окна его комнаты сшоялъ Поручикъ Ридъ — никакъ назывался офицеръ, приведшій въ замокъ пѣхотную команду — и смопрѣлъ въ садъ.

„Скажите, Роммиспръ,“ вскричалъ онъ, кивнувъ головою и пуская кудравый дымокъ сигары своей по воздуху: „видѣли ли вы двухъ прелесныхъ дѣвушекъ здѣсь въ замкѣ? Да, какъ не видашь! — Вы уже двое сушокъ живете подъ одною кровлею съ этими милыми существами, кошорыя въ состояніи преврашшь для всякаго это спарое гнѣздо въ рай Магомешовъ.“

— „Однако, Поручикъ,“ отвѣчалъ Равенштейнъ улыбаясь, но не безъ движенія досады: „вы бы, мнѣ кажется, очень обманулись въ расчесѣ, если бѣ вздумали попользоваться наслажденіями этого рая, пошому что дѣвушки ведутъ себя очень скромно.“

„Вошь!“ перебилъ его Поручикъ: „можно ли представить себѣ, чшобъ дѣвушки, живущія почти въ воинскомъ станѣ, посреди мужчинъ, были образцами добродѣтели!“

— „По крайней мѣрѣ,“ возразилъ Равенштейнъ: „никшо не дадь намъ права не считаешь ихъ такими, пока не докажутъ онъ прощивнаго, и вѣрно вы сами не захо-

шите марашь имя Императорскаго война оскорбленіемъ непорочныхъ женщинъ.“

„Какъ вамъ угодно, Роммиспръ;“ — опъвъчалъ шощъ: — „но я попышаю свое счастье и воспользуюсь имъ, не давая въ шомъ никому опчета.“ Съ эшимъ онъ ушелъ, не дождавшись новаго возраженія опъ Равенштейна.

Не много спустя, проходилъ Роммиспръ черезъ корридоръ и шущъ предънавилось ему въ окно необыкновенное зрѣлище. На чешвероугольномъ дворѣ замка драгуны его чиспили своихъ лошадей. Посрединѣ же у большой цисшерны стояли Жаннеша и Лаура и перемывали зелень въ глиняной доханнѣ, поставленной на краю водоскопа. Нѣкошорые изъ солдатъ, понимающіе шущемъ языкъ, заговаривали съ дѣвушками, безъ всякой впрочемъ наглости, ибо это строго запрещено было Роммиспромъ. На вопросы свои получали они и опъшпы — опъ Лауры робкіе и тихіе, опъ Жаннешы весьма непринужденные. Равенштейнъ остановиляся нарочно у окна, чшобы полюбовашься прекрасною каршиною. Двѣ миленькія сесиприцы никогда еще не казались ему шпольнѣтншительны, какъ шущъ, при ясномъ дневномъ свѣшѣ, въ шакомъ малопрудномъ заняшнѣ, кошорое вышавляло, какъ нельзя

привлекательные, красивые иловидных ихъ формъ, и въ этой непринужденности, съ какою занимались дѣломъ, считая себя далеко отъ наблюдательныхъ глаза Живописное одѣяніе, какое носяшь въ томъ краю женщины средняго класса; Испанская съпка, которая алыми пестельками схватывала густые черные локоны, только шамъ и сямъ ославляя нѣсколько выскользнувшихъ кудрей, играющихъ по челу и шеѣ, къ увеличенію бѣлизны нѣжнаго шѣла; лице и сшанъ дѣвушекъ во вкусѣ древнихъ ваятелей; ихъ занятіе у колодца, напоминающее обычай древности; при томъ, мужественныя фигуры воиновъ съ ихъ конями, въ разныхъ положеніяхъ, безпрестанно измѣняющихся — все это составляло картину, достойную искуснѣйшей кисти художника! И въ самомъ дѣлѣ, тогда же замѣшилъ Равенштейнъ, что эту прелестную группу наскоро срисовываетъ въ свой альбомъ одинъ молодой волоншеръ, который, пуштившись въ походъ, чтобъ посмотреть прекрасную Испалію, попалъ въ отрядъ его, и былъ ему извѣстенъ по своему дарованію къ живописи. Вдругъ явился Поручикъ Ридъ. Дѣвушкамъ поклонился онъ съ такою усмѣшкою, которая придавала отвратительному лицу его видъ скаредной дерзости. Желая

побалагуришь, но не умѣя говоришь по-Испаліянски, скоро обнаружилъ онъ дерзость свою передъ Жаннешою ужимками и привязками, ошъ копорыхъ однако умѣла она ошдѣлаться, съ презрительною досадою. Но не ундвнись шѣмъ и можешь бышь ошъ стыда бышь презрѣннымъ передъ глазами своихъ подчиненныхъ, ошъ просперъ наглосшь свою до шого, что крѣпко обхвасилъ рукою Жаннешу, и закричалъ, что замкнешъ бранчивый рошикъ—вмигъ проворная дѣвушка схвасила лохань съ водою и обкашила навязчиваго рыцаря, шакъ, что пощоки грязной воды съ обрѣзками зелени покрыли лице его и всю одежду. Драгуны не могли удержашься ошъ смѣху, ошвернулись къ лошадямъ, а офицеръ, виѣ себя ошъ злости, споялъ въ изсцупленіи и съ бранью, съ крикомъ, бросалъ яросшныя взгляды на дѣвушку, копорая, какъ бы ни въ чемъ не бывало, принялась ошяшь хладнокровно за прежнюю свою работу. Равеншшейнъ побѣжалъ шопчасъ внизъ, чтошбы прекрашншь ссору. Въ сѣняхъ, недалеко ошъ крыльца, нашель онъ Лауру, копорая убѣжала съ испугу и прислонясь къ столбу, горько плакала. Увидѣвъ Рошмишпра, бросилась она къ нему, и схвасивъ его за руки, вскричала самымъ шрогашельнымъ голосомъ: „Ахъ, Синьоръ, помогите

миѣ! Вы кажешесь человѣкомъ добрымъ и благороднымъ. Защитите меня и Жаннетту отъ навязчивости вашего шоварища!“ — Онъ спарался ее успокоить, но не прежде въ помъ успѣлъ, какъ увѣряя и клянясь, что ничего подобнаго впередъ не случится. Ридъ между шѣмъ удался. Вспрѣвшись послѣ съ Равенштейномъ, сказалъ онъ ему: „Вы были свидѣтелемъ, Роммиспръ, каково досталось миѣ отъ миленькой упрямыцы. Но это упрямыство не надолго: клянусь, что заспаваю ее бытъ уступчивѣе и просить у меня прощенія!“

— „Осперегитесь!“ отвѣчалъ Равенштейнъ строго: „вы не знаете хорошенько характера этого народа: Италіянцы, при всей наружной сонливости, чрезвычайно раздражительно и мстительно. Если вы чтонибудь еще зашѣте, то можете бытъ худыя слѣдствія.“

Но легкомысленный не хощѣлъ и слушать умныхъ совѣтовъ; вздорное хвасовство было его отвѣтомъ. Казалось однако, что за обѣдомъ миръ возстановился; двѣушки съ прежнею непринужденностію прислуживали своимъ гостямъ. Только Лаура спаралась бытъ подалѣ отъ Порущика, и избѣгать его взоровъ. И вообще замѣтила онашъ Равенштейнъ, что она не опходя отъ

сестры своей, мало участвовала въ угощеніи, а когда и хотѣла приняться за что нибудь, то распорочность Жаннеты предупреждала ея намѣренія, и все, почти незамѣтно, переходило въ проворныя руки этой бойкой дѣвушки.

Оба офицера спали вмѣстѣ обдумывавшіе и соображавшіе планы, какъ поймать бѣглецовъ въ окрестностяхъ замка. Ридъ имѣлъ приказаніе особенно стараться о томъ, чтобы захватить Паоло, того смѣлаго и опаснаго разбойника, котораго описывали самымъ дѣшевымъ пособникомъ карбонаровъ и котораго голова была уже оцѣнена. Эпошъ человекъ, почти съ невѣроятною дерзостью, далъ способы укрыться многимъ значительнѣйшимъ революціонистамъ. Шайка его, состоявшая изъ удалыхъ побродягъ, уже нѣсколько разъ съ успѣхомъ оказывала сопротивление опрѣдамъ регулярнаго войска, и отличалась такими дѣлами, которыя, при другихъ отношеніяхъ, были бы превозносили паравнѣ съ подвигами рѣдкой храбрости и необыкновеннаго мужества. Но сему-то, лишь бы схватить Паоло, можно было надѣяться, что мятежники не уйдутъ. Самое отплытіе ихъ моремъ не могло иначе совершиться, какъ подъ защитою его и вооруженной его шайки; да и поселяне,

надеясь на сильную руку помощи сего предприимчиваго разбойника, охотно укрывали бѣглецовъ, и особенно Графа Моргаца съ его свитою, ибо они любили Графа за доброту и кротость, и явно жалѣли о предстоящей ему участи. И такъ сполько же важно было нападеніе на эту шайку, какъ и на самихъ мятежниковъ. Впрочемъ послѣдніе въ эту пору принуждены уже были дѣйствовать почти всегда за одно съ разбойниками. Во всякомъ случаѣ однако, составляло немалую трудность дѣлать розыски въ лабиринтѣ небольшихъ заливовъ и углубленій вдоль по берегу Сорренскаго полуострова. Ущелья въ скалахъ, извѣстныя только разбойникамъ или самимъ жителямъ, служили наилучшимъ пришиномъ, и были шѣмъ болѣе неприслупны, чѣмъ незнающій, пробираясь къ нимъ, легко могъ заблудиться въ узкихъ и перепутанныхъ горныхъ пропикахъ. Нѣкоторыя изъ сихъ пропикокъ не представляють никакой возможности проходить иначе, какъ одному пѣшему, да и то надобно опускашься въ глубокіе овраги и взбираться снова на вершины, такъ чѣмъ и самый усердный воинъ, подвергая себя опасностямъ и упомленію, не могъ бы надеяться на успѣхъ какого либо открытія. Даже опысканіе той или другой

засады не послужило бы въ пользу, ибо для хорошо знающихъ мѣстность ничего не стоило найши другихъ приспанищъ. Сообразивъ все это и посовѣтовавшись съ довольно подробными картами, офицеры условились наконецъ въ образъ своихъ дѣйствій, послѣ чего, съ слѣдующіе же дни сдѣланъ былъ объездъ нѣкоторыхъ прибрежныхъ мѣстъ; разставлены пикеты и все устроено, какъ слѣдовало, сообразно средствамъ, употребляемымъ въ подобныхъ случаяхъ людьми военными. Но за всѣмъ тѣмъ не оказалось никакого успѣха. Вездѣ находили свѣжіе слѣды преслѣдуемыхъ, но не могли дойти, чшобъ хоть одинъ попался въ руки; а между тѣмъ, когда случалось солдату отспашъ ошь команды или зайши вдаль, шо навѣрное паносима ему была смерть, или тяжелая рана изъ-за кустарника, прикрывающаго какое нибудь ущелье.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

К Р И Т И К А

П и с ь м о к ь Н. Н.

Вы желаете знать мнѣніе мое о Логикѣ, недавно изданной Г-мъ Талызинымъ. Удовлешворю вашему любопытству, а чѣмъ мое мнѣніе не показалось легкомысленнымъ, почиаю за нужное положить ему въ основаніе разборъ сего сочиненія. Оно сподобъ этого. Для сего раскрываю снова книгу, и разсматриваю по страницамъ: ибо сей учебникъ (Lehrbuch) не раздѣленъ на §§.

Спр. 1. „Мысль, чувство (изящнаго) и воля суть тѣ дары природы, посредствомъ которыхъ человекъ получаетъ превосходство надъ всеми прочими земными существами.“ — Не спорю противъ раздѣленія душевныхъ способностей, хотя нѣкоторыя принимающъ ихъ только двѣ, другіе и три, но подъ другими названіями. Да правильно ли употреблено здѣсь слово: *мысль*? Способность мысли есть *смыслъ* (mens, der Verstand im weit. Sin.); дѣйствіе сей способности — *мышленіе* (cogitatio, das Denken); произведеніе сего дѣйствія — *мысль* (cogi-

tatum, der Gedanke). — Слово: чувство (изящнаго) употреблено, кажешся, за недоспашкомъ лучшаго въ языкъ нашемъ. Сословы его сушь: чувствительность, сердце, вкусъ, эстетическое чувство. Но можешь ли копорый нибудь изъ нихъ замѣнишь его, што оставляю на ваше разсужденіе. — *Дары природы* — самое обыкновенное, но не удачное выраженіе. Ежели подъ природою разумють особое нѣкое существо, копорое раздѣляешь свои дары, што вмѣсто сего слова надлежишь употребляшь имя Божіе; если же эшимъ словомъ хошяшь означишь шолько свойство даровъ, што надобно говоришь: *природныя дарованія, способности, естественные дары*. — Дары сіи не шолько служатъ для человека средствомъ къ полученію превосходства, но сами составляютъ его преимущество. — Превосходство достигается, получается преимущество. — Вмѣсто: *надъ всеми прочими*, лучше: *надъ всеми другими*, или просто, *надъ прочими*; а вмѣсто: *земными существами*, жишелями земли.

„Но дары сіи остаются безплодными, не бывъ приведены въ дѣйствіе, приносяшь плоды скудные — при слабомъ ихъ развитіи, вредные — при ненадлежащемъ ихъ направленіи.“ — Дары лучше могутъ называшь-

ся бесполезными, дарованія — бесполезными и бесплодными. — Дары употребляющся; въ дѣйствіе приводятся способности и силы. — Употребленіе личнаго мѣстоименія: *ихъ*, также какъ: *его* и *ея*, вмѣсто принажательнаго: *свой*, кажется мнѣ прошивнымъ свойству Русскаго языка. — Вмѣсто *развитія*, приличнѣе здѣсь употребить раскрытіе. — Вообще сей періодъ былъ бы яснѣе и для слуха пріятнѣе, если бъ не было въ немъ замѣшно особенное спараніе сочинителя спѣснись свои мысли, и если бъ причины были помѣщены прежде своихъ послѣдствій.

„И такъ для ихъ усовершенствованія потребны дѣятельность и правила.“ — По печенію мыслей не слѣдуетъ шеперь говорить объ усовершенствованіи ихъ даровъ, ибо прежде нигдѣ не говорилось объ ихъ несовершенствѣ. „Область сей Наукъ“ (Философін) обширна: обнимающая (обнимающая, или лучше объемляющая) мысль, чувство и волю, она (область ли, или сія Наука?) объемлетъ и предметы ихъ — истинное, изящное и доброе, слѣдовательно весь міръ вещественный и невещественный. Отсюда раздѣленіе Философін (стр. 2) на многія части и пр.“ — Такъ громко, высоко! Изъ всего этого пышнаго набора словъ едва — едва видно, что

Логика есть часть Философiи; а что такое — сама Философiя, этого и совсѣмъ не видно.

„И такъ (опкуда?) подъ именемъ Логикн разумѣется Наука, которая, основываясь на способности размышленiя, и показывая самыя общiя формы (образы) ея, предписываетъ законы для вѣрнаго заключенiя при мышленiи.“ — Сколько шумъ темноты и сколько ученику пошребно времени и шруда, чтобы зашвердить это опредѣленiе!

„По сему *существенность* Логикн соотношн въ томъ и пр.“ — Науки, равно какъ и всѣ наши представленiя, могутъ имѣть сущность, но не существенность. Ихъ существо и вещество (*materiam*) составляютъ предметы, которые служатъ для нихъ содержанiемъ. Содержанiе и форма Науки, вмѣстѣ и порознь взяшыя, составляютъ ея сущность.

На стр. 3 и 4 предшавлены два раздѣленiя Логикн, только между собою не связаны, ш. е. не сказано: „Эмпирическая ли, или Трансценденшальная Логика раздѣляется на чисшую и прикладную. Если Г. Сочинишель считалъ это ненужнымъ, то первое раздѣленiе и совсѣмъ не нужно: ибо ни къ чему въ послѣдствiи не служишь. Въ немъ же (стр. 4), а пошомъ и въ разныхъ мѣ-

спяхъ сей-книги, неправильно упошреблены слова: *умъ* и *разумъ*, какъ видно изъ сего: *смыслъ* есть способность мыслишь вообще. *Мышленіе* составляетъ при дѣйствія: *поятіе* (conceptus) — дѣйствіе *разума* (intellectus, des Verstandes in eng. Sin.); *сужденіе* (judicium) — дѣйствіе *разсудка* (der Urtheilskraft), и *умствованіе* (ratiocinatio, raisonnement) — дѣйствіе *ума* (rationis, de la raison, der Vernunft). Чпо же выше: *умъ* или *разумъ*? Да и пословица Руская: *умъ безъ разума бѣда*, означаетъ, чпо умствовашь и умничашь, не примѣняясь къ опытамъ и примѣрамъ, — опасно: хошя и можно *умѣть* дѣлать свое, не *разумѣя* чужаго.

Спр. 4 и 5. Первое условіе познанія.— Прекрасная спашья: но 1) содержишь въ себѣ слова шо неприличныя, какъ *размышленіе* вмѣсто мышленія, *чрезъ* вмѣсто: посредсвомъ, особаиво *противуположныиъ*, вмѣсто: совмѣстныиъ; шо лишнія, какъ: *помогъ*: 2) не объясняетъ нужныхъ терминовъ: thesis, antithesis и synthesis; и 3) составляетъ въ томъ мѣстѣ ни съ чѣмъ несвязанную всшавку.

Спр. 5 и 6. Природа челоуѣка. Связь шѣла и духа. — Спашья мешафизическая и къ Логикѣ мало идешь, особаиво здѣсь совсѣмъ не связана съ предъидущою.

Стр. 6. Способность *размышления* ни определена, ни раздѣлена. Г. Талызинъ, не отличивъ ничѣмъ размышленія отъ мышленія, употребляетъ оное слово, кажется, безъ разбору. Тутъ же духъ человѣческой названъ лучемъ свѣта *нескончаемаго*, вмѣсто: безконечнаго.

Стр. 6 и 7. Раздѣленіе силъ (способностей) познавательныхъ на низшія, среднія и высшія — на Рускомъ языкѣ новое и довольно хорошо; но *вниканіе* (на стр. 6 и въ другихъ мѣстахъ) употреблено совсѣмъ безъ определеннаго значенія. — Также на стр. 7 высшее или производительное воображеніе названо *фантазією* едва ли правильно. Дѣло воображенія вообще — представлять ошсущствующіе, посредствомъ чувствъ прежде познанные, предметы; но ихъ можно представлять: 1) произвольно и непроизвольно, 2) безъ перемѣны и съ перемѣною, и 3) въ послѣднемъ случаѣ можно форму ихъ представлять отдѣльно и неопдѣльно отъ ихъ существа. И пакъ воображеніе можешь производить по крайней мѣрѣ четыре разныхъ дѣйствія. Вотъ слова для означенія разныхъ его видовъ: воображеніе простое или подражательное (*imaginatio imitativa s. reproductiva*), воображеніе производительное или самодѣйательное (*imag. productiva, spontanea, activa*),

воображеніе опвлѣкающее, или транцен-
дентальное (imag. abstractiva s. transcendentalis)
и фаншазія (мечшательность). Которое изъ
сихъ именъ которому виду воображенія при-
личивѣ, оставляю на ваше разсужденіе.

Стр. 8. „Предлагаемъ естественный
порядокъ ихъ (силъ) возбужденія и *дѣлопо-
ложеніе* (functio), совершаемое каждою.“ —
Порядокъ мудрено предлагаешь; а въ порядокъ
— кое-что можно. Словомъ: *дѣлоположеніе*,
нѣкоторыя изъ нашихъ Ученыхъ переводяшь
Латинское factum и Нѣмецкое Thatsache, а
Г. Талызицъ переводяшь имъ functio; но
кто правъ, кто виноватъ, можно судяшь
по слѣдующему собранію его сослововъ: дѣ-
ло, дѣяніе, дѣйство, дѣйствіе, дѣйствованіе,
дѣлопроизводство, — опправление, работа,
занятіе, упражненіе, должность, — собы-
тіе, явленіе. — „Первая изъ силъ, со-
ставляющихъ способность размышленія, есть
сила ощущенія.“ — Сила ощущенія, равно
какъ и нѣкоторыя другія, есть не частъ
способности ни размышленія, ни даже мы-
шленія, но только ея орудіе, какъ видно изъ
сказаннаго выше: „всякое *размышленіе*, вся-
кое *полное* познаніе пріобрѣтаешся только
при общемъ ихъ (силъ) содѣйствіи.“ — „Она
(сила ощущенія) принадлежишь тѣлу и со-
стоишь въ расположеніи сего перемѣняшь-

ся отъ непосредственнаго и посредственнаго на него дѣйствія внѣшнихъ и *внутреннихъ* предметовъ.“ — Чшобъ внутренніе предметы (п. е. представленія, чувствованія и вождельнія) всегда и необходимымъ образомъ производили перемѣны въ шѣлъ, этого ничѣмъ доказать нельзя. И никто ни изъ Философовъ, ни изъ Медиковъ и Анашомиковъ не назначилъ въ нашемъ шѣлъ мѣста органу внутренняго чувства. Мнѣ кажется, что духовному существу самому по себѣ должны причлествовать способности какъ мышленія и размышленія, такъ равно и всякаго сознанія, а слѣдственно и внутреннее чувство. Похожее что-то на это говоритъ и самъ Авшоръ на стр. 21. Впрочемъ спорные пункты въ учебныхъ книгахъ вообще должны быть опускаемы или оговариваемы.

На стр. 9, и въ другихъ премногихъ мѣстахъ сей книги, вмѣсто примѣшы (*признака*) употребляется *знакъ*, едва ли хорошо? — О числѣ чувственныхъ органовъ, для избѣжанія споровъ, лучше было бы различиться симъ или подобнымъ образомъ „Ихъ считаютъ нѣкоторые шесть и даже болѣе; но вообще принимаютъ только пять.

„Для возбужденія — (стр. 10) посредствомъ нервовъ мускуламъ“ — все это, п

моему мнѣнію, найдешь къ Логикѣ. — Что сказано о шестости и ясности ощущенія по осязанію, что, кажется, доказываешь необходимость признашь въ нашемъ шлѣ особенное нѣкоторое чувство, сверхъ осязанія и четырехъ другихъ.

Объ органѣ вкуса, по моему мнѣнію, довольно было бы сказать, что онъ состоить въ шлѣной связи съ осязаніемъ; что его составляютъ нѣкоторыя части, рта; и особливо, какія именно качества шлѣ на него дѣйствуютъ. Прочее все почишаю къ Логикѣ непринадлежащимъ. Столь же мало принадлежащими къ ней нахожу и всѣ объясненія какъ устройенія другихъ чувственныхъ органовъ, такъ и способа дѣйствія на нихъ внѣшнихъ предметовъ, помѣщенныхъ на стр. 11 — 20: они существенно принадлежатъ къ Физикѣ и Физиологій. Для преподавателя Логики довольно словесно, и то слегка, коснуться сихъ предметовъ; ибо если онъ хорошенько вникнетъ и въ свою часть, то найдешь много предметовъ, которые не были еще подробно изслѣдованы, довольно даже и такихъ, которыхъ, можно сказать, совсѣмъ никто не касался.

Стр. 20 и 21. „Все дѣло органовъ чувственныхъ, относительно къ мысли (въ отношеніи къ смыслу) состоить въ распо-

ложеніи ихъ перемѣняются отъ дѣйствія на нихъ внѣшнихъ единственныхъ (физическихъ) предметовъ, соотвѣстственно силѣ сего дѣйствія, и равномерно пропиво-дѣйствовать оному.“ — Почти поже было сказано на стр. 8. При такихъ повторахъ въ учебныхъ книгахъ должно дѣлать указанія на тѣ мѣста, гдѣ еще о томъ же говорится. Дѣло чувственныхъ органовъ и пр. состоитъ не въ расположеніи только перемѣняться, но въ самой сей ихъ перемѣнѣ, или лучше въ томъ, что они терпятъ измѣненіе отъ дѣйствія на нихъ предметовъ, — Принятіе чувственными органами впечатлѣнія отъ предметовъ лучше назвать соотвѣстствіемъ, нежели пропиво-дѣйствіемъ, хотя въ Латинскомъ языкѣ и употребляется въ семъ случаѣ *reactio*.

Стр. 21. „Сознаніе сихъ перемѣнъ въ органахъ составляетъ *ощущеніе, чувство внѣшнее*.“ — Между ощущеніемъ и чувствомъ вообще — такое различіе, что первое означаетъ дѣйствіе, послѣднее — только способность; и потому первое можетъ назваться сознаніемъ, послѣднее — никогда. — „Существенная услуга, оказываемая *симъ* (какимъ?) *чувствомъ* въ *размышленіи* (при мышленіи) есть та, что оно, бывъ *произведено* (чувство-шо?!?!!) въ

насъ, возбуждаетъ *мысль* нашу къ дѣятельности, возбуждаетъ силу вниканія (вниманія, *vis intuendi, Anschauungskraft*).“

„Вниканіе состоишь въ обращеніи *мысли* нашей къ тому, что ощущено нами посредствомъ органовъ чувственныхъ, или, что произведено въ нихъ собственными ея силами. *Мысль* необходимо вникаешь во всякое свое дѣйствіе и спрѣданіе; въ семъ вниканіи состоишь сущность ея, и пошому сила вникашь — сопровождаетъ всѣ другія силы способности размышленія, приведенныя въ дѣйствіе.“ — Тутъ собраны въ одно совсѣмъ разныя вещи, какъ по: способность созерцанія, вниманіе низшее и высшее, и частію способность сознанія; мысль, какъ и вездѣ въ сей книгѣ, принята за смыслъ, или способность мыслить, и предшавлена состоящею изъ шакихъ частей, ш. е. силъ, копоры дѣйствуюшь и безъ ея содѣйствія сами по себѣ, слѣдовательно и не сущъ ея части.

Спр. 22. „Свойство сей силы (воображенія) все ощущенное посредствомъ органовъ приводитъ въ какой либо видъ или образъ (*imago, das Bild*), соотвѣтствующій полученнымъ ощущеніямъ, и начершавашь оный въ *мысли*.“ Да на что же приводитъ въ какой нибудь образъ или видъ то, что

само по себѣ его имѣешь, и что мы посредствомъ чувственнаго созерцанія представили себѣ уже въ образъ или видъ? Воображенія подражательнаго въ семь случаевъ дѣло — только возобновишь или снова представишь эгошъ образъ во время ошсущствія самаго подлинника; а производительнаго — измѣнишь оный. прибавленіемъ чего нибудь шакого, чего въ немъ не было, и ошдѣленіемъ ошъ него шого, что въ немъ находилось. — Слѣдующее пошомъ на стр. 22, 23 и 24 содержишь въ себѣ много хорошаго; но все эшо заглушено, или какъ бы задавлено, многословіемъ.

Спр. 24. „Воображеніе и вниканіе соединенно составляютъ шакъ называемое *чувство внутреннее*, сознаніе перемѣнь, происходящихъ внутрь насъ, въ самой *мысли*, предшешествующее *размышленію* по физической необходимости, и сосставляющее непосредственный предметъ *размышленія*“ (сперва еще мышленія). — Что воображеніе служишь къ сосшавленію внутреннего чувства, эшо опровергаешся: 1) шѣмъ, что воображеніе предшавляешъ только вещи, имѣющія образъ, шо ешть, находящіяся въ пространствѣ, а внутреннее чувство — только во времени происходящія перемѣны нашего духа; и 2) шѣмъ, что воображеніе

представляешь только ошуществующіе предметы, а внутреннее чувство, какъ и всякое другое, только присутствующіе. — Вниканіе, въ какомъ бы значеніи Авшоръ ни принималъ его, также не составляетъ части внутренняго чувства, а развѣ только помогаетъ ему въ его дѣлѣ. — Внутреннее чувство есть не сознаніе внутреннихъ переменъ, а только способность имѣть сіе сознаніе, которое есть уже ощущеніе въ семъ случаѣ, а не чувство только.

Спр. 25. „И шакъ, подѣ словами: чувственныя представленія (созерцанія? simplische Anschauungen) мы должны разумѣть представленія, имѣющія началомъ непосредственное дѣйствіе внѣшнихъ предметовъ на чувства, но собственно составляемые *умомъ*; безъ сего послѣдняго нѣтъ никакихъ представлений.“ — Здѣсь во-первыхъ подразумѣвается, будто нѣтъ созерцаній внутренняго чувства; а это — не правда; во вторыхъ Г. Авшоръ не дѣлаетъ различія между созерцаніями и особенными понятіями: но — первыя измѣняются въ насъ каждый разъ, какъ скоро предметы ихъ прешерпѣваютъ какуюнибудь перемену, а послѣднія ошущаются шѣми же и при видимой переменѣ своихъ предметовъ. Есть еще различіе между созерцаніями чувствъ и созерцаніями вооб-

раженія: пѣ бѣвають въ насъ только во время ихъ ошеуствія. Qui bene distinguit, bene percipit, et bene docet. — Умъ и разумъ хотя бѣвають въ насъ при всѣхъ родахъ нашихъ представленій, но нельзя сказать, чтобы непременно участвовали въ составленіи всѣхъ ихъ, наприм. для происхожденія чувственнаго созерцанія довольно здраваго чувства, дѣйствующаго на него предмета и самочувствія познающаго существа.

Стр. 26. „И такъ въ дѣйствіяхъ мысли, непосредственно за воображеніемъ, обнаруживается умъ (разумъ), способность, съ которою (которою, либо съ которой) начинается свободная дѣятельность мысли: помощію его, при новомъ вниманіи, которое на сей разъ называется углубленіемъ, мысль испытываетъ все оцущенное и обращенное въ какой либо образъ.“ — Неизвѣстно, какъ самъ Авторъ разумѣетъ сіи слова: за воображеніемъ обнаруживается умъ, — такъ ли, что умъ или разумъ въ чловѣкѣ раскрывается послѣ раскрытія воображенія; или такъ, что каждый разъ, какъ только мы что нибудь познаемъ, сперва работаемъ чувства, потомъ воображеніе, а за нимъ уже разумъ. Въ первомъ случаѣ онъ правъ; въ послѣднемъ — нѣтъ. — Читашь и слышашь, что мысль дѣйствуетъ, испы-

шуеть, спраждеть и ш. п. чрезвычайно спрашно. — *Углубленіе* — слово также хорошо, какъ вниканіе и вниманіе, но жаль, что значеніе его столь же мало опредѣлено, какъ и сихъ послѣднихъ. — Какъ будто для произведенія мысли все должно обращаться въ образъ! И что такое значить обращаться въ образъ? То же ли, что и облакать въ образъ? Но не все можно и облакать въ образъ, напр. звуки, запахи, различныя жесты и ш. д. Воображеніе можетъ только возобновить: *во-первыхъ*, самыя вещи, бывшія причиною сихъ ощущеній, *во-вторыхъ*, ощущенія самыя, и по болѣе сравнивая одни съ другими того же рода: но чтобы оно вещи или ощущенія превращало или облакало въ образъ, этого совсемъ сказать нельзя.

Вмѣсто: „Дѣйствіе *ума* называется *размышленіемъ*,” — надлежало бы сказать: дѣйствіе смысла называется мышленіемъ. — Слѣдующее за симъ объясненіе очень темно; напр. что такое значить: „всякій образъ, напечатлѣнный воображеніемъ въ мысли?” — Подобныя сему выраженія встрѣчаются и еще въ сей книгѣ, и всегда кажутся спрашными. Воображеніе никакъ не напечатлѣваетъ образа въ мысли, но принимаетъ его въ себя, или въ себя сосща-

вляешь, а способность мыслящая упошребляешь его на свое дѣло.

Спр. 27. „Размышленіе (мышленіе) производится *черезъ* углубленіе и ошвлеченіе. Углубленіе состоишь въ обращеніи мысли къ цѣлому образу предмета; ошвлеченіе есть вниманіе меньшаго, шакъ сказашь, объема, болѣе обращаемое на что либо одно, нежели на другое, состоящее съ шѣмъ въ связи.“ — Сверхъ углубленія и ошвлеченія при мышленіи необходимо и сопряженіе. Углубленіе все еще не опредѣлено; ошвлеченіе шолько риторически описано, и шо нехорошо. Слѣдующее за шѣмъ все мало объясняешь.

(*Окончаніе впередъ*).

III.

Т Е Х Н О Л О Г И Я.

Нѣсколько словъ о винахъ и тому подоб-
ныхъ крѣпкихъ напиткахъ (*).

Родъ человѣческой подверженъ горесшамъ, приходящимъ къ нему со всѣхъ споронъ и почти безпрестанно его угнешающимъ; но люди издавна любили повеселиться и всегда и вездѣ находили къ шому различныя сред-
ства. Въ числѣ сихъ средствъ находящся вино и подобныя ему напитки. Начадо ихъ изобрѣшенія простирается до незапамят-
ныхъ временъ, а употребленіе повсемѣст-
ное. Природа повсюду щедро доставляетъ
человѣку это благодѣтельное средство; но
не ея вина если онъ употребляетъ его ча-
сто во вредъ себѣ. *Вино веселитъ сердце
человѣка*, сказано было еще тысячи за при-
лѣшь до насъ. Мы ежедневно пьемъ вино,
пиво и шому подобное, но не всѣ знаемъ,
изъ чего они состоятъ, или изъ чего из-

(*) При составленіи этой статьи я пользовался
слѣдующими книгами: *Traité de Chimie* etc. par The-
nard. VI édit. 1827; и *Manuel du manufacturier*,
par Pelouze. 1826. С. У.

влекающся. Удѣлимъ же нѣсколько минушь на сообщеніе себѣ крашкаго объ этомъ пониманіи.

Свойство вина и другихъ ему подобныхъ напишковъ, подкрѣпляшь, развеселяшь и напоследокъ дѣлашь пьянымъ человека, происходишь отъ особеннаго вещества, называемаго *алкоголемъ*, котораго они содержатъ въ себѣ болѣе или менѣе.

Алкоголемъ называется самый крѣпкій винный спиртъ, ни сколько воды въ себѣ неимѣющій. Это жидкость совершенно безцвѣтная, похожая на чистѣйшую воду, только легче ея, весьма легкая, пріятнаго запаха и весьма жгучаго вкуса. Алкоголь происходишь изъ различныхъ веществъ, когда они приходишь въ такъ называемое *винное броженіе*, и потомъ отдѣляется отъ нихъ *перегонкою*.

Броженіемъ вообще называется нѣкоторое самособное движеніе, случающееся въ иныхъ тѣлахъ, отъ котораго рождаются такія произведенія, коихъ сначала тамъ не было. При винномъ броженіи рождается алкоголь, и отдѣляется много воздухообразной жидкости, называемой *угольною кислотою*. Чтобы произошло это броженіе, надобно сшеченіе слѣдующихъ вещей: сахару, закваски, воды и извѣстной температуры.

Напримѣръ, распустимъ 5 часшей сахару, въ 20 часпяхъ воды, прибавимъ 1 часпъ дрождей въ видѣ шѣста, кои сушь самая лучшая закваска, поставимъ смѣсь въ шемперашуру отъ 15 до 30°, и броженіе немедленно начнешя. Сначала образуется около закваски множесиво пузырьковъ, кои попомъ будущъ соединяшяся по два, по три, по четыре, будущъ поднимаешяся къверху, опрывая и унося съ собою часпицы закваски, къ коимъ были прикрѣплены, и оставашяся нѣсколько времени на поверхности жидкости, гдѣ составяшъ болѣе или менѣе толстую пѣну; послѣ сего пузырьки лопающяся и разсыпающяся въ воздухъ. Часпицы закваски упадающъ на дно сосуда и поднимающяся вторично вновь происшедшими пузырьками, оняшъ упадающъ и опяшъ поднимающяся и шакъ далѣе. Въ первые 10 или 11 часовъ броженіе бываетъ весьма сильное и жидкость разгорячается; попомъ оно спашетъ запахашъ и окончится не прежде нѣсколькихъ дней: въ это время все вещество мушившее жидкость, уляжется, и она сдѣлаешя весьма свѣшлюю. Въ жидкости окажется алкоголь, и она будетъ оказывашъ на человѣка, ее выпившаго, болѣе или менѣе сильное пьяное дѣйшвіе.

Всякое пѣло въ сославѣ копорого находися сахаръ, вода и закваска, можешъ при благопріятной шемпературѣ прійши въ винное броженіе.

Всѣ пьяные напитокки, какъ шо: вино, пиво, сидръ, вишневка, сивуха, водка, ромъ, аракъ и проч., дѣлаюшя посредствомъ виннаго броженія. Первые при оспающа-ся пакци, какими вышли изъ броженія, а послѣдніе чешыре сверхъ шого перегоняюшя.

Виноградное вино дѣлаешя изъ соку, выжимаемаго изъ виноградныхъ ягодъ, копорый пошомъ въ надлежащей шемпературѣ приводися въ броженіе, и по окончаніи его спановися почти шѣмъ виномъ, копорое мы упошребляемъ. Крѣпосшь и пьяносшь вина зависитъ ошъ количесшва содержащагося въ немъ алкоголя. Свойсшво или признакъ винъ, по коему они опличаюшя одно ошъ другаго во вкусъ и запахъ, называешя *букетомъ*: онъ зависитъ ошъ особеннаго вѣщесшва, находящагося въ винахъ, и копорое до сихъ поръ хорошенько еще не извѣ- дано.

Виноградныя вина бываюшъ красныя и бѣлыя. Первые происходяшъ изъ соку ягодъ краснаго винограду, заквашеннаго вмѣсшъ съ ободочкою или верхнею кожицею его ягодъ;

а вшорья — изъ соку ягодъ бѣлаго винограда, или и краснаго, но заквашеннаго безъ оболочки его ягодъ.

Пѣнящіяся вина, каково Шампанское, пригошоваются слѣдующимъ образомъ: нѣсколько времени спуспя по выжашіи изъ ягодъ, вино разливается въ бушылки, и если не довольно сладко, шо подслащивается леденцомъ; а какъ оно не совсѣмъ еще перебродило, шо въ немъ образуется угольная кислота, кошорая, не имѣя возможности выйши изъ закупоренной бушылки, пребываетъ, по причинѣ давленія въ винѣ распущенною. Какъ же скоро шаковое вино будетъ опкупорено, шошчасъ угольная кислота начинаешъ изъ него быспро выхидишъ въ воздухъ пузырьками, и шѣмъ производишъ въ винѣ пѣну и кипѣніе.

Виноградъ, въ теплыхъ спранахъ распущій, бываешъ слаще; вина изъ него дѣлаемыя, бываюшъ крѣпче и спиршовашѣе; вина же холодныхъ спранъ менѣе спиршовашы и гораздо кислѣе. Впрочемъ доброша винъ зависишъ ошъ ихъ букеша.

Пиво и портеръ дѣлаюшся изъ солоду, происходящаго изъ вырощенныхъ ячменныхъ или ржаныхъ зерень; вода, наспоинная солодомъ, называется сусломъ, кошорое перебродя спановишся пивомъ или поршеромъ.

Сидръ дѣлается изъ соку, выдавливаемого изъ яблокъ.

Вода кипитъ, но естъ превращается въ пары, при 80° (Реомюра), а алкоголь — при 62° , слѣдовательно прежде воды. На этомъ основано производство перегонки, посредствомъ кошорой алкоголь отдѣляется изъ жидкости, его содержащей. Именно, напримеръ, виноградное вино наливають въ сосудъ (называемый кубомъ) съ крышкою, изъ коей идетъ труба, и нагреваютъ его: пары алкоголя пойдутъ вверхъ напередъ, взойдутъ въ трубку, гдѣ охлаждаются и выпекаютъ вонь въ подсаженный сосудъ, а водяная жидкость вина остается въ кубѣ. Произведенія изъ первой перегонки, въ коемъ алкоголь еще довольно смѣшанъ съ водою, называется *водкою*; водка, будучи перегнана, даетъ алкоголь еще чище, и называется тогда уже *спиртомъ двойнымъ*, — въ третій разъ — *тройнымъ*: послѣ каждого раза жидкости получается меньше, но она отчасу болѣе подходитъ къ чистому алкоголю.

Посредствомъ броженія и перегонки получаютъ слѣдующіе, употребительнѣйшіе у насъ, напитки:

Сквуха и *пѣнникъ* — изъ ржаной муки.

Кизлярская и Французская водка (на-
стоящая) или *коньякъ* — изъ винограда.

Киршвассеръ или *вишневка* — изъ ви-
шень.

Ромъ — изъ соку сахарнаго просшника.

Аракъ — изъ сарачинскаго пшена и
плодовъ ареки (agesa catechu).

Количество алкоголя, находящагося въ
винахъ изъ одного мѣста, различна въ ви-
нахъ одного года около $\frac{1}{6}$, а въ винахъ раз-
ныхъ лѣтъ около $\frac{1}{3}$ отъ средняго содержа-
нiя. — Въ нижеслѣдующей таблицѣ, состав-
ленной Г. Брандомъ, показано среднее ко-
личество алкоголя, содержащагося въ раз-
личныхъ напиткахъ, Плотность этого ал-
коголя приливъ воды 0,825.

Содержанiе
алкоголя во
100 частяхъ
напитка по
объему.

НАЗВАНIЯ НАПИТКОВЪ.

Лисса	25,41.
Секшъ (вино изъ изюму)	25,12.
Марсала	25,90.
Мадера	22,27.
Смородиновка	20,55.
Хересь	19,17.
Тенерифское	19,79.
Коларесь	19,75.
Лакрима-Хриспи	19,70.

Конспанція бѣлая	19,75.
Конспанція красная.	18,92.
Лиссабонское	18,94.
Малага (1666)	18,94.
Буцелась	18,49.
Мадера красная	20,35.
Мускашъ Капскій	18,25.
Мадера Капская	20,51.
Вино вареное изъ мусша	18,11.
Каркавель	18,65.
Видонія	19,25.
Альба-Флора	17,26.
Малага	17,26.
Эрмишажъ бѣлый	17,43.
Русильонское	18,13.
Кларешъ, или Бордосское	15,10.
Мальвазирь-Мадера	16,40.
Люнель	15,52.
Ширазское	15,52.
Сиракузское	15,28.
Сѣшернь	14,22.
Бургонское	14,57.
Гохгеймъ (Рейнское вино)	12,08.
Ницкое	14,63.
Барзакъ	13,86.
Тиншо	13,30.
Шампанское	13,80.
Тоже пѣнящееся	12,61.
Эрмишажъ красный	12,32.

Гравь	13,37.
Фроншиньякъ	12,79.
Копь-роши (Côte rotie)	12,32.
Вино изъ крыжовника	11,84.
Вино изъ померанцевъ, дѣлаемое въ Лондонъ	11,26.
Токайское	9,88.
Вино изъ бузинныхъ ягодъ (Элдеръ)	9,87.
Сидръ, самый крѣпкій	9,87.
То же самый слабый	5,21.
Грушовка	7,26.
Медь (пищейный)	7,32.
Эль (пиво) Буршонское	8,88.
— Эдинбургское.	6,20.
— Дорчешерское	5,56.
Пиво крѣпкое, черное (броунъ споушъ)	6,80.
Поршеръ Лондонскій	4,20.
Подпиво Лондонское	1,28.
Водка	53,39.
Ромъ	53,68.
Джинъ (можжевеличникъ)	51,60.
Виски Шотландское (водка изъ зер- новаго хлѣба)	54,32.
Виски Ирландское	53,90.

Изъ этой таблицы замѣчательно, между прочимъ то, что красныя вина вообще слабѣ бѣлыхъ, съ ними однородныхъ.

Сивуха или хлѣбное, или горячее вино, имѣешь всегда особенный непріятный вкусъ,

*

копораго не находишь въ виноградной водкѣ; эшотъ вкусъ происходитъ отъ часщицъ лешучаго масла и смолы, находящихся въ зернахъ. Чшобы испребишь его, испышывали различныя средства; клали въ хлѣбное вино благовонія, но все оставался особый вкусъ и жидкость дѣлалась мутною; употребляли уголь, какъ древесный, шакъ и живошный, но для успѣха съ нимъ надобно, чшобъ уголь былъ хорошо прожженъ и хорошо исполченъ, чшобы онъ долго насшавался въ винѣ прежде перегонки, и чшобъ былъ употребленъ въ большомъ количествѣ; онъ легко опускается на дно куба и причиняешь неравношпи въ нагрѣваніи; и пошому употребленіе его затруднительно, а сверхъ шого, вмѣсто совершеннаго уничтоженія непріятнаго вкуса, онъ прибавляетъ другой, особенный вкусъ. Наконецъ, захощли воспользовашься свойшвомъ нѣкошорыхъ кислотъ, разрушающихъ запахи живошныхъ и прозябаемыхъ существъ. Эшо средство имѣло успѣхъ, но оно дорого: кислота разъѣдаетъ мешалъ и съ шрудомъ достигаютъ желаемаго совершеншва.

Дѣберейнеръ нашель, чшо хлорныя соединенія способны къ ошнатию дурнаго запаха у хлѣбнаго вина, чшо было подшвержено и другими Учеными.

Употребленіе хлорныхъ соединеній легче, нежели ихъ пригововленіе: сшопшь шодько примѣшашь въ горячее вино хлористой извести, распущенной въ водѣ, или процѣженный роспускъ этого хлорнаго соединенія, и дашь смѣси нѣсколько постояшь прежде перегонки. Труднѣе всего найшти шочное количество хлорнаго соединенія, чшобы оно могло съ успѣхомъ дѣйствовашь на горячее вино. По опытамъ Цейза, $\frac{1}{4}$ унціи хлорнаго соединенія, пригововленнаго по означенной имъ соразмѣрности, досташочно вообще для очищенія 10 $\frac{1}{2}$ пинтъ горячаго вина въ 8°; но если не увѣрены въ хорошемъ пригововленіи хлорнаго соединенія, то лучше испышашь его сперва на небольшомъ количествѣ вина. Наконецъ, горячее вино, очищенное хлорнымъ соединеніемъ не содержишь въ себѣ ничего шакого, чшобы содѣлывало его для здоровья вреднѣе обыкновеннаго горячаго вина. Поелику же, 1 фуншомъ хлористой извести, сшѣдямъ 3 рейхшалера, можно очистишь большое количество вина, что это одно изъ дешевѣйшихъ средствъ, которыхъ можно употребить для сего.

Хлѣбное вино, очищенное отъ своего неприятнаго вкуса и запаха и подкрашенное надлежащимъ образомъ, употребляешся

у насъ въ Петербургъ за Французскую водку.

С. Усовъ.

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Ю Н А Я Г Р Ъ Ш Н И Ц А.

О, какъ мила, какъ богсмольна!
 Зевесъ, Олимпа спрогій богъ,
 Грѣхи просишь бы ей невольно,
 За обращенный къ небу вздохъ!
 Ея блистательныя слѣзы
 Обезоружили бь его,
 И вмѣсто грома своего
 На двѣу бросилъ бы онъ розы!

2.

О ж и д а н и е.

Очаровашельна, румяна,
 Игривой живости полна,
 Въ прозрачной шкани изъ шумана
 Любовь очей моихъ она,
 Въ нее природа влюблена!

Не сплю я... Вся душа въ шомлень!...
 Я жду ее!... я весь горю!...
 Ревнивцы! бросьте подозрѣнье,
 Я жду румяную зарю!

А. Вельтманъ.

3.

И Р Л А Н Д С К А Я М Е Л О Д И Я .

(*Подражаніе Муру.*)

Когда блещишь свѣшало дня,
 Иль непогода завываешь,
 Иль хладъ на море упадаешь,
 Его собою леденя...
 О! дѣва милая, молодая,
 Ты будь, среди морскихъ зыбей
 Подругой вѣрною моею,
 Со мной восшорги раздѣля!...

Пусть свѣтъ смѣняешь огнемъ,
 Пусть солнце осенью не грѣешь; —
 Но сердце вѣрное огнемъ
 Повсюду равнымъ пламенешь! —

Коль ты со мной, — меня любя,
 Ничтожны мнѣ судьбы угрозы! —
 Гдѣ ты — дѣвѣ шепъ шамъ жизни розы...
 И всюду смершь, гдѣ нѣшь себя! —
 Любовь. свобода ожидаешь,
 Средь быстрыхъ волнъ себя со мной; —

Мы позабудемъ міръ земной,
Насъ въ моръ небо обружаешь,

Пусть снѣгъ смѣняеся дождемъ,
Пусть солнце осенью не грѣеши;
Но сердце вѣрное огнемъ
Повсюду равнымъ пламенѣеши! —

Безбрежный созданъ океанъ
Для душъ, пылающихъ свободой;
Земля жъ извергнуша природой,
На шель чшобъ добрый быль погранъ!...
И шагъ, въ лазурныя равнины
Послѣдуй дѣва шы за мной;
Пушевоидишельной звѣздой,
Намъ будущъ въшыры — исполни!...

Пусть снѣгъ смѣняеся дождемъ,
Пусть солнце осенью не грѣеши;
Но сердце вѣрное огнемъ
Повсюду равнымъ пламенѣеши!

Аполлонъ Рѣдкинъ.

Москва.

1827 г. 14 Декабря.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Рѣчь, произнесенная Президентомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, при открытіи засѣданія Конгресса, 4 Декабря (н. ст.) 1827.

**Сотраждане, Члены Сенаша и
Палашы Предсавишелей!**

„Сохранишь, улучшишь, увѣковѣчишь
иссточники народнаго благоденствія и дашь
имъ выгоднѣйшее направленіе — вошь цѣль
учрежденія Правительствъ.

„Предмешы высокой важности для бла-
гососпоянія Союза непрестанно предсав-
ляющся Федеральною Законодательною влас-
ти. Они получающъ еще большую степень
важности ошь предсоящаго нынѣ общоя-
шельства: перваго собранія обвихъ Палашъ,
послѣ періодическаго возобновленія оныхъ.

„Полишическія и шорговыя сношенія
наши съ другими народами пребывающъ дру-
жесшвенными, какъ и прежде, и мы съ по-
сшояннымъ вниманіемъ пользовались всѣми
случаями къ улучшенію оныхъ. Переговоры
съ Правительствомъ Великобританскимъ о
предмешахъ чрезвычайно важныхъ и шребо-

вавшихъ величайшей оспорожності, окончены рѣшеніемъ нѣкошорыхъ спорныхъ пунктовъ, на условіяхъ выгодныхъ, и опложеніемъ другихъ вопросовъ, кошорые должны бышь разсмошрѣны подробнѣе и рѣшены въ послѣдствіи. Поспановленія конвенціи, заключенной въ С. Пешербургъ 12 Іюля 1822 года, при посредничествѣ покойнаго Императора Александра, приведены въ исполненіе, заключеннымъ въ Лондонъ 13 Ноября 1826 года договоромъ, коего рашификаціи раздѣнены въ семь городъ 6 минушнаго Февраля. Сумма 1,204,960 долларовъ, кошорая по силѣ сего договора, долженствовала бышь уплачена въ видѣ вознагражденія, упомянушаго въ первой сшашѣ шракшапа Геншскаго, получена, и уже часшю роздана шѣмъ, кошорые имѣли на шо право. Таковое окончаніе одного изъ шруднѣйшихъ переговоровъ, кошорое когда либо производилось между Соединенными Шшашами и Великобританіею, не только можешъ радовашъ насъ, но долженствуетъ еще имѣшь счасшливымъ послѣдствіемъ увеличеніе съ обѣихъ сторонъ дружесшвеннаго расположенія и облегченіе средствъ къ рѣшенію другихъ спорныхъ пунктовъ. Долгомъ почишаю опданъ при семь случаѣ полную совершенную справедливосшь благородшву, съ кошорымъ по-

чпенная нація, заглаждая свои прежныя про-
ступки, приобрьшаешъ шоржештво славнѣй-
ше того, какое когда-либо могла бы досща-
вить ей побѣда, самая кровавая.

„Срокъ конвенціямъ 3 Юля 1815 и 20
Сентября 1818 года долженъ истечь 20 бу-
дущаго Октябрия. Сими конвенціями торго-
выя и прямиа сношенія Соединенныхъ Шта-
повъ съ Великобританніею основаны на со-
вершеннѣйшей взаимности и ушверждены,
посредствомъ обоюдной уступки права и
требованія на земли, лежащія на западъ отъ
горъ Рокки. Рѣшеніе было опложено на не-
опредѣленное время по истеченіи срока по-
мянутыхъ конвенцій, и каждой договариваю-
щейся споронѣ предосщавлено было право
положить имъ конецъ, предупредивъ другую
о томъ за годъ. Основное правило всѣхъ
торговыхъ сношеній между народами неза-
висимыми естъ взаимная выгода. Правило
сіе сосщавляешъ жизнь самой шорговли. Воз-
можность добровольно продолжатъ шоргъ,
кошораго бы вся выгода была на одной и
вся шяжешъ на другой споронѣ, не согла-
суешся ни съ природою челоувѣка, ни съ пер-
выми законами всякаго челоувѣческаго обще-
ства. Дознаю опытомъ, что шорговые до-
говоры суть лучшее средство сохранишь и
упрочишь миръ и согласіе между народами,

коихъ выгоды, разсмашириваемыя исключи-
 шельно съ одной или съ другой спороны,
 подвергались бы, по причинѣ соперничества,
 часшму соприкосновенію. При переговорахъ
 о тракташахъ сего рода, обязанность каж-
 дой спороны состоишь не въ помъ шоль-
 ко, чшобы съ неопределимымъ упоршвомъ
 настаивашь на помъ, чшо ей нужно для
 собшвенной выгоды, но и въ помъ, чшобы
 свободно соглашашься на то, чего пребуешъ
 выгода другой спороны. Для достиженія сей
 цѣли нужно почши шолько одно: наблюдать
 простое правило взаимности; и если бы
 возможно было, чшобы Государшвенные лю-
 ди одного народа хипросшію или иначе ис-
 шоргли опъ слабости или невѣжества дру-
 гаго народа договоръ, шягосшный для сего
 послѣдняго, шо таковой акшъ сдѣлался бы
 не залогомъ мира, но причиною войны. Трак-
 ташы наши съ Великобританніею основаны
 на правилахъ взаимности. Торговыя сноше-
 нія между сею землею и нашимъ отече-
 ствомъ несравненно обширнѣе шѣхъ, кото-
 рые сущесшвуютъ между какими-либо дву-
 мя другими народами Земляго шара. Къ
 счастью и пользѣ обоихъ, они шоль же
 важны и по всей вѣроятности несравненно
 значишельнѣе, нежели каковы были бы ш-
 гда, когда бы оба народа сосшояляли одну и

шу же націю. Тракшашы, подобныя шѣмъ, копорыя сущесшвуютъ между Соединенными Штатами и Англією, усшановившіе между ними сношенія мирныя и дружесшвенныя, и упрочившія выгоды высокой важности, штракшашы, коихъ обоюдная польза доказана опышомъ, не могутъ бышь легкомысленно прерваны или осшановлены. Двѣ конвенціи для ушверженія ихъ дѣйствія заключены уполномоченными обоихъ Правительствъ 6 минувшаго Августа и немедленно будущъ представлены Сенату на ушверженіе.

(За симъ Президентъ упоминаетъ о переговорахъ, касающихся до опредѣленія границъ, назначенныхъ обоимъ Государствамъ Парижскимъ договоромъ 1783 и Геншскимъ 1815 года, и увѣдомляетъ, что дѣло сіе почти совершенно рѣшено конвенцією, заключенною въ Лондонѣ 29 минувшаго Сентября. За симъ продолжаетъ онъ слѣдующимъ образомъ):

„Должно сожалѣть, что въ то время, когда сполько предметовъ, касающихся до дружесшвенныхъ связей между обими странами, рѣшены удовлетворительнымъ образомъ, не осшановлено еще швердыхъ правиль шорговымъ сношеніямъ Соединенныхъ Штатовъ съ Англійскими колоніями.

„Послѣ многократныхъ, щещныхъ усилій согласишься съ Англійскимъ Правительствомъ, мы съ сожалѣніемъ увидѣли, что оно намѣрено ославить въ своей силѣ запрещеніе, наложенное на нашу торговлю. Оно не только не согласилось договариваться о семь предметѣ, но еще пошановило въ семь случаевъ правило, которое лишило насъ возможности вести дальнѣйшіе переговоры. Не сообразно съ достоинствомъ Соединенныхъ Штатовъ испрашивашь безвозмездныхъ милостей или принимаешь въ видѣ милости то, за что пребуешь значительнаго вознагражденія. Пріятнѣе, впрочемъ, видѣшь, что не смотря на невыгоды, происходящія отъ совращенія торговли нашей съ обыкновеннаго пути ея, отъ сего не произошло доселѣ никакого уменьшенія въ доходахъ Соединенныхъ Штатовъ, и что не можно и ожидать значительнаго уменьшенія оныхъ отъ сего взаимнаго воспрещенія.

„Сношенія наши съ другими торговыми и морскими Державами Европы потерпѣли не много измѣненій. Съ уничтоженія, послѣ договора 24 Іюня 1822 года, различныхъ пошлинъ, взимаемыхъ во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ, съ кораблей сихъ двухъ Государствъ, торговля наша съ Франціею распространилась и продолжается рас-

проспраняшся. Французское Правитель-
ство изъявило желаніе возобновишь перегово-
ры о семь предметъ, и мы, согласившись
на его предложеніе, объявили желаніе рас-
проспранить переговоры сіи и на другіе
предметы, въ коихъ обѣимъ сторонамъ
выгодно было бы согласиться. Сношенія
между Соединенными Штатами и Франціею
начались съ первыхъ лѣтъ нашей независи-
мости. Воспоминаніе о нихъ тѣсно соеди-
нено съ воспоминаніемъ о великой борьбѣ
нашей за бышіе народное. Хотя воспомина-
ніе сіе въ послѣдующія времена ослабѣвало,
но никогда совершенно не изглаживалось изъ
нашей памяти, и мы съ радостію увидѣли
бы сподъ же дружественное воспоминаніе
со стороны Франціи. Посланникъ нашъ въ
Парижъ въ недавнемъ времени снова домо-
гался разсмотрѣнія справедливыхъ требова-
ній нашихъ согражданъ на вознагражденіе за
убытки, давно уже ими понесенные; боль-
шая часть сихъ требованій признана, и
всѣ они по справедливости заслуживающъ
уваженіе. Предложеніе, сдѣланное въ послѣд-
нее время Французскому Правительству, со-
стояло въ томъ, чшобы причину, препят-
ствующую принятію сихъ правъ въ уваже-
ніе, ошдашь на разсмотрѣніе Государю, со-
стоящему въ дружбѣ съ обѣими сторонами.

Ръшишельнаго опвѣща на сіе предложеніе еще не послѣдовало; но духъ чесши и благородства, кошорымъ Франція всегда гордилась и славилась, не дозволишь, чшобы претребованія невинныхъ жершвъ были заглушены пустыми предлогами къ исполненію оныхъ.

„Съ Королевствомъ Шведскимъ заключень новый дружественный шорговый и мореплавашельный договоръ. Онъ будешъ предсшавлень Сенашу для узнанія мнѣнія его о рашификаціи. Недавно прибыль сюда Подмочный Посоль Ганзеапическихъ городовъ, Гамбурга, Любека и Бремена, съ порученіемъ заключишь дружественный шорговый договоръ между симъ древнимъ, знаменитымъ Союзомъ и Соединенными Шшашами. Переговоры о семъ предметѣ начашы и продолжающся. Послѣдствіе оныхъ, если они окончатся счасливо, будущъ предсшавлены Сенашу.

„Съ восшесствія Имперашора Николая на Прешоль Всероссійскій, дружественное расположеніе къ Соединеннымъ Шшашамъ, кошорое посшодино изъявляль Его Предшесшвенникъ, неизмѣнно продолжашся, и мы получили свидѣшельство онаго, назначеніемъ Полномочнаго Посланника при Правительствѣ Союза.“

(За сию Президентъ представляеть картину сношеній Соединенныхъ Штатовъ съ другими Республиками твердой земли Америки; распространившись о безпокойствахъ, возмущающихъ и понынѣ сии новыя Государства, и изъявивъ надежду, что въ нихъ скоро возстановится совершенное спокойствіе, Г. Джонъ Квинси Адамсъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:)

„Переходя оныя вышнихъ сношеній нашихъ съ иноземными народами ко внутреннимъ дѣламъ Союза, мы съ величайшимъ удовольствіемъ замѣчаемъ, что доходы текущего года будутъ соответствовать ожиданіямъ, и являюща на слѣдующій годъ въ видѣ еще благопріятнѣйшемъ.

„Капиталь, оставшійся въ Казначействѣ къ 1-му минувшаго Января, соснвлялъ 6,358,686 долларовъ. Доходы по 31 Сентября простирались до 16,886,581. Доходы нынѣшней четверти должно примѣрно полагать въ 4,515,000, что за весь годъ составишь всего 21,400,000 долларовъ. Расходы, которые могутъ возвыситься до 22,300,000, нѣсколько превышающъ доходы, но изъ означенныхъ 22 милліоновъ слишкомъ 6 милліоновъ употреблено на уплату казначая Государственнаго долга въ число

10 милліонівъ, ассигнованныхъ на сей предметъ постановленіемъ отъ 3 Марта 1813 года.

„Пошлины за ввозъ товаровъ съ начала года до 30 Сентября составляли 21,226,000 долларовъ, и въ продолженіе послѣдней четверти года должны примѣрно возвыситься до 5,774,000 долларовъ, что составитъ всего 27 милліонівъ. Такимъ образомъ принявъ въ разсужденіе могущія произойти случайныя уменьшенія и недоимки, можемъ достоверно полагать доходы будущаго года въ 22,300,000 долларовъ; сія сумма почти равняющаяся расходамъ текущаго года.“

(Отъ обзорнія финансовъ, Президентъ переходитъ къ разсмотрѣнію состоянія арміи и ссылается по сему предмету на донесеніе Государственнаго Секретаря Военныхъ Дѣлъ, приложенное къ его Рѣчи. Онъ особенно настаиваетъ на необходимости умножить корпусъ Инженеровъ, для обзорнія мѣстъ и построенія укрѣпленій, необходимыхъ для выполненія общей системы защиты береговъ и границъ Союза. Онъ также излагаетъ вкратцѣ содержаніе донесенія Государственнаго Секретаря Морскихъ силъ, приложенное къ его Рѣчи; распространяется о необходимости завести морскую Ака-

демію, или школу, дабы доставить молодымъ людямъ, предназначающимъ себя для сего рода службы, возможность пріобрѣсти теоретическія познанія, необходимыя для точнаго исполненія ихъ должностей, и продолжаетъ:)

„Пракшика мореходнаго искусства можешъ бытъ пріобрѣтена во время крейсераства судовъ, которыя мы по временамъ отправляемъ въ моря отдаленныя; но достаточное познаніе искусства кораблестроительнаго, Высшей Математики и Астрономіи, познаніе Липерашуры, которое должно доставить воспитаніе нашихъ морскихъ офицеровъ на одну степень съ воспитаніемъ другихъ мореплавателей народовъ, познаніе мѣстныхъ и народныхъ правъ, которое могутъ они примѣнять при сношеніяхъ съ иностранными Правительствами, всего болѣе познаніе правилъ чести и справедливости и еще важнѣйшихъ обязанностей, налагаемыхъ на человека нравственностію и общими, Божескими и человѣческими законами, которые составляютъ великое отличіе воина патріота отъ пирата, получившаго дозволеніе отправлять ремесло свое, — все сіе можешъ бытъ преподано и изучено надлежащимъ образомъ не на-

*

че, какъ въ постоянномъ учебномъ заведеніи, учрежденномъ на сухомъ пуши, снабженномъ наставниками, инструменшами и необходимыми книгами.

„Одинъ изъ предметовъ наиболее занимавшихъ досель вниманіе Конгреса и Правленія, есть распоряженіе пою частію народной собственности, которая называется *общественными землями*. Приобрѣтеніе Союзомъ сихъ земель цѣною многихъ денегъ и крови, сослало право собственности швердое и уважительное. Изъ послѣдняго донесенія по сему предмету видно, что Казначейство уплашило 33 милліона долларовъ за часть сихъ земель, купленную у Франціи и Испаніи. Количесво прибрѣтенныхъ земель просширалось до 200 милліоновъ акровъ; къ 1 Января 1826 года осмотрѣно и измѣрено оныхъ около 139 милліоновъ акровъ и нѣсколько болѣе 10 милліоновъ продано. Суммы, уплаченныя Казначейству прибрѣтателями, не равняющся еще суммѣ первоначальныхъ издержекъ: выручка оныхъ продажъ давно уже назначена въ уплату Государственнымъ должникамъ, и все заслало надѣяться, что чрезъ нѣсколько лѣтъ они будутъ удовлетворены. Система, принятая управленіемъ сего важ-

наго предмета, измененная и улучшенная насчавленіемъ опыта и увеличеніемъ нашего народонаселенія, увѣнчана счастливейшимъ успѣхомъ. Больше девяти десятыхъ сихъ земель оспалаеъ въ общественномъ владѣніи и сдѣдстввенно въ распоряженіи Конгреса.

„Есть другіе предметы высокой важности для всего Союза, на которые вниманіе Конгреса было обращено и предшвенникамъ моими и самимъ мною. Въ первомъ ряду оныхъ стоишь долгъ справедливости, еще болѣе нежели благодарности, къ вешеранамъ войны за независимость нашу. За симъ упомяну о распросраненіи судопроизводства Федеральнаго Правительсшва на новыя Обласши, которыми Союзъ увеличился уже послѣ образованія нынѣшняго судебного управления, Обласши, заключающія въ себѣ по крайней мѣрѣ шрешь нашей земли, нашего могущества и нашего народонаселенія; наконецъ принятіе системы однообразной и болѣе дѣйствительной для образованія земскаго войска и разсмотрѣніе законоположеній, противорѣчащихъ одно другому и слишкомъ строгихъ, касательныхъ до несостоятельныхъ должниковъ. Предоставляя спокойному и патріотическому раз-

сужденію Законодательной власти сколько предметовъ, важныхъ для народнаго благосостоянія, я присовокуплю только то, что исполненію всѣхъ мѣръ, ею одобренныхъ, я буду споспѣшествовать дѣятельнымъ, праводушнымъ образомъ, согласно съ обязанностью, на меня возложенною и съ чувствованіемъ долга, лежащаго на мнѣ, по силѣ коренныхъ нашихъ пошановленій.

(Изъ No 7 *Journ. de St. Pét.*)

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

1. *Atlas historique et chronologique des littératures anciennes et modernes etc.* Историческій и Хронологическій Атласъ древнихъ и новѣйшихъ Литературъ, Наукъ и Изящныхъ Искусствъ по методу и плану Атласа Лесажа (Графа де Ласказа), могущій служить дополненіемъ оному; соч. Г. Жарри де Манси, бывшаго воспитанника Нормальной школы, Профессора Исторіи въ Парижской Академіи. Тетрадь (livraison) V. Парижъ 1827. 10. у Ренуара. Двѣ таблицы in fol. Цѣна 8 фр.

Г. Жарри де Манси, ободряемый успѣхомъ, съ какимъ приняты другія его шворенія, сопоставленныя по общей системѣ (*Историческая картина Политехнической школы, Конституціонный Атласъ* и проч.) продолжаетъ и новое сіе предпріятіе, посвященное имъ Всеобщей Исторіи Литературы, Наукъ и Художествъ. Мы уже имѣемъ его *Таблицы Исторіи языковъ, Географіи, Литературы Греческой и Латинской и Ака-*

демії. Различныя сіи частыи получаютъ истинную свою цѣну тогда, когда можно будешь обозрѣвать оныя въ цѣломъ, но и теперь можно разсмаширивашъ ихъ съ удовольствіемъ порознь; ибо каждая объемлетъ цѣлый особый горизонтъ. Одна изъ двухъ таблицъ, составляющихъ вновь вышедшую шепрадь, посвящена *Французской Литературѣ* въ вѣкъ Лудовика XV съ 1716 по 1789 годъ; другая всей *Италянскоѣ Литературѣ*. Мы примемъ оныя за образецъ мешоды Автора, хотя мешода сія естественна должна измѣняться по свойству предметовъ, къ коимъ прилагается и казаться болѣе удобною въ тѣхъ частяхъ, гдѣ надобно раздѣлять и соединять виды и роды, и не собирать, какъ здѣсь, воедино множество фактовъ и собственныхъ именъ. Многочисленные, сжатые столбцы, копорые, не смотря на совершенство типографическихъ формъ, показались бы сбивчивыми и упоминательными, если бы не отдѣлялись ярко разными красками, представляющъ въ таблицѣ XVIII лишературнаго вѣка, съ одной стороны Поэзовъ, съ другой Прозаиковъ. Эпоха изданія Энциклопедіи раздѣляетъ цѣлое на два періода, почти равные, но совершенно различныя по духу и характеру. Передъ име-

именъ каждого Писателя означены, по крайней мѣрѣ, кромѣ времени его смерти, главнѣйшія его шворенія. Возлѣ именъ Писателей знаменишыхъ, показаны сверхъ того, время ихъ рожденія, главнѣйшія обстоятельствова ихъ жизни, и подробнѣйшій списокъ ихъ швореній, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ. При помощи алфавитныхъ таблицъ и означеній времени легко можно опыскащъ всякое имя въ сихъ лишературныхъ дѣшописяхъ. Въ срединѣ великое имя Вольшера одно занимаетъ большой столбецъ, надъ коимъ помѣщено сокращенное его жизнеописаніе. Внизу означены заглавія пяти его сочиненій, сожженныхъ ошъ 1734 до 1776 года рукою палача. По бокамъ помѣщены съ одной стороны *сравнительная Хронологія Исторіи Липературной и Политической*; съ другой прекрасное изображение сей же самой Липературной Исторіи (извлеченной изъ Рѣчи Г. Жей, за которую ошъ въ 1810 году получилъ награду Инспишуща) и изъ книги: *Состоянія Литературы во Франціи въ началѣ революціи* (Рѣчь Г. Викторина Фабра, за которую ошъ въ шо же время получилъ награду). Замѣтимъ стараніе, съ кошорымъ въ сравнительной Хронологіи Авторъ собралъ эпохи, наиболее могущія означить состояніе въ

минушемъ вѣкъ духа народнаго и духа Липературнаго, и шѣ, копорыя, связывая сей вѣкъ съ нашимъ, заспавають однако же предчувствовавать, что сей послѣдній будеть имѣть свой особенный характеръ и другой жребій; сіе указано означеніемъ годовъ рожденія или появленія первыхъ произведеній значительнѣйшихъ людей нашего XIX столѣтія.

Историческая таблица Италіанской Литературы заключаеть въ себѣ всѣ вѣки оной отъ XIII столѣтія, эпохи ея рожденія до нашего времени, расположенные по той же системѣ. Поэзія и Проза занимають два широкіе столбца; въ срединѣ помѣщенъ методическій списокъ Писателей, здѣсь упомянутыхъ и въ дополненіи имена Писателей низшаго разряда, о копорыхъ въ столбцахъ не сказано ничего. По сторонамъ расположены, различные хронологическіе списки, представляющіе рядъ событій липературныхъ и политическихъ, Папъ, заведенія Университетовъ и Академій, наконецъ бжшрый, но вѣрный взглядъ на разные періоды Испоріи Литературы въ Италіи. Означеніе сочиненій, изъ коихъ можно почерпнуть свѣдѣнія объ этомъ предметѣ и лучшихъ Французскихъ переводовъ Италіанскихъ Писателей заключають сію ша-

блицу, въ кошорой, шакже, какъ и въ другихъ, видишь шруды хорошаго Писателя и шоржесшво хорошей меподы: сквозь шѣсныя рамы всѣхъ сихъ машеріальныхъ формъ безпрерывно проявляешся занимательность самыхъ предметовъ. Нельзя дивишся нѣкошорымъ неисправностямъ, прокравшимся въ сихъ безчисленныхъ подробностяхъ: мы замѣшимъ только одну изъ нихъ, касающуюся до саширическаго Венеціанскаго Поэша (XV вѣка) Анш. Винчигверра, кошорый по ошибкѣ помѣщенъ между Прозаиками. Изъ сочиненій сего Писателя издано нѣсколько Саширь въ стихахъ, писанныхъ слогомъ нынѣ обвешпалымъ, но онѣ послѣ Аріосша сущъ можешъ бышъ, лучшее произведеніе новой Италіи въ эшомъ родѣ.

Изъ К. Е. — нѣ.

VII.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

 1828.

Журналы и Вѣдомости.

На нынѣшній годъ не прекратилось, сколько намъ извѣстно, ни одного изъ прежнихъ Журналовъ, а издающся вновь:

1. Въ С. Петербургѣ :

1. С. Петербургскій Зритель, издаваемый
Б. М. Федоровымъ.

2. Въ Москвѣ:

2. Атеней, изд. М. Г. Павловымъ.

3. Русскій Зритель, изд. К. Θ. Калайдовичемъ.

4. *Le bulletin du Nord* (Сѣверныя Извѣстія)
изд. Г. Лекантомъ де Лаво.

А л ь м а н а х и:

Въ С. Петербургѣ:

5. Сѣверныя цвѣты, изд. Барономъ А. А.
Дельвигомъ.

(См. No. 24. С. О. 1827, и No 1—5 Сѣв. Пч.)

6. *Невскій Альманахъ на 1828 годъ. Издаваемый Е. Аладынымъ. Книжка четвертая.* С. П. б. въ шип. Депарш. Народн. Просвѣщенія. 350 стр. въ 16.

(Въ прозъ *Невскаго Альманаха* на нынѣшній годъ, заслуживающъ вниманіе двѣ небольшія статьи *Ө. Н. Глинка: Начало 1812 года* и *Локлинова арфа*; *П. П. Свинына: Письма Русскаго путешественника по Сѣверной Америкѣ* и *Е. Б. Фукса: Черты изъ жизни Суворова*. За то, двѣ длинныя, очень длинныя Повѣсти: *Василій Воинко*, безыменнаго Сочинителя, и *Кочубей*, самого Издашеля, спранны по изобрѣшенію и слогу. Въ первой изъ нихъ, ни одинъ характеръ не удался: молодой Воинко есть совершенно ничтожное лице, отецъ его также; Жидъ Воозъ вовсе не похожъ на Жида: онъ слишкомъ смѣлъ и не имѣетъ ни осторожности, ни смѣшливости, свойственныхъ его единоплеменникамъ. Гришка Опрепьевъ есть не что иное, какъ негодяй, ѣздящій на грабежи съ шайкою разбойниковъ и ни сколько не показывающій въ себѣ человека, котораго честолюбивыя виды безпреспанно стремились къ хищенію, несравненно важнѣйшему — къ хищенію престола Россійскаго. Для образчика слога, вошь нѣсколько словъ изъ сказа Жида Вооза: „Пошомъ какого-

„шо Бахилку засшавиль цырнуть въ рѣку
 „и оццпаль какъ курицу — да на немъ
 „быль шёлкъ, а въ карманахъ щолкъ; я да-
 „же и рукъ не помазаль золотомъ (?).“ Вто-
 рая Повѣсть: *Кочубей*, г. Аладьина, опли-
 чается такою же безхарактерностію дѣй-
 ствующихъ лицъ и такимъ же отсутствіемъ
 вкуса и приличія въ слогѣ. Прекрасный
 историческій характеръ В. Л. Кочубей ис-
 каженъ въ ней самымъ жалкимъ образомъ;
 вмѣсто швердосши духа, копорою опличал-
 ся сей героическій спрадалецъ за правду,
 онъ предшавленъ какимъ-то жалкимъ плак-
 сою. Мазепа, вмѣсто коварнаго честшодлю-
 ба, являешся здѣсь опкрытымъ злодѣемъ.
 Ни правовъ, ни обычаевъ Малороссійскихъ
 нѣшь и въ поминѣ: перенеси, куда хочешь,
 мѣсто дѣйствія; дай, какія хочешь, имена
 лицамъ, послѣдствія будутъ одни и шѣ же;
 шѣмъ болѣе, чшо въ самой Повѣсти нѣшь
 ни связи, ни заманчивосши. Слогъ этой
 Повѣсти еще спраннѣе и несообразнѣе. Ма-
 рія такимъ образомъ укоряетъ Мазепу за
 гибель опца ея: „Ивань! я не Царь, чшобы
 „низвергнушь тебя въ прахъ прежняго ни-
 „чшожесшва; я не Богъ, чшобы оправишь
 „тебя ядомъ совѣспи, — но я дочь Кочу-
 „бея! Вшопрись въ мои глаза, нѣкогда пы-
 „лавшіе къ тебѣ порочною спрастію —

„они горятъ шеперь ненавистью и мщеніемъ! Слушай *громъ изъ устъ моихъ*: они шпердили тебѣ люблю! шеперь *изрыгаютъ* проклятія!... Взгляни на эту руку, нѣкогда прижимавшую тебѣ къ обвороженому сердцу — взгляни, что сверкаетъ въ ней?... *Дамасскій* кинжалъ...“ Такимъ слогомъ простишельно шолько пишеть въ школахъ Хрии на заданныя шемы; но кто шеперь, кромѣ Г. Издателя Невскаго Альманаха, рѣшится помѣшпшь такую рѣчь въ Повѣсти и напечатать ее? Право, можно подумать, что Марія хощла похвастать передъ Мазею *Дамасскимъ* своимъ кинжаломъ! И эши-шо Повѣсти занимають *слишкомъ двѣсти страницъ* книжки, состоящей изъ 10 печатныхъ листовъ, и продающейсѣ такъ дорого (по 10 руб)! — Стихошворная часть Невскаго Альманаха гораздо лучше прозаической: здѣсь есть два стихошворенія А. С. Пушкина, нѣсколько стихошвореній И. И. Козлова и Н. М. Языкова; *Кудесникъ* сего послѣдняго — прекрасное стихошвореніе. — Поршпреть Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини Елены Павловны, выгравированъ довольно изрядно Г-мъ Ческимъ. Заглавная виньетка, представляющая какую-то женщину, съ лирою и урною, на берегу рѣки—

и по рисунку и по выполнению, хуже посредственнаго; а двѣ картинки: одна, представляющая индѣя Пимена, пишущаго лѣтписи и подлѣ него спящаго Разсригу, а другая сцену изъ Баллады В. Скопца: Замокъ Смальголдъ, переведенный В. А. Жуковскимъ, не удачны ни по рисунку, ни по костюму, ни по ошдѣлкѣ.)

7. *Драматическій Альманахъ*, изд. Г. Ивановымъ.

Въ Москвѣ:

8. *Московскій Альманахъ*, изд. С. Н. Глинкою.

(См. No. 9 Сѣв. Пч.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1828. № II.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СПЯЩІЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(*Окончаніе.*)

Какъ ни много былъ Равенштейнъ озабоченъ обязанностями службы, но и сердце его не оставалось праздно, вблизи двухъ милыхъ сестрицъ, изъ коихъ младшая, съ первой минуты свиданія, сдѣлала на него сильное впечатлѣніе. Вскорѣ сталъ онъ съ восторгомъ замѣчать, что и Лаура, въ обращеніи съ нимъ, слѣдуетъ внушеніямъ не одной общественной вѣжливости: что-то болѣе искреннее вмѣшивалось въ ея разговоры. Впрочемъ ея застенчивость, ея тихая скорбь, оставались таковы же. Она старалась, съ примѣшнымъ смущеніемъ, опровергая распросы о прежнихъ дняхъ, проведенныхъ ею въ замкѣ и обо всемъ, что относилось до его обладателей. Но какъ скоро считала она себя безъ свидѣтелей, то взоръ ея, съ выраженіемъ печальнаго воспо-

минапія оспанавливался на разныхъ предме-
 шзхъ, принадлежавшихъ нѣкогда Графу Мор-
 ганьи, и служащихъ теперь къ употребле-
 нію офицеровъ. Иногда, особливо же не въ
 присущствіи Рида, удавалось Равенцшейну
 выманить у двушекъ пѣсенку, и тогда
 обыкновенно одна изъ нихъ вшорила на ги-
 шарь. Онъ пѣли самыя просныя пѣсни, ка-
 кія нерѣдко слышны въ томъ краю между
 народомъ; но и шупь оказывалось, что го-
 лось Лауры, чистый и полный самъ по се-
 бѣ, обрабшанъ ученіемъ, и въ ея, по види-
 мому, безыскусшвенныхъ напѣвахъ ошзы-
 валось самое вѣрное познаніе Искусства.
 Такъ, мало по малу, при ежедневныхъ сви-
 даніяхъ, сблизался Графъ съ двушкою,
 узнавалъ всѣ достоицства непорочной души
 ея и, къ величайшей своей радости, ош-
 крывалъ слѣды возрастающей къ нему склон-
 носпи. Все живѣе, пламениѣе спановилось
 въ немъ желаніе обладать ею, и наконецъ
 рѣшился онъ, ошкрывъ ей нѣжное распо-
 женіе души своей, просить, чтообъ она ош-
 дада ему руку и сердце, и послѣдовала за
 нимъ въ Германію. Яркій румянецъ заигралъ
 на щекахъ возлюбленной. Склонясь главою
 на грудь его, призналась она, что съ пер-
 ваго взгляда была имъ очарована; что дав-
 но обрекла ему вѣрносшь свою священными

клятвами на всю жизнь, но умоляла его, чтобы он оплодотворил желание свое обладать ею. И когда спрашивал он о препятствиях, одни только ручьи горьких слез были ему опротивели. Иногда же, как будто какое-то признание висело уже на устах ее, но пришло так велика была горестность ее, так сильно шептание, происходившее отъ скрывной душевной борьбы, что он не отваживался еще больше огорчать ее ублажениями. Видя искреннюю къ себѣ привязанность и наслаждаясь настоящимъ, полагалъ онъ, что вся шайна основана только на благодарности и преданности, какую писала она въ высочайшей степени къ своимъ благодѣтелямъ и восплашателямъ, и что могущество любви со временемъ всего лучше преодолеетъ колебание робкаго сердца.

Однажды, въ сумерки, случилось ему проходить, не больше какъ во снѣ шаговъ отъ замка, мимо небольшой часовни, прислоненной къ крутому обрыву горы и содержащей въ себѣ древній образъ Богоматери, который извѣстенъ былъ въ томъ краю великими чудесами, и къ которому, изъ окрестныхъ селеній, приходили на поклонение крестьяне съ покаяніемъ грѣшной, или съ мольбами огорченной души. Привлеченный скамьею близъ часовни, подъ развѣси-

*

спымъ кровомъ спараго каштановаго дерева, съль онъ опдохнушь, и его вниманіе надолго оковано было представившимся взору великолѣпнымъ зрѣлищемъ окрестности, копорая именно съ этой почки, и при вечернемъ полусвѣтѣ раскрывалась во всей своей очаровашельности. Вкругъ него царствовала поржешвенная тишина, но шѣмъ еще болѣе поразиль слухъ его тихій, мало по малу явспвеннѣ спановящійся спонь, выходящій изъ внуспренности часовни. Мысль, что можеть быть кто нибудь, постигнушый болѣзненнымъ припадкомъ, пребуеть помощи, заставила его войши шуда. Небольшое проспранспво часовни, почти со всѣмъ неосвѣщаемое извнѣ, озаремо было слабымъ шолько мѣрцаніемъ двухъ свѣчей, горящихъ у алшара, на спупеняхъ копорато, молясь и рыдая, лежала распроспершая женщина. Съ перваго взгляда увидѣль Равенштейнъ, что не болѣзнь, а душевное спрданіе и шоска совѣспи извлекали споль жалобный спонь изъ груди молящейся, и какъ изумился онъ, когда, подойдя ближе, узналь въ ней Жаннешу.

Сильными шѣлодвиженіями спровождала она молишву свою: шо ударяла въ грудь руками, шо судорожно вышягивала ихъ и поднимала къ образу Свяшой дѣвы; невняшныя

слова съ часпымъ всхлипываньемъ и воплями лидсь изъ успь ея. Все показывало крайнюю безупьшность, кошора пьмъ непоняпнфе была для Равенштейна, что за ньсколькo часовъ видьль онъ дьвущку въ ея обыкновенномъ, спокойномъ расположеніи духа, безъ мальйшей оппьнки скорби или огорченія. Пробывъ ньсколькo минушь ньмымъ свидьтелемъ эшого спраннаго и неизьяснимаго явленія, онъ тихо удалился, весьма довольный пьмъ, что Жаннеша его не замьпила, и въ раздумь о причинь ея печали. Хошя и зналь онъ, какъ обычно въ эшомъ пыакомъ народь сильное вляніе спра-сши, сльдственно могь судишь, что и самой малоспи доспашочно для побужденія шакихъ людей къ сильнымъ порывамъ внушрennaго движенія; но въ Жаннешь замьпилъ онъ какую-шо глубоко-укорененную, душевную скорбь. Ея шяжкіе вздохи, спонь изъ груди вырывавшійся, обнаруживали какъ бы до самой мучишельной шоски доведенную совьспь, шакъ что невольню побуждался онъ къ самымъ спраннымъ о шомъ заключеніямъ.

Удивленіе его возрасло еще болфе, когда въ шопь же вечерь случилось ему опяшь увидьшь Жаннешу, непринужденную и покойную, какою казалась она всегда: шпою

же беззаботною улыбкою, кошорая такъ къ ней приспала, ослаблялось лице; та же расторопность, по кошорой Равенштейнъ такъ часно приписывалъ ей прежде полную радостной жизни, окриляла походку ея и всѣ движенія; только надъ прелестными глазками, едва замѣтно, висѣло облачко печали со слѣдами пролишыхъ слезъ. Такая загодочность возродила въ Равенштейнѣ весьма непріятное чувство, и шѣмъ еще болѣе, что на сей разъ и въ Лаурѣ показалося ему что-то принужденное, какъ бы умышленно готовящееся опчужденіе, впрочемъ слишкомъ еще легкое, такъ что онъ самъ не увѣрился, дѣйствительно ли то было, или это одно только дѣйствіе возбужденной въ немъ недовѣрчивости.

На другой день оба офицера дѣлали далекій объездъ на самомъ краю мыса и по всѣмъ лазеямъ и шѣснинамъ этой части морскаго берега. Очень утомленные, уже за полдень, возвратились они домой. Ридъ пріѣхалъ еще позже Равенштейна и опъ перенесеннаго ли зноя или большой усталости, онъ казался необыкновенно-вспреожненнымъ. Они съли вмѣстѣ обѣдать, причемъ, какъ и всегда, обѣ сестры имъ прислуживали. Ридъ мало по малу развеселился, началъ шутить, а съ шѣмъ вмѣстѣ испра-

вно попивашь. Нѣсколько разъ наливая и за-
полномъ осушая сшаканъ свой, вдругъ схва-
тиль онъ Жаннешу за руку и пропянувъ
къ себѣ, сказалъ по Ишаліянски, хошь и ху-
до, но какъ бы нарочно для сего выученною
фразою: „какъ поживаешь швой возлюблен-
ный, Жаннеша, разбойничій ашаманъ?“

Эша странная рѣчь шопчись возбудила
сильное негодование въ Ромшиспрѣ, но какъ
испугамся онъ, когда увидѣль обличающую
багровую краску, внезапно вышупившую
на лицѣ Жаннешы; когда взоръ ея помушил-
ся, и эша, всегда смѣлая дѣвушка пошупила
глаза свои; когда наконецъ, въ шоскливомъ
шрепешѣ, спала она съ усиліемъ, но шщеп-
но, вырывашься изъ рукъ своихъ злобно-смѣ-
ющагося вопрошателя.

„Признайся же, миленькая“ — продол-
жалъ Ридъ, не выпуская своей жершвы: „вѣдъ
шы любовница эшого грабшителя! Долго за-
пирашься тебѣ нельзя; мы уже нашли слѣдъ
къ пришину, его и скоро цѣлый свѣшъ
узнаешъ о швоей шайнѣ.“

Съ злобною усмѣшкою насыщался онъ,
при сихъ словахъ, все еще возрастающимъ
смущеніемъ и присшыженіемъ дѣвушки. Но
кто изобразилъ ужасъ Равенштейна, когда
онъ увидѣль, что и Лаура, блѣдная, какъ

спашуя, дрожа, какъ осиновый листь, едва въ состояннн была держаться на ногахъ.

Ридъ расположенъ былъ, казалось, еще долѣ насыщать свою мстительность, но наконецъ удалось Жаннетъ опъ него вырваться. Спремглавъ бросилась она въ дверь, а за нею — съ горесшю увидѣлъ шо Равенштейнъ, за нею побѣжала Лаура, его Лаура! успѣвъ только бросить на него взглядъ, исполненный невыразимой горесши и сшуда. Ридъ съ шумнымъ хохомомъ смотрѣлъ въ слѣдъ за бѣжавшими. „Вошь вамъ“ сказалъ онъ: „шъ чесшные, порядочные люди, съ которыми мы здѣсь жили! Вошь образцы добродѣтели, благонравныя дѣвушки!“

— „Признаюсь“ ошвѣчалъ Роммиспръ въ полголоса: „Эшо приводитъ меня въ изумленн. Но что жъ вы шакое узнали? ошкуда подобныя свѣдѣнн?“

„Мнѣ намѣкнулъ о шомъ одинъ Салернскнй паперъ, изъ числа полицейскихъ лазупчиковъ. Я надѣюсь“ примолвилъ Ридъ таинственнно усмѣхаясь: „еще многое узнашь опъ него, и можешь бышь, очень важныя вещи!“

Тушь еще многое порасказалъ Ридъ о своихъ открьшяхъ и планахъ. Особенно распространнлся онъ о шомъ, что съ разныхъ мѣстъ берега видѣнъ вдали корабль,

копорый, какъ должно заключаешь, гошопишься сняшь мяшежниковъ, съ берега, почему върояшно будущъ они выжидашь удобнаго случая у нѣкопоровъхъ заливовъ, гдѣ и полагаешь онъ разомъ сокрушишь ихъ, вмѣстѣ съ разбойниками. Но на сей разъ, при всей важности расказовъ, Роммиспръ слушалъ въ большей разсѣянности. Сильное беспокойство волновало грудь его. Только желаніе видѣться съ Лаурою, какъ можно скорѣе, занимало всѣ его мысли, и онъ швердо вознамѣрился, во что бы ни спало, дознаешь хранимой ею шайны, шполь подозрительной и возбудившей шецерь всю его недовѣрчивость. Онъ очень обрадовался, когда накокець Ридъ прекрашилъ расказы свои, говоря, что намѣренъ немедленно сдѣлать поиски вблизи замка. Вино, котораго не переспавалъ онъ подливаешь, себя, привело его еще въ бѣольшую раздражительность. Равеншшейнъ не могъ думать что бы въ шакомъ положеніи могъ онъ предпринять что-либо, дѣйствительно полезное для службы. Онъ совѣщавалъ ему немного ошдохнушь, а пошомъ, попозже вечеромъ, предлагалъ и свои услуги въ предполагаемыхъ поискахъ. Однако Поручикъ ошклонилъ его содѣйшвіе, и по лукавому, двушмысленному взгляду, съ какимъ онъ ошъ

шого опрекался, Равенштейнъ пошчасъ заключилъ, что ему хочешся одному заслужить честь какого нибудь отважнаго предприятия.

Разставшись съ нимъ, поспѣшилъ Равенштейнъ въ садъ, въ надеждѣ увидѣть тамъ обѣихъ сестрицъ, которыя обыкновенно приходили сюда въ это время. Но не было никого ни тамъ, ни въ комнатахъ нижняго этажа, которыя, мучимый жестокою тоскою, обѣгалъ онъ всѣ. Эти огромныя залы съ ободранными обоями и покрытыми паушиною карнизами, нѣкогда споль прекрасными, никогда не казались ему такъ пусты. Опять выбѣжалъ онъ на свѣжій воздухъ, и сполько же помимый дневнымъ зноемъ, который все еще удушливо сгущалъ атмосферу, какъ и внутреннимъ безпокойствомъ своимъ, приказалъ онъ осѣлать лошадей и расположился ѣхать вдоль по берегу, для осмотра пикетовъ, взявъ съ собою нѣсколько человекъ изъ команды своей. На спорожевой цѣпи не оказалось ничего замѣчательнаго, кромѣ того, что одинъ изъ часовыхъ уувѣрялъ, будто, въ самой дали на горизонтѣ, увидѣлъ онъ въ морѣ паруса, и вскорѣ потомъ послышался ему далекій сигнальный выстрѣлъ. Никто изъ другихъ не замѣтилъ ничего подобнаго.

Равенштейнъ приказаль усугубить вниманіе, а самъ, все въ думѣ о своихъ отношеніяхъ къ Лаурѣ, медленно повхаль въ обратный путь. Ему надобно было провзжашь не въ далека ошъ маленькой нагорной часовни, и при видѣ ея, побужденный, можешь бышь смущенымъ ожиданіемъ опяшь увидѣшь шамъ Жанешу, онъ вздумаль зайши шуда. Лошадь свою опдалъ онъ своимъ людямъ, велѣль имъ ѣхашь домой, и взойдя на гору, вскорѣ добрался до часовни. Тамъ не нашель онъ ничего. Прохлада, тишина и сумракъ благодѣтельно подѣйствовали на разспроенную душу его и упомянутое дневными развѣздами шѣло. Онъ бросился на споящую у стѣны скамью, и спалъ размышляшь, какимъ образомъ дашь рѣшишельный оборотъ связямъ своимъ съ Лаурою, и ускользнушь ошъ эшой опасной чародѣйки. Ахъ, теперь шолько почувшвоваль онъ, какими крѣпкими узами соединень съ нею, теперь шолько, когда имъ овладѣла шоска, уныніе, пренебреженіе жизни при одномъ опчаяніи, что Лаура недосшойна его! Но все это намѣревался онъ преодолѣшь, и либо дойши до развязки всѣхъ загадочныхъ общояшельствъ, либо навсегда покинушь недосшойную, кошпорая не могла уже принадлежашь ему, если хопя малѣйшее соошношеніе имѣла съ шѣмъ,

въ чемъ обвиняюшь Жаннешу. Но возможно ли эшо? Ея умоляющій взоръ, исполненный присшыженія и печали, не выражалъ ли мольбы искренней, чшобы, по крайней мѣрѣ, не осуждашь ее, не слушаешь? Неужели и эшошь чистшый взоръ былъ обманчивъ? Неужели шо была шолько личина невинности? Ахъ, кто бы въ жизни повѣрилъ чистотѣ и непорочности, если бъ Лаура не была чиста и непорочна? За всѣмъ тѣмъ, не на эшомъ ли самомъ мѣсцѣ узналъ онъ, до какой высокой степени искусства скрытничать доходяшь женщины? И эша Жаннеша, кошорая подъ видомъ самой беззаботной веселости скрывала, грѣхомъ и пресшупленіемъ ошягченное сердце — не умѣла ли она тацшь свои буншующія чувства, доводившія ее, какъ самъ онъ былъ свидѣтелемъ, до изсшупленія, таишь съ такимъ совершенствомъ, о какомъ онъ прежде не имѣлъ и поняшія? Если та безыскусственная и любезная принужденность, кошорая шакъ восхищала его въ Жаннешѣ, была обманъ, кто послѣ того поручишься ему и за Лауру? кто увѣритъ его, чшо все, чѣмъ онъ пльнялся въ ней, не было шакже дѣломъ обмана? Такія и подобныя думы довольно долго занимали Роммистра въ маленькой часовнѣ, и хошя были онъ усшремлены на предметы

земные, но по крайней мѣрѣ то сообщила ему свяпость мѣста, что буря движимой спраспью души въ немъ упишилась, и ее замѣнила мужеспвенная рѣшимость къ спокрйному изслѣдованію, и, если поведишь долгъ и разсудокъ, къ пвердому опрѣченію. Когда онъ вышелъ опяшь на воздухъ, солнце уже съло, мракъ начиналъ укладываться въ глубокихъ оврагахъ и съ моря возспавали шуманы. Равенштейнъ не могъ не полюбоваться еще обширною панорамною окрестности, которой слабый свѣшь угасавшей зари, съ опражающимися опъ нея на зеркаль моря цвѣшными полосами, придавалъ какую-то унылую торжеспвенность, согласную съ расположеніемъ души его. Взоръ его покоился еще на поверхности моря, какъ вдругъ, въ чрезвычайной опдаленности, мелькнулъ пусклый блескъ, за кошорымъ вскоръ послѣдовалъ глухой звукъ. Онъ не могъ уже сомнѣваться, чтообъ то не былъ сигнальный выспрѣль, и какъ ни велико было опдаленіе и распроспранившаяся шемноша, ему казалось, что въ шуманъ носишся что-то, подобное парусамъ. Тогда пустился онъ скорыми шагами домой. Но лишь только всшупилъ въ замокъ, какъ услышалъ на дворѣ большую сумашоку и крикъ: солдаши бѣгали и суешились, какъ бы въ

испугъ. Войдя на дворъ, увидѣлъ онъ, что опворяють желѣзныя рѣшечастыя вороша, ведущія къ парку и опшуда несутъ Поручика Рида, блѣднаго, окровавленнаго, и по видимому, уже бездыханнаго. Тутъ рассказали Равенштейну, что только за нѣсколько минутъ, передъ тѣмъ, одинъ изъ драгунскихъ унтеръ-офицеровъ нашель Рида распроспершаго и плавающего въ крови, въ паркѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ замка, гдѣ, казалось, лежалъ онъ уже довольно долго. Его опнесли въ замокъ, и Равенштейнъ шопчасъ распорядился объ осмотрѣ ранъ его. Оказалось, что жизнь Рида улетѣла безвозвратно. Двѣ глубокія раны кинжаломъ въ грудь, нанесены были, по видимому очень привычною рукою, такъ что, судя по минѣ, и положенію умершаго, не дано ему времени къ оборонѣ. И на томъ мѣстѣ, гдѣ совершилось убійство, не нашлось никакого слѣда побудившихъ къ тому обстоятельству. Разставшись съ Равенштейномъ, послѣ объѣда, опправился Ридъ со многими людьми своими въ паркъ и въ примыкающей къ нему лѣсъ, для розысковъ. Ничего не опкрывъ, ворошились они назадъ, и при входѣ въ паркъ, Ридъ послалъ команду свою впередъ, а самъ опспался, говоря, что хочешь еще прогуляться и попользоваться пріятно-

стію вечера. Никому не пришло на мысль позабошиться, что его долго нѣтъ, и уже случайно попалъ одинъ уншеръ-офицеръ на то мѣсто, гдѣ нашелъ его. По минованіи перваго впечатлѣнія, произведеннаго симъ ужаснымъ случаемъ, спали думашь о томъ, чтобы принять мѣры, сообразныя обстоятельствамъ. Всѣ, кто ни жилъ въ замкѣ, были допрашиваемы Роммиспромъ, исключая спараго Каспелляна, котораго былъ боленъ и лежалъ въ постель. Каждый изъ служителей, болѣе или менѣе ужаснулся, когда объявили ему объ убійствѣ, всѣ спрашились ожидаемыхъ отъ того послѣдствій; но ни одинъ не обнаружилъ и слѣда къ открытію виновныхъ, напрошивъ всѣ, съ равною непринужденностію увѣрили, что имъ ничего о томъ неизвѣстно. Равенштейнъ принужденъ былъ наконецъ отпустить ихъ, подъ присмотромъ болѣе строгимъ, для оправданія лежащихъ на каждомъ изъ нихъ обязанностей. Онъ пошелъ самъ къ Амброзіо, у комнацы коего пославленъ былъ между шѣмъ часовой. Старикъ на болѣзненномъ одрѣ своемъ, изумился рассказанному происшествію до того, что весь затрясся и въ испугъ ломалъ себѣ руки. Еще прежде, по распоряженію Роммиспра, у комнацы Амброзіо былъ всегда тайный надзоръ и на-

блюдали за всѣми его дѣйствіями. Никогда не было замѣчено чего-либо подозрительнаго. Въ эпошъ день не вспаваль онъ съ постели и большую часть времени проводъ въ забышъ или въ молишвъ. На вопросъ о дочеряхъ его, старикъ отвѣчалъ, что за нѣсколько часовъ передъ шѣмъ были онѣ при немъ; что зная, какъ необходимо имъ часто оплучашься по хозяйству, привыкъ онъ уже къ ихъ продолжительному опсущствію, особенно въ послѣднее время, когда поселившаяся въ замкъ команда и недоспашокъ прислуги еще болѣе умножили ихъ занятія; но незадолго еще слышался ему вдали голосъ ихъ, въ кухнѣ или въ саду. Такое показаніе подшверждалось и шѣмъ, что шущъ же въ комнашъ лежали женскія рабошы, какъ бы сей часъ выпущенныя изъ рукъ. За всѣмъ шѣмъ нигдѣ не находили ни одной изъ сестръ; всѣ поиски въ домѣ, въ саду и въ окружности опсались щещны. Это обстоятельство подало поводъ заключить, что убійство совершено, если не съ учащемъ, шо по крайней мѣрѣ, и не безъ вѣдома ихъ. Ужаснымъ свѣшомъ озарилась душа Равенштейна, никогда шакъ жестоко не былъ онъ обманушъ и ослѣпленъ; милое созданіе, которое предшавлялъ онъ себѣ идеаломъ невинности, непорочности и вѣр-

носпи, и съ такимъ радушіемъ прижималъ къ своему сердцу, явилось ему шеперь въ видѣ коварной обманщицы, имѣвшей только намѣреніе усыпить его внимательность, и весьма хорошо въ томъ успѣвшей. Ридъ былъ умнѣе его, знакомѣе съ пронырствами свѣша: за то и палъ онъ жертвою своей бдительности. — Увѣрять, что всѣ возможные способы употреблены были къ обысканію пропавшихъ, Равенштейнъ, съ расперзанною душею, пошелъ въ свою комнату, чтобы написать къ Главнокомандующему рапортъ о случившемся. — Ночь уже наступила, когда отправилъ онъ двухъ верховыхъ съ эшимъ извѣстіемъ. Возобновя распоряженія свои ономъ, чтобы въ эту ночь усугублена была бдительность стражи, Ротмистръ, почти въ изнеможеніи отъ чрезмѣрной усталости и внутренней борьбы съоль противоположныхъ чувствованій, бросился наконецъ на постель свою во всей одеждѣ, чтобы на нѣсколько часовъ успокоиться. Но сонъ бѣжалъ отъ глазъ его, и взволнованная кровь не давала покою: безпрестанно мечтались ему призраки и явленія, чудная смѣсь грѣзь и сущестственности.

Ночь была тиха — кромѣ гула отъ тяжелой походки часовыхъ, ничего не слышно было въ замка; но за то изъ внутренно-

сти его, самый тихий шорохъ безпрестанно проникалъ въ судорожно напряженный слухъ Роммистра. Все слышались ему тихіе шаги, шелестъ и шопотъ позади стѣнъ, что и прежде уже замѣчалъ онъ, но всегда относилъ къ сквозному вѣтру въ огромныхъ, болѣею частію нежилыхъ покояхъ, или къ подобнымъ тому причинамъ. На сей разъ однако казались онъ ему недоспащочны, и при всякомъ, болѣе явственномъ шелестѣ, бралъ онъ свѣчу, обходилъ кругомъ всю комнату, осматривалъ тяжелые замки у дверей, ведущихъ въ боковые покои, и возвращался къ постели своей, болѣе увѣренъ въ безопасности, но не болѣе спокойнѣе. Наконецъ показалось ему, что все стихло; природа взяла верхъ надъ поскою, и онъ уснулъ. Крѣпокъ, вѣроятно, былъ сонъ его, ибо ему казалось, что едва сомкнулъ онъ глаза, какъ снова проснулся онъ прикосновеніи двухъ могучихъ рукъ. Свѣчи были погашены, стѣна, у кошорой стояла кровать его, исчезла, а прилежащая комната освѣщена была тусклымъ свѣтомъ. Съ этой стороны кровати его стояли надъ нимъ двое мужчинъ, дикаго вида, и старались поднять его. „Ни слова!“ шепталъ одинъ ему въ ухо, на проспонародномъ нарѣчїи: „а не то, вы погибли; слыдайте за мною добровольно; вы видите,

что вамъ дѣлать болѣе нечего.“ Они подняли его на ноги, и лишь только имѣлъ онъ время замѣнить, что сѣна его спальни была сплоярной работы и могла раздвигаться, чего прежде, при всѣхъ его розыскахъ, вовсе не приходило ему въ голову — какъ вдругъ на голову его нахлобучили подсыный колпакъ, который закрылъ ему и глаза и ротъ. Тутъ схватили его подъ руки и побѣжали съ нимъ такъ скоро, какъ только могли переступать его прошивающіяся ноги. Ему казалось, что переходъ дѣлать былъ чрезъ всю внутренность замка; но всходили по ступенямъ, но опять сходили; иногда раздавались шаги ихъ въ пустомъ, огромномъ пространствѣ; иногда же надобно было тѣсниться въ узкихъ и низкихъ корридорахъ, такъ что одинъ изъ провожатыхъ ославлялъ руку его и нагибалъ ему голову, а однажды показалось ему, какъ будто вышли они на свѣжій воздухъ. Наконецъ, послѣ длинной лѣстницы, по которой сошли они внизъ, отворилась тяжелая дверь и опять съ шумомъ за ними захлопнулась. Наконецъ руки его были выпущены; кто-то сзади, схвативъ его за плеча, принудилъ сѣсть. Прошло нѣсколько секундъ, въ кошорья царшвовала глубокая тишина. Тутъ вдругъ сдернули колпакъ съ головы и, ослѣ-

пленный блескомъ огней, вскочилъ онъ въ изумленіи.

Онъ увидѣлъ себя въ обширной комна-
тѣ, кошорой своды и все устройство по-
казывало, что она находится подъ землею.
Человѣкъ до двадцати спояли въ глубинѣ
комнаты у стола, покрытаго кушаньемъ
и напишками, изъ-за кошораго, казалось,
только что всѣ они вспали. Толпа разда-
лась, и Равенштейну бросился въ глаза че-
ловѣкъ, опличающійся опъ всѣхъ другихъ
величавостію и благородствомъ осанки. Онъ
былъ въ широкомъ смуромъ кафтанѣ, сши-
помъ, какъ носятъ шамошніе поселяне; но
сверхъ кафтана было на немъ богатое бле-
смящее оружіе. Подлѣ него споялъ человѣкъ
не менѣ значительнаго вида, съ грубыми
рѣзкими чертами лица и съ грознымъ мол-
нію мещущимъ взоромъ. Сколько одинъ, при-
личною важностію осанки, но съ вырази-
емъ подавленной подъ бременемъ рока гла-
вы, возбуждалъ участіе, смѣшенное съ уни-
леніемъ; сподько же другой представлялся
взору какъ бы прелестно-ужасное явленіе
природы, при возрѣніи на кошорое нельзя
осшаваться безъ внушренняго содроганія.
Между оббими, въ нѣкошоромъ опдаленіи,
сидѣла женщина, покрытая большимъ тол-
стымъ покрываломъ; Равенштейну казалось,

и сердце его забилось сильнѣе при такой мысли, что по должна быть одна изъ двухъ сестръ, но которая, того не могъ онъ различить, хотя не спускалъ съ нее глазъ, какъ скоро ее увидѣлъ. Сидя съ поникшею главою, она погружена была въ задумчивость. Все это имѣлъ онъ время замѣнить, потому, что прошло нѣсколько минутъ въ глубокомъ безмолвіи, въ продолженіе котораго всѣхъ взоры устремлены были на него съ любопытствомъ, а старѣйшаго изъ нихъ съ размышленіемъ. Наконецъ сей послѣдній, выступивъ изъ круга и подойдя къ Равенштейну, сказалъ на чистомъ Тосканскомъ нарѣчій: „Я Графъ Морганьи, послѣдняя оправа древней фамиліи!“ Тутъ изъ подъ распахнувшейся нѣсколько верхней одежды блеснулъ богачій мундиръ со звѣздою. Равенштейнъ, пораженный споль нечаяннымъ явленіемъ, невольно склонилъ свою голову. „Теперь намъ реваюсь я“ продолжалъ Графъ, послѣ кратковременнаго безмолвія: „удалишься навсегда изъ сего замка, но не могу оставить его, не доказавъ, что умѣю цѣнить благородство и рыцарское праводушіе даже и во врагъ своемъ, и не воздавъ ему благодарностію за то, что онъ, принявъ великодушно подъ свое покровительство драгоцѣннѣйшее имущество преслѣдуе-

маго бѣглеца, оказаль несчастію пощаду, невинности уваженіе.“ При сихъ словахъ онъ заключилъ Равенштейна въ свои объятія и крѣпко прижалъ его къ своему сердцу. Потомъ, съ улыбкою смотря на него, Графъ примодвиль: „слова мои, все еще кажущся вамъ неясными: шакъ пустьъ кто нибудь другой разгадаеть вамъ эту загадку.“ Онъ оглянулся на закрытую покрываломъ женщину и кивнулъ ей головою. Она поспѣшно приблизилась, сбросила покрывало и, явилась Лаура, Лаура упала въ объятія Равенштейна, на грудь его, сильно волнуемую. „Эта моя дочь:“ присовокупилъ Графъ съ умилениемъ: „единственная дочь моя! Очень хорошо зная опасности, какимъ надлежало бы подвергнуться ея полу и юности при побѣгѣ, счелъ я удобнѣйшимъ оставишь ее здѣсь, въ полной увѣренности, что никто изъ домашнихъ моихъ не захочеть измѣннически опкрышь въ ней дочь хозяина и въ случаѣ нужды, всякой пожертвуетъ за нее скорѣ собственною жизнію. Эта увѣренность до сихъ поръ не обманула меня. Но и вы, благородный чужеземець, приобрѣли не менѣ священныя права на благодарность мою и моей Лауры: вы почтили тайну, ею сохраняемую; вы, узнавъ достоинство подъ смурьимъ его покровомъ, ока-

зали такую нѣжную снисходительность къ дочери служителя, какой бы лучше не могла ожидать и дочь Графа. И шакъ примите искреннюю благодарность ошъ признапельнаго родительскаго сердца.“ Между швѣмъ Лаура лежала безмолвно на груди своего друга, волнуемаго различными чувстввами, изъ кошорыхъ, казалось, одно шолько наиболѣе занимало его — восхишительное чувство признанной непорочности его возлюбленной. И она угадывала въ немъ эшо движеніе: съ наворачившимися на глазахъ слезами, нѣжно взирая на милаго, говорила она: „шеперь ты вполнѣ меня знаешь, Іосифъ! Теперь ты не сомнѣваешься въ Лаурѣ швоей!“ — Тупъ подошелъ Графъ и взявъ за руку дочь свою, сказалъ ей мягкимъ голосомъ; „Намъ нельзя долѣ мѣшкашь, милая Лаура; проспись же съ другомъ, съ кошорымъ свело тебя злополучіе. Я не могъ тебѣ отказатьъ въ шомъ, но не хочу, чшобъ ты слишкомъ разстроивалась: тебѣ нужно мужество! — Я долженъ былъ продолжалъ онъ, обращаясь къ Равейнштейну, усшунить первому движенію юнаго, дѣвственнаго сердца, и ошошно сдѣлалъ эшо, видя, чшо оно возбуждено человекомъ благороднымъ.“ Но когда и шупъ оба любящіеся, какъ будто бы на вѣкъ заключившіе въ обѣщанія другъ друга, не могли разшашь-

ся, Графъ, по нѣкоторомъ размышленіи, обратилъ снова къ Равенштейну рѣчь свою: „Что, если бы, сказалъ онъ, не распоргалъ намъ связи, заключенной въ несчастіи? Графъ Равенштейнъ, вы хотѣли соединить судьбу свою съ судьбою Лауры, въ то время, когда была она бѣдна и ничтожна, что если бы сдержали вы слово Графини Морганьи? Сей же часъ оставляемъ мы навсегда свое опечесство. Уже ожидаешь лодка въ одномъ безопасномъ заливѣ, чтобы меня и сихъ господъ, равныхъ мнѣ въ рангѣ и въ бѣдствіи, опвесити на Англійскій корабль, для насъ приготовленный. Со времени пораженія Пепе, блуждали мы въ лѣсахъ, пока не удалось мнѣ, съ помощію нѣсколькихъ отважныхъ молодцовъ, скрытными пушами пробраться опять въ замокъ, гдѣ я, все приготовляя къ опѣзду, жилъ втайнѣ до самаго нападенія вашего. Съ эсихъ же поръ, между тѣмъ, какъ насъ искали въ окрестности, жили мы въ эсихъ подземныхъ сводахъ, подъ одною кровлею съ вами! Теперь наступилъ часъ свободы, и опъ васъ зависитъ поржесствовать его вмѣстѣ съ нами. Ваши часовые усыплены всѣ соннымъ напикомъ; побѣгъ нашъ не можетъ быть неудаченъ. Живучій здѣсь, успѣлъ я забрать свои деньги и драгоценности. Ихъ очень

достаточно для упрочения благосостояния нашего, куда бы мы ни обратились, и Лаура— ваша, если вы согласишься ехать съ нами!“ Въ продолженіе сихъ словъ Лаура крѣпче и крѣпче сжимала въ объятіяхъ своего друга. Робко сморгнула она на него, и въ ея глазахъ, исполненныхъ выразительности, попеременно изображались любовь, надежда и опасеніе, а изъ устъ ея, запечатлѣнныхъ осторожностію, вырывалось только, душу попрысающимъ голосомъ, имя: Іосифъ!

Ахъ, и какъ могущественно, проникали сладостные звуки этого голоса въ твердую грудь Равенштейна! какъ волновали ее въ самой глубинѣ! Даже священное чувство обязанности, якорь, на который твердо и ненарушимо опирался онъ въ теченіе всей своей жизни, поколебалось на минушу въ своемъ основаніи! Однако онъ успевалъ прошивъ искушенія, и не сдѣлаясь колебанія, сроднаго человѣку, воскликнулъ: „Милая Лаура! почтенный Графъ! какъ ни велико блаженство, представляемое мнѣ этимъ мгновеніемъ, но я навѣкъ оказался бы его недостойнымъ, если бы, въ гнусномъ своекорыстіи, забылъ свой долгъ и сдѣлался нарушителемъ чести! Прощай, Лаура! разстанемся, но не будемъ перьять надежды! Хотя бы насъ разлучили моря, твой Іосифъ останется твоимъ“

ить навсегда!“ Она препенала всѣми членами въ глубокой печали, но старалась улыбнуться въ знак своего одобренія. „Навсегда!“ промолвила она наконецъ и напечатала поцѣлуй на щекъ его. Онъ прижалъ ее снова къ своему сердцу, чувствуя, что это въ послѣдній разъ, и не скрывая своего чувства. Потомъ передалъ онъ ее на руки опцу. „Благородный человекъ!“ сказалъ сей: „я этого ожидалъ. Время исцѣляетъ многое. Лаура!“ — прибавилъ онъ, поцѣловавъ ее: „оно поможетъ и тебѣ переносить свое горе. Но чувство нарушенной обязанности укрощается только могилою. Теперь, прощайте, Графъ Равенштейнъ. Если удастся мнѣ найти безопасное пристанище, вы обо мнѣ услышите. Что теперь должно произойти, вы извините мнѣ моимъ долгомъ въ отношеніи къ тѣмъ, которыхъ судьба мнѣ ввѣрена. Но выпьемъ по спакану на распаванье и въ надеждѣ лучшей будущности!“ Каждый взялъ по бокалу съ душистымъ Лакрине, и сдвинувъ ихъ, разомъ опорожнили оба. Но едва Равенштейнъ успѣлъ поставитъ свой бокалъ, какъ вдругъ опять накинули колпакъ ему на голову и схватили его подъ руки. Въ ухахъ его раздавался только жалобный голосъ Лауры. Проводники повели его, казалось, тѣмъ же путемъ, какимъ

онъ пришелъ, и наконецъ положили его гдѣ-то на постель, сказавъ, что ему должно оставаться въ покоѣ, и что они будутъ его караулить, для того, чтобъ между тѣмъ успешно совершился побѣгъ Графа. Въ немъ самомъ шло внутреннее желаніе, чтобъ ничто не помѣшало Графу скрыться, а между тѣмъ, все еще не зная, куда его привели, и слушая нашептыванья проводниковъ, кошорые просили не двигаться съ мѣста, онъ лежалъ нѣсколько минутъ, не въ силахъ сообразить и предпринять что-либо. Вдругъ почувствовалъ онъ чрезвычайное упоминеніе, мысли его помутнились, напала тоска при усиленномъ стараніи остаться бодрымъ, а потомъ, спустя немного, впалъ онъ въ совершенную безчувственность.

Сильный шумъ у входа вызвалъ наконецъ изъ забытья оглушеннаго чувствительнаго. То были двое драгунъ изъ команды его: они разломали дверь его комнаты, запершую изнутри, и съ видимымъ смущеніемъ спали у кровати своего офицера. Блѣдные и встревоженные, дико смотрѣли они на Ронмиспра. Между тѣмъ и онъ припомнилъ себѣ все, случившееся съ нимъ въ эту ночь. Онъ лежалъ на своей кровати и все вокругъ него оставалось по прежнему. На дворѣ былъ уже день, но мрачныя тучи на небѣ, отда-

ленные раскаты грома и сильное завываніе въпра казались оспашками спрашной бури, разразившейся въ первые часы упра. Равенштейнъ спалъ спрашивашъ, но изъ неспочныхъ ошвыповъ солдашъ догадался, что и они проспали до бѣла'дня. Сами они признались наконецъ, что послѣ пипаго ими свѣчера вина, впали въ безчувспенный сонъ, и что даже часовые, распавленные вкругъ замка, не менѣ ихъ подверглись сему упоенію. Незадолго передъ шѣмъ, какъ рассказывали они далѣ, шѣ изъ нихъ, копорые наканунѣ меньше пили вина, проснулись ошъ сильныхъ громовыхъ ударовъ, и первая ихъ забота была о Роммиспѣрѣ. Очень испугались они, когда нашли, прошивъ обыкновенія, запертою изнутри дверь его комнаты; дшперь же рады по крайней мѣрѣ шому, что ему не сдѣлано никакого вреда, чего они очень опасались. Тутъ Равенштейну; совершенно уже ободрившемуся, пришли въ голову послѣднія слова Графа Морганьи; а съ шѣмъ вмѣспѣ задумался онъ и о шомъ, не помѣшала ли его предпріятію бывшая сильная буря, и не ошсрочень ли побѣгъ, шполь хорошо устроенный. Едва имѣлъ онъ время заняшъя эпою мыслию, какъ, вошелъ драгунъ и вручилъ ему присланную съ нарочнымъ изъ Неаполя депешу.

Распечатывая, Рошмиспръ нашелъ слѣдующее предписаніе Главкомаандующаго.

„Изъ вѣрнаго испочника извѣстно намъ, что Графъ Морганъ, со многими мяшежниками, намѣреваетъ завтра опплыть. Корабль крейсируетъ у береговъ, съ шѣмъ, чшобы принять бѣглецовъ, и судя по всѣмъ вѣройносшямъ, они опправятся къ нему на рыбачьихъ лодкахъ, кошорыя должны находиться въ небольшихъ заливахъ близъ Пашиано. По сему рекомандую вамъ выступить съ досташочнымъ отрядомъ, чшобы воспреняшствовашъ ихъ намѣренію, и захващитъ бѣглецовъ живыми или мершвыми.“

Тяжкая обязанность, возлагаемая симъ приказомъ, привела Равенштейна въ горешное затрудненіе. Какъ ни вѣрно, казалось, успроенъ былъ побѣгъ Графа на минувшую ночь; однако буря могла ему воспреняшствовашъ, да и до сихъ поръ все еще стоялъ такой сильный вѣспръ, чшмо опплытіе изъ эшихъ опасныхъ заливовъ, на легкихъ рыбачихъ лодкахъ, въ открытое море, казалось совершенною невозможностію. Между шѣмъ, послѣ случившагося въ эту ночь, нельзя было полагашъ и шого, чшобы бѣглецы оставались еще въ замкѣ, хопя бы и должны были опложитъ на сей разъ свое намѣреніе. И шакъ, имъ наддежало бытъ непре-

мѣнно въ оврагахъ и ущельяхъ, въ ожиданіи благопріятнѣйшей минушы къ опплышю, и шамъ-шо, казалось, неопвращимо должны они попасъся въ руки розыскной команды. Какъ бы шо ни было, долгъ повелѣвалъ опправиться немедленно, и Равенштейнъ, съ грусною душою, опдалъ нужны къ тому приказанія, а самъ опсался одинъ, чшобъ посовъшоваться съ каршами въ разсужденіи пуши, какой надлежало ему взять, а можешь быть и для шого, чшобъ хорошенько собраъся съ духомъ и мыслями.

Изъ всѣхъ заливовъ, особенно одинъ, весьма узкій, обращалъ на себя вниманіе Роммистра. Окруженный крупными скалами и почти неприслупный съ берегу, сей заливъ, казалось, болѣе всѣхъ другихъ могъ благопріятшствовашъ побѣгу, и прямо пропивъ него споялъ, какъ полагали, корабль, кошорый былъ видѣнъ наканунъ. Рѣшась проникнуть шуда чрезъ всѣ ущелья и шѣнины, съ опборнѣйшими изъ своихъ солдашъ, Равенштейнъ имѣлъ предчувствіе заснашъ шамъ бѣглецовъ, и своимъ присущствіемъ думалъ хопъ нѣсколько смягчить угрожающее имъ бѣдствіе; а между шѣмъ прочихъ солдашъ своего опряда разосдалъ сперечь другія бухшы, менѣе закрышыя. Наконецъ

все было усстроено. Отправились и приблизились къ берегамъ. Все еще бушевала буря; море кипѣло; спрашныя валы вздымались горою и раздробляясь о береговыя скалы, производили гулъ подобный громовымъ ударами. И въ эту разъяренную стихію, нѣсколько опчаянныхъ бѣглецовъ должны были броситься на рыбацкихъ лодкахъ, чтобы искать спасенія! При этой мысли грудь каждаго воина наподнялась ужасомъ. Между шѣмъ многія препятствія замедляли походъ отряда: надлежало обходить глубочайшіе крутые овраги; надлежало перебираться черезъ высокіе хребты, пока наконецъ, послѣ утомительнаго часоваго марша, попали въ то направленіе, которое вело къ узкому заливу. Оставляя шпуть своихъ всадниковъ, немогшихъ слѣдовать далѣе, по пѣснымъ и глухо-заросшимъ пропінкамъ, Роммистръ съ лучшими спрѣлками, отправился ближе къ заливу. Не прошло четверти часа затруднительнаго перехода чрезъ чащу дикихъ кустарниковъ, какъ вышли они на голую почти поверхность скалы, которая со своими немногими, уродливо распущими деревьями, составляла, въ семь благословенномъ климатѣ, разительную противоположность съ числѣннѣею лазурью мало по малу проясняющагося неба. Равншшейнъ, нѣ-

сколькo ошдалясь впередь опъ команды своей, шель шихо и безмолвно, какъ вдругъ, при обходѣ небольшого холма, заслонявшаго видъ, предшавилось ему необыкновенное зрѣлище. Тотъ самый человекъ, котораго видѣлъ онъ наканунѣ подлѣ Графа Морганьи, и котораго рѣзкія черты живо впечатались въ его памяти, лежалъ спящій, на каменистомъ, мхомъ покрытомъ пригоркѣ. Онъ былъ въ полномъ вооруженіи, и одна рука, опущенная на пистолешъ, а другая, держащая ружье, показывали ясно, что эпомъ скудный покой достался ему послѣ тяжкихъ трудовъ и опасностей, и что даже во снѣ гошовъ онъ къ сильному сопротивленію. Богатое оружіе и драгоценности, украшавшія одежду, вовсе не шли къ загорѣлому, грубому лицу и къ мужиковатому сложенію шѣла. Возлѣ него, на пригоркѣ, сидѣла, карауля спящаго, женщина, въ которой Роммиспръ съ перваго взгляда узналъ Жаннетту. Блѣдность, склоненное чело и мрачность въ прекрасныхъ чертахъ лица выражали глубокую душевную скорбь. Пораженный симъ зрѣлищемъ, Равенштейнъ невольно ошановился, но въ эпомъ же мигъ зоркіе глаза Жаннетты замѣтили едва изъ-за холма выходящаго офицера. Вдругъ вспрепенулась она и въ испугъ закричала:

Паоло! Разбойникъ шопчасъ вспрыгнуль и, слѣдуя направленію взоровъ Жаннеты, прицѣлился на Роммистра, успѣвъ тогда же просвиспашъ въ свиспокъ, висѣвшій у него на шеѣ. Пуля пролетѣла подъ ухомъ Равенштейна, кошорый, узнавъ кого имѣеть своимъ прошивникомъ, приготовился поподчивашъ его шакимъ же привѣшомъ. Но, какъ дикая серна, скокнула Жаннета съ пригорка, обхватила офицера своими руками и держа крѣпко его правую, возопила: „о, не спрѣлайше, сжалшесь — и вы были въ его власши, онъ вамъ подарилъ жизнь!“ — Но и вшошь вопль не укрощилъ разбойника. „Прочь, Жаннета!“ загремѣль онъ грубымъ голосомъ, снова нацѣлясь прямо въ нее, и въ шо время, когда она, не слушая крику его, все еще держала Равенштейна, а сей боясь, чшобъ умоляя о жизни любовника, не пала она сама ошь руки его, спарался опшодкнушь ее въ спорону, вдругъ просвиспѣла, задѣвъ его за руку, другая пуля, ошь кошорой избавился онъ только движеніемъ, сдѣланнымъ въ защиту Жаннеты. Но шупъ въ одно мгновение перемѣнилась вся сцена. Привлеченные шумомъ и выспрѣлами, подоспѣли Равенштейновы люди, а съ другой спороны, изъ преисподней, разбойники ободранные, съ дикими ухвашками. „Ни шагу далѣе, или по-

гибнете!“ закричалъ Паоло солдатамъ, но получилъ въ отвѣтъ нѣсколько выстрѣловъ. Сильный огонь открылся съ той и съ другой стороны, но мѣстоположеніе, на высотѣ, было выгоднѣе для разбойниковъ. Солдаты первыхъ рядовъ были частію побиты, частію опрокинуты въ то ущелье, изъ котораго вышли. Каждая пуля разбойниковъ повергала на землю того, кто осмѣливался къ нимъ выступить. Много стоило труда Равенштейну подвинуть впередъ солдатъ своихъ, и нѣсколько времени дѣйствовалъ онъ безуспѣшно, пока наконецъ нашелся другой обходъ на вершину; туда бросился онъ и вскорѣ многочисленность рѣшила сраженіе. Со скалы на скалу спали перебѣгавъ разбойники, защищаясь, гдѣ только представлялась удобность, и такимъ образомъ ихъ отогнали далеко отъ берега. Многіе изъ нихъ были ранены и убиты; одному изъ стрѣлковъ удалось поранить и Паоло, и между тѣмъ, какъ въ одномъ мѣстѣ разбойники вздумали подобраться къ убитыхъ товарищей, вдругъ, по командѣ Равенштейна, грянули солдаты и захватили Паоло съ нѣсколькими его товарищами. Остальные разбѣжались. Тогда Роммистру оспалась единственная забота забрать убитыхъ и раненыхъ, которыхъ на его сторонѣ было также до-

вольно, и вмѣстѣ съ плѣнными отправили въ замокъ. Паолова рана была не смертельна. Онъ сидѣлъ молча и уныло; Жаннета подлѣ него, перевязывая кусками одежды своей раны его, которыхъ получилъ онъ довольно, и смѣшивая слезы свои съ его кровію. Наконецъ команда двинулась, вмѣстѣ съ плѣнными. Жаннета не отходила ни на шагъ отъ Паоло; она поддерживала его, опирала пошъ съ чела, и спаралась слезами и ласками выманишь у него хотя одно слово. Напрасно. Ничто не могло смягчить упрямаго и прекрашить упорное молчаніе, которымъ скованъ былъ языкъ его.

Вскорѣ присоединилась къ Равенштейну и другая часть команды его, которая проникла до самой оконечности мыса, но не нашла и слѣда бѣглецовъ. Между тѣмъ захваченные разбойники сказывали, что Графу Морганьи со всеми его шварццами дѣйствительно удалось, въ самую жестокую бурю, добраться, на рыбачьихъ лодкахъ, до Англійскаго корабля.

Тутъ, прекративъ разсказъ, Графъ Равенштейнъ погружился въ глубокую задумчивость, которой Гервардъ не хотѣлъ прерывать, зная, сколько горесныхъ воспомин-

наній должно было пробудиться въ груди друга его. Наконецъ послѣ продолжительнаго безмолвія, Графъ, какъ бы внезапно опомнился ошъ мечпаній своихъ, и сказалаъ:

„Не много осшаешься сообщишь шебъ, милый другъ, хопя голова моя наполнена безконечными воспоминаніями. Чшобъ не дашь имъ воли, я посшараюсь бышь короче.

„Уже было довольно поздно, когда я съ командой своей, раненными и пльными, возвратился въ замокъ Позипано. Прежде всего позабошился я о шомъ, чшобъ осшопръны были раны, и особенно у Паоло. Нашлось, какъ я и прежде полагаалъ, что онъ ранень не смершельно. Жаннеша вымолила себъ позволеніе осшашься при немъ. Согдася на шо, я приказалъ, чшобъ съ нею обшодились крошко, и чшобъ не слишкомъ спшсняли свободу Паоло, имъя впрочемъ спрогій надзоръ за нимъ и за другими разбойниками. Между шъмъ, едва собралъ я силы свои и мысли, какъ вельль привесши Жаннешу къ себъ, пошому что желаніе узнашь о Лауръ не давало мнъ покою. Никогда не видалъ я шакихъ явспвенныхъ признаковъ безнадежной горесши, какія мнъ явились въ чернахъ эшого милаго шворенія! Одежда изорванная въ клочки, распущенные и всключенные волосы, въ шакой разишельной прошивуположности, съ

ея всегдашнюю милосердностію! Ахъ, впошъ образъ скорби, безъ словъ, взываль громче къ сердцу, нежели всѣ жалобы! Когда мы остались одни, не въ силахъ подавить въ себѣ чувствва состраданія, я вскричала: „Жаннета! какъ пришлось мнѣ тебя видѣть!“ Она молчала. „Бѣдная!“ продолжалъ я, съ умилениемъ взирая на красоту и юность ея: „но какъ увлеклась ты въ связь съ разбойниками?“ Тушь сильно воспрепечулась она; ручки слезъ покапались изъ глазъ ея, и со словами: „Ахъ, не думайте слишкомъ худо о несчастной Жаннетѣ!“ бросилась она къ ногамъ моимъ. Напрасно было мое стараніе поднять ее; она упорствовала и говорила, рыдая: „О, если бъ мнѣ позволено было умереть у ногъ вашихъ!“ Я съль, она положила голову на колѣно мое и сказала тихо: „Да, я жена Паоло; мнѣ должно раздѣлять его участь; жизнь уже не привлекаетъ меня, и еслибъ я только знала“ — голосъ ея замеръ, она зарыдала снова. Изъ жалости, хотѣлъ я дать другое направленіе мыслямъ ея, и спросилъ, что ей извѣстно о Графѣ Морганьи и его спутникахъ. Она вспала и собравшись съ духомъ, спокойно начала мнѣ рассказывать: „Бура въ продолженіе ночи воспрепятствовала оплышю бѣглецовъ; нѣсколько времени принуждены они были скрываться въ при-

брежныхъ оврагахъ. Какъ скоро въшерь не-
 много спихъ, положено было пуститься въ
 бурливое море, хошя и мало было надежды
 на усихъ предпріянія. Промедленіе пред-
 сшавляло однако не менѣе опасносшей. Дол-
 жно было ошважись, не взирая на грозя-
 щую гибель. Но маленькіе рыбацьи лодки
 не могли поднять всѣхъ съ берега. Нѣкошо-
 рые должны были, хошя и неохотно, пере-
 ждашь; а между шѣмъ, чшобъ въ случаѣ вне-
 запнаго нападенія успѣшь имъ спасшись,
 надобно было охраняшь всѣ ходы къ заливу.
 Эша опасная спража поручена была, за
 большія суммы, Паоло и его шоварищамъ.
 Мы ождали сигнальнаго выспрѣла, кошо-
 рымъ хошѣли дашь намъ знашь, чшо всѣ бла-
 гополучно добрались до корабля, а пошомъ
 думали мы уйши далѣе въ горы. Въ эшо
 время Паоло, кошорый нѣсколько ночей про-
 велъ безъ сна и въ большомъ напряженіи силъ,
 не могъ преодолѣшь своей усталосши, легъ
 и велѣлъ мнѣ разбудить себя, лишь только
 услышу сигнальный выспрѣлъ. Можешъ бышь,
 буря помѣшала мнѣ услышашъ его, или онъ
 сдѣланъ былъ уже шогда, какъ вы напали на
 насъ и началось сраженіе,“

„Тушь вдругъ умолкла она и оняшь за-
 дилась слезами. Полагая, чшо эши слезы
 вырвались снова ошь воспоминашя объ ея

наспоящемъ положеніи, спросилъ я: „Давно ли же ты попада въ эту гнусную шайку?“ — „Я знаю Паоло, ошвѣчала она, съ молодыхъ лѣтъ. Онъ былъ прежде прилежнымъ земледѣльцемъ и вѣрно остался бы такимъ, если бы злые люди не соврашили его съ пуши. За мною ухаживалъ онъ уже давно, но я, воспитанная въ благоправіи, близъ Графини Лауры, кошорую вскормила мать моя своею грудью, я гнушалась развращною жизнію. Впрочемъ къ Паоло чувствовала я склонность, и все надѣялась обратиться его къ порядочной жизни. Тушь наступила война; въ нашемъ краю начались безпокойства и несчастіе постигло нашего добраго Графа. Разбойники спали продавалъ дороже свои услуги, и вошли въ шѣсныя связи съ большими и знашными людьми. Паоло оказывалъ Графу, кошорый долженъ былъ скриваться и пошомъ помышлять о цобѣгѣ, весьма важныя услуги. Хошя ему щедро за то плащили, но для Графа дѣлалъ онъ много изъ личной привязанности: зная, что я люблю Графиню Лауру, какъ душу свою, онъ старался всячески угождать всему семейству. Графъ рѣшился убѣжать, съ помощію Паоло, но Лаура должна была послѣдовать за нимъ чрезъ нѣсколько времени, а покуда хошѣлъ онъ оставишь ее въ замкѣ подѣ видомъ се-

спры моей. Эпошь планъ разрушенъ былъ вашимъ прибышемъ въ недосшупные подвалы зѣмка. Лаура была со мною въ комнашахъ моего опца, и пошому не успѣла уйши за нимъ. Тогда-шо Грегорио, преждебывшій монахъ изъ сосѣдняго Камальдуленскаго монастыря, кошорый хаживаль въ Позижано и былъ вашимъ проводникомъ, едва было не надѣлалъ бѣдъ. Но Паоло, во всемъ предусмотрительный, отврашилъ ихъ своимъ выспрѣломъ.“

„Тогда, едва не дошло дѣло и до васъ! Въ шу же ночь объявилъ Паоло, что для обезопасенія Графскаго побѣга, васъ надобно непременно спровадишь, увѣряя, что послѣ шого испуганные люди ваши не опважашся ни на какое сопрошивленіе, и прежде нежели пришло бы подкрѣпленіе изъ Неаполя, онъ успѣлъ бы очистишь зѣмокъ!“ При сихъ словахъ она умолкла, погрузясь въ прежнее уныніе. „Какимъ же образомъ шого не случилось?“ спросилъ я въ нешерпѣнни. Никогда не забуду выразишельности шого взора, какимъ взглянула на меня шогда Жаннеша. Осушились на минушу глаза ея, пурпуровая краска разлилась по блѣднымъ чершамъ лица, и на устахъ явилась какал-шо горькая усмѣшка. „Благодарите за то, сказала она, вашему счастью и волшебству, какимъ, почили въ первую минушу вашего появленія,

околовано было сердце Лауры и еще другое, не слабое! Пролитая горячая слеза, просила меня Лаура вымолишь вамъ у Паоло пощаду. Ахъ! она просила о томъ, чего сама я пламенно желала; но спомню большихъ усилийъ воздерживашъ Паоло: при томъ беззабошномъ безстрашии, какое оказывали вы ко всему, васъ окружающему, онъ какъ говорилъ мнѣ, спо разъ имѣлъ случай убить васъ. — Онъ клялся, что вы всѣхъ насъ повергнете въ несчастіе, и когда увидѣла я наконецъ, что ненависть его къ вамъ происходитъ часпю опъ ревности; когда Графиня Лаура безпрестанно присшупала ко мнѣ съ просьбами, и вы сами, въ цвѣтѣ вашей молодости, возбуждали во мнѣ живѣйшее сожалѣніе, тогда не нашла я другаго средства опшрашшъ убійство, какъ . . .“ Она ошановилась. „Какъ? Чшожь шакое Жаннепа?“ спросилъ я нешерпѣливо „какъ сдержашъ ему слово!“ продолжала она рыдая и руками закрывая лице свое: — „слово, кошорое давно уже дала ему, но не расположена была исполнить, особенно въ настшящее время — слово: бытъ женою его! — Въ маленькой нагорной часовнѣ благословилъ насъ пашерь, имѣвшій связи съ разбойниками, въ шрешью ночь вашего здѣсь пребыванія. На эшомъ я настшяла и шакимъ обра-

зомъ спасена ваша жизнь, потому что Паоло, давъ слово, умѣешь держашь его: въ помощь я увѣрена.“ Она упала опять на колѣна, прислонилась лицомъ къ сшулу, рыдала громко и препешала всѣми членами: никогда не забуду я вшой душу попрысавшей минушы! Исполненъ умиленія и участія, я поднялъ ее. „Жаннеша!“ вскричалъ я: „какъ много я тебѣ обязанъ, совсѣмъ не предполагая шого; о! чѣмъ я могу тебѣ заплашишь?“ Я припнянулъ ее на грудь свою и долго держалъ въ объятіяхъ. Мое участіе, казалось, облегчило шоску ея; она сдѣлалась покойнѣе, „Скажи, милая, продолжай я, чѣмъ помочь тебѣ можно?“ — Вспавъ и ободрясь, сказала она болѣе швердымъ голосомъ: „Ни чѣмъ. Ваше участіе, синьоръ, для меня ушѣшишельно! Благодарю васъ. Теперь позволите мнѣ кончить рассказъ мой. Паоло былъ успокоенъ и, можешь бышь, не произошло бы никакого насильшва болѣе, если бъ не привела сюда Поручика его несчастная звѣзда. Съ перваго свиданія спалъ онъ осаждашь меня своими любовными объясненіями. Презрѣвъ его, раздражала я шолько его мсшишельность. Въ Салерно, посредствомъ шпіоновъ, свѣдалъ онъ что-то о связи моей съ Паоло. Въ окрешностяхъ знали о ней, хощя и не могли предполагать, какъ шѣсно уже я сое-

динена съ нимъ. Поручикъ безпрестанно гонялся по пятамъ моимъ и вчера, когда пошла я въ паркъ, чшобъ на условленномъ мѣсѣтъ положишь для Паоло еще нѣкоторыя извѣстїя о предназначенномъ въ эту ночь опшамшии бѣглецовъ, судьба хотѣла, чшобъ офицеръ тамъ встрѣшилъ меня; счишая беззащитною, отогналъ онъ меня своею привязчивостїю до самаго опдаленнаго конца въ паркъ. Но Паоло былъ близко и, привлеченный крикомъ моимъ, однимъ появленїемъ остановилъ безразсуднаго, который, будучи безоруженъ, бросился бѣжать, и видя, чшо прошивникъ оешался позади, считалъ себя въ безопасности. Эшопъ между шѣмъ, крашчайшимъ пушемъ, обойдя къ выходу парка, явился къ нему на встрѣчу и двумя мѣшкими ударами кинжала поразилъ офицера, котораго конечно уже нельзя ему было щадить. — Горесътъ Лауры и просьбы ея къ опцу, любившему ее выше всего на свѣшѣ, убѣдили шогда послѣдняго позволить ей вамъ открьшся и увидѣшся съ вами въ послѣднїй разъ. И самъ онъ уже любилъ васъ за благородное и крошкое поведенїе ваше; ему хотѣлось, говорилъ онъ, разсташся съ вами, какъ честному человѣку. Вы знаете, какъ все эшо было сдѣлано. Я уже не возвращалась въ замокъ, имѣя причину

бояшья, послѣ убійства Рида. Но Паоло велѣлъ Маріаннѣ вмѣшашь въ обыкновенное вечернее пишье людей ваших соннаго порошка. Оспальное вы знаете!“

„И ты увѣрена, Жаннета, что всѣ бѣглецы спаслись, что Лаура скрылась благополучно?“

— „Ахъ, пощадише себя, вскричала она съ новою горестію, ошъ этого вопроса! Я не могу ошвѣчашь: ни да, ни нѣшъ. Лаура съ ошцемъ своимъ сѣла въ лодку и оба заклинали меня, ошправишья съ ними; попомня свои обязанности къ Паоло, имѣла я мужество ошказашья. Еще одна лодка съ бѣглецами ошправилась вмѣстѣ съ шою, и когда ошвалили онѣ, я взобралась на самую высокую гору и все смошрѣла въ слѣдъ милой своей госпожѣ, которая уже издалека махала мнѣ плашкомъ. Море все бушевало сильно, и лодки съ усилиемъ боролись прошивъ валовъ. Уже едва доспигало къ нимъ мое зрѣніе, какъ показалось мнѣ, будшо одна опрокинулась, и будшо слышишья крикъ; свисшъ вѣпра могъ обманушъ меня — онѣ показался мнѣ крикомъ ошчаянія! — При томъ же, ошдаленіе было шакъ велико, что я не могла распознашь, на кошорой лодкѣ это происходило. — Только черныя почки прыгали уже на волнахъ предъ моими, по-

чши ослабшими глазами! Я сошла уже съ горы. Все было для меня потеряно! Погибла я, погибъ вѣроятно и пошъ, для кого я пожертвовала собою! — Теперь вамъ все извѣстно! — “

Просьбы мои, чшобъ Жаннеша оставила разбойника, не могли преклонишь ее. Она упорно хошла раздѣляшь жребій его, хотя ни ея участіе, ни слезы, не могли разогнашь его мрачной безчувственности. Такимъ образомъ были они отправлены въ Неаполь. Сердце разрывалось у меня ошъ печали при разскаванъ Жаннешы съ опцемъ ея, кошорый послѣ того впалъ также въ совершенное онѣмнѣе чувствъ. Въ рапортѣ своемъ представилъ я Жаннешу сколько возможно невиновною, но приговоръ ея опсрочили, вѣроятно для того шолько, чшобъ узнать что нибудъ еще о причинахъ бѣгловцовъ. Паодо судили военнымъ судомъ, и черезъ нѣсколько дней былъ онъ разсрѣлянъ. Когда повели его на казнь, Жаннеша непонятнымъ образомъ, скрылась изъ шемницы, и вовсе не знали, куда могла она дѣшья.

„Въ горестномъ располженіи духа оставался я еще нѣсколько времени въ опустѣвшемъ замкѣ. Дней десять или двѣнадцать спустя, море выбросило на берегъ женскій шрупъ. Лице, какъ и все шло, было

искажено; а плашье по самое, какое носили объ мнѣ сестры. Жаннепа ли по была или Лаура? не могъ я узнатьъ, и съ шѣхъ поръ оплакиваю обвихъ.

Послѣ продолжительныхъ, напрасныхъ исканій, дошла до меня наконецъ вѣсть, будто Графъ Морганьи, подѣ чужимъ именемъ прибылъ въ Англію — одинъ или съ дочерью, того и теперь еще не знаю, но объ имени меня увѣдомили. Взявъ отставку изъ военной службы, объѣхалъ я Англію и Францію, но нигдѣ не нашель скрывшихся. Хотѣлось мнѣ пущиться и въ Сѣверную Америку, однако мысль о престарѣломъ опцѣ меня удержала. Возвращаясь, по его желанію, въ Германію, я долженъ былъ вскорѣ получить опъ него благословеніе и навѣкъ закрыть ему глаза. Но изъявляя послѣднюю волю свою, онъ такъ убѣдительно просиль меня заняться благомъ людей, которые сдѣлались моими подданными, что я, взявъ на себя новыя обязанности, не рѣшился предпринять пущешествіа въ другую часть Свѣта. Надобно было ограничиться объявленіями въ публичныхъ листахъ и перепискою съ корреспондентами въ разныхъ земляхъ. Я такъ много объявлялъ и навѣдывался, что, кажется, если бы Графъ былъ въ живыхъ, онъ вѣрно получилъ бы о томъ

извѣстіе. Уединенную и шихую жизнь велъ я въ прекрасныхъ своихъ помѣстьяхъ, и все имѣлъ, кромѣ счастья! — Сюда, въ Берлинъ, приманили меня темные слухи, что кто-то, называемый по имени, принятому Графомъ, прѣхалъ на корабль въ Гамбургъ и опшуда долженъ былъ отправиться сюда. — Но и здѣсь не нахожу его и уже не смѣю надѣяться!“

“Когда Равенштейнъ кончилъ расказъ, оба друга, сильно волнуемые въ душѣ, оставались долго безмолвны, — и просидѣли бы шакъ еще долѣе, если бъ не вошелъ маркеръ, со свѣчей въ рукѣ, докладывая, что наспу- пило время шеатра. Равенштейнъ вспалъ и со сложенными на-крестъ руками спалъ расхаживая по комнатамъ, а потомъ подошелъ къ другу и сказаль: „Пойдемъ въ шеатръ; я давно привыкъ приносить скорбь души моей ко всему, что люди называютъ развлеченіями. Они не пособляютъ горю, но по крайней мѣрѣ сокращаютъ время, и въ большемъ собраніи людей воображеніе всегда снова увлекаетъ меня къ заманчивой мысли, не найду ли я своихъ поперянныхъ.“

Уже піеса началась, когда оба друга вошли въ ложу. Представляли одно изъ лучшихъ произведеній опличнаго Нѣмецкаго авшора; игра акшеровъ съ необыкновенными

шаланшами, какими изобилують всѣ сподлицы Германіи, сошвѣтспшвовала достоинству піесы. Но ничшо не могло на сей разъ слипкомъ привлекашь вниманія друзей. Въ головѣ Герварда все еще бродили мысли о шомъ, чшо слышала онъ ошъ своего друга: жалкая участь Жаннеты, не менѣе сомнишельная Лауры и безупѣшное положеніе поварища его юноши, наполняли печальными размышленіями душу его. Равеншшейнь, лишъ шолько вошелъ, какъ съ помощію лорнепа, спалаь пробѣгашъ глазами всѣ ряды ложъ и паршеръ. Долго напрягалъ онъ зрѣніе, но взоръ его все спановился мрачнѣе, скука явспвеннѣе изображалась на лицѣ его, и попомъ спрпшавшпсь въ углубленіе ложп, оспавался онъ въ безмолвномъ шомленіи, цока не упала занавѣсь. Толпа хлынула вонъ изъ шеашра, но друзья кошѣли переждашь шѣсношу и, оспаваясь въ ложѣ, вспутили въ разговоръ. Пржеде нежели они вспомнили, чшо надобно ишши, шеашръ почши ужъ опущѣлъ и, по видимому, они оспавались послѣдніе. Однако лишъ шолько выпшли они, какъ черезъ нѣскольکو нумеровъ впереди ихъ отворились дверцы: вышелъ мужчина съ дамою, и въ небольшомъ ошѣ нихъ разстояніи пробирался скорыми шагами къ выходу. Когда поровнялись они съ фонаремъ

въ корридорѣ, свѣшъ упалъ прямо на женщину и освѣшилъ спанъ и одежду ея. Вдругъ Равенштейнъ запрепепалъ и почти вслухъ воскликнулъ: „Боже мой! какое сходство! — Это спанъ и походка Лауры! — Пойдемъ скорѣе, посмошримъ ей въ лице!“ и онъ пошацилъ за собою Герварда. Но на лѣспницѣ нельзя было обогнашь ихъ, а внизу шолпа еще не разсѣялась, и вскорѣ они увидѣли себя опрѣзанными ошъ предмета ихъ внимательности. Однако, не выпуская его изъ виду, Равенштейнъ былъ шакъ счастливъ, что ему удалось прошерешся черезъ шолпу и услышашъ нѣсколько словъ преслѣдуемой дамы, кошорая, къ довершенію очарованія, говорила по-Ишалиянски. Но въ шощъ же мигъ навалившій народъ ошашъ разлучилъ ихъ, и когда, немного спусшя, яркая малиновая шаль дамы ошашъ проглянула передъ глазами Равенштейна и его друга, и они снова погнались за нею, шо вскорѣ увидѣли, что поворошивъ въ боковую улицу, мужчина и дама вошли въ огромный домъ, кошорого вороша зашворились за ними. Тѣмъ кончилось преслѣдованіе. Какъ ни часшо случалось Равенштейну обманывашся подобными призраками, какъ ни легко было предсшавишь ему, что и здѣсь напряженное воображеніе гошовишь для него новый обманъ:

за всѣмъ шѣмъ , со всею пылкостью вспыхнувшей надежды, поклялся онъ , что непременно узнаешь , кто эта дама. Гервардъ спарался его успокоить , обѣщая , бытъ помощникомъ въ развѣдываніи , и наконецъ удалось ему опшацишь друга| онъ дома , въ кошоромъ уже мечшаль онъ найши свое поперянное счасіе. Они пошли въ госпинуцу, гдѣ Гервардъ еще долго разговариваль съ Графомъ , и было уже далеко за полночь , когда онъ съ нимъ разспался , подшвердивъ снова обѣщаніе освѣдомишься о незнакомкѣ.

Идучи домой , Гервардъ очень призадумался о развязкѣ случившагося. Большой домъ , въ кошоромъ скрылась дама , спояль въ одной изъ многлюднѣйшихъ улицъ и былъ наполненъ жильцами. Онъ зналь нѣкошорыхъ , и по чему-шо , какъ будшо по дурному предчувшвію , напаль мысленно на живущаго тамъ Профессора живописи. Сей , родомъ иностранецъ , недавно поселившійся въ Берлинъ , не за-долго передъ шѣмъ ѣздиль въ Англію и возвращился опшуда съ молодою женою. Гервардъ ничего не слыхаль о сей послѣдней , и думаль до сихъ поръ , что она Англичанка ; но это могло бытъ и иначе. Припоминая все , говоренное Равеншшейномъ , онъ вообразиль , что Профессоръ легко могъ познакомишься въ Англіи съ Мор-

ганьи, какъ любилъ Искуствъ, и что въ самомъ дѣлѣ не съ Лаурою ли онъ обвинчался. Эта мысль тяжело засѣла въ заботливую его голову: чѣмъ болѣе думалъ онъ, тѣмъ находилъ ее вѣроятнѣе, такъ что наконецъ спалъ помышляя только о томъ, какимъ образомъ объявишь другу это несчастное открытiе. Однако поразмысливъ еще, рѣшился лучше вовсе не говорить ему ни о Профессорѣ, ни о женѣ его, пока не развѣдаешь чего нибудь ближе о послѣдней. На другой день обязанности службы задержали его цѣлое утро, и уже около полудня навѣспилъ онъ друга въ его гостиницѣ. Онъ нашелъ его мрачнымъ и разстроеннымъ: помимый безпокойствомъ Равенштейнъ, рано поутру былъ уже въ томъ домѣ и, съ помощiю шракирнаго слуги, осведомлялся о жильцахъ. Изъ первыхъ назвали ему Профессора и жену его, недавно привезенную имъ изъ чужихъ краевъ. Въ сихъ послѣднихъ немногихъ словахъ, при воспоминанiи найденнаго сходства, была уже большая пища для его раздумья, и онъ не спалъ спрашивая болѣе. „Ты можешь себѣ предсказать, говорилъ онъ другу, что мнѣ теперь пуще всего нужно только знать истину. Во что бы ни стало, я долженъ узнать, точно ли эта молодая женщина

*

Лаура! Суждено ли мнѣ когда нибудь успокоиться, это неизвѣстно; а въ помѣ швердо увѣренъ я, что если еще продолжись нынѣшнее мучительное мое положеніе, то меня спанешь не на долго. И такъ, я рѣшился: пойду самъ къ Профессору, и если ты меня любишь, то не будешь мнѣ въ помѣ препятствовать!“

Гервардъ, видя, что ему ничего не оспашаешь прошивъ того говоришь, вызвался сопутствовать другу, и какъ онъ когда-то былъ немного знакомъ съ Профессоромъ, то шѣмъ легче ему было выдумать благовидный къ тому предлогъ. Не безъ внутренняго движенія вошли оба молодые люди въ жилище архиспа, который, по росшу и сложению шѣла оказался точно шомъ, кого видѣли они съ дамою наканунѣ; а еще къ большему доказательству того, что не ошиблись они, висѣла на заспикѣ софы знакомая ярко-малиновая шаль. Но живописецъ былъ одинъ, и хопя по шѣнамъ комнашы висѣло много, особенно женскихъ портретовъ, однако блуждающіе по нимъ глаза Равенштейна не нашли ни въ одномъ сходства съ предметомъ, котораго онъ доискивался. Это послужило къ его ободренію. Между архиспами и любителями Искусства, особливо когда они люди свѣтскіе и обра-

зованные; легко поддерживается разговоръ. Чшобы придашь благовидности своему посъщенію, Равенштейнъ, зная, что у Профессора ешь продажныя каршины, даль ему замъшишь, что намърень нъкошорыя купишь. Такимъ образомъ заинпересовавъ хозяина, друзья, не смотря на шревозное чувствво ожиданія, вопли съ нимъ въ просшранныя и очень непринужденныя разсужденія; однако вовсе не предшавлялось случая навъдашься приличнымъ образомъ объ его семейственныхъ опношеніяхъ. Они проходили нъсколько комнашь, наполненныхъ произведеніями дръвнихъ и новъйшихъ художниковъ, ошпанавливались передъ нъкошорыми, и разсмашривали, по видимому, внимашельно, собшвенно же для шого, чшобы придумашь, какъ имъ достигнушь цъли своего посъщенія, для кошорой еще очень немного было сдъдано. Такъ шояли они передъ одною каршиною, какъ вдругъ изъ боковой двери выпорхнула юная Геба и, обманушая шишиною въ комнашь, бросилась на шею Профессора, думая, что онъ шущъ одинъ. „Рекомендую жену свою!“ сказалъ онъ посшямъ, взявъ за руку, и она, покраснъвъ и присъдая въ смущеніи, предшавилась имъ въ видъ прелешнаго, но вовсе чуждаго существва. Равенштейнъ вздохнулъ свободнъе. Обманушый

въ своемъ ожиданіи, но шѣмъ не менѣ восхищенный, онъ первый сказалъ нѣсколько учивыхъ привѣшствій дамѣ, кошорая приняла ихъ съ пріятною улыбкою, но безмолвно. „Она Англичанка, сказалъ тогда Профессоръ, и разумѣешь, кромѣ своего роднаго языка, шолько немного по-Италіянски.“ Зная оба языка, Равеншпейнъ завелъ съ нею разговоръ на первомъ, а пошомъ, не находя уже причины долѣе оставашься, обратился къ живописцу, переговорилъ съ нимъ объ одной каршинѣ, кошорую безъ дальняго шорта удержалъ за собою, и хопѣлъ ишши. Но между шѣмъ, не имѣя при себѣ слѣдующей въ уплашу, довольно значительной суммы, вынулъ онъ изъ кармана свой адресъ, написанный на каршочкѣ, и положилъ его на споль, у кошораго стояла дама. Глаза ея шопчасъ обратились на эшопшъ адресъ, и она, какъ бы съ особенною внимательностію разбирая написанное, взяла его наконецъ, чшобъ разсмошрѣшь ближе. Тогда живописецъ, посмѣясь ея любопытству, спалъ подлѣ нея и указывая на буквы, почши по складамъ прочишалъ имя, при чемъ извинился передъ госшями, говоря, чшо жена его оплучила большую охопу учишься по-Нѣмецки и почши съ жадностію хватаешься за все, печашное и письменное. Однако она,

прислоня руку къ головѣ, дѣлала мину, какъ будто что-то припоминаеть и пошомъ вдругъ съ живоспію вскричала: „Такъ почно, эшо самое имя!“ Туць спала она переговаривашь, какъ умѣла, чужезычное имя, и въ радости, хлопая въ ладоши, повшорила прежнее восклицаніе. Всѣ изумились. Равенштейнъ въ безмолвномъ неперпѣннѣ схватилъ ее за руку. Она захохотала. „Въ Лондонѣ,“ сказала она: „была у меня подруга; она жила для компаніи у одной премилой иносбранки. Черезъ нее получила я опъ эшой порученіе: когда прѣйду въ Германію, навѣдывашься о мужчинѣ вашего имени, и что узнаю, пошчасъ написашь къ моей пріятельницѣ. До сихъ поръ,“ примолвила она, закраснѣвшись и съ видомъ милого просподушія: „я довольно была беззабошна на эшошъ счешъ, или прямо сказашь, порученіе вовсе вышло у меня изъ головы. Но какъ бы я была рада, если бъ случай поправилъ мою небрежность! если бъ почно вы были шошъ человекъ, котораго ищущь!“— Сердце Равенштейна сильно забилось опъ воскреснувшей надежды и радостнаго предчувствія. Почши не владья собою, вскричалъ онъ съ шрепешомъ: „Гдѣ найду я, скажише, эшу даму? Гдѣ надобно искашь ее?“— „Она ошавалась въ Лондонѣ, ошвѣчала хо-

зайка, но не ручаюсь, чшобъ и шеперь памъ была, пошому чшо поговаривали объ ошъздѣ или въ Германію или въ Сѣверную Америку, и эшо зависѣло, кажешся, ошъ какихъ-шо неизвѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ. По милосши эшого злаго человекъ — примодвила она, склонивъ прелесшную голову на грудь своего мужа: — „я не подумала еще заняшсья перепискою, и пошому сама не получаю никакихъ ошшуда извѣстій!“ Но уже довольно было и шого извѣстія, чшобъ снова окрилишь надежды Равеншшейна. Онъ записаль наскоро все, чшо могла сказашь ему хозяйка и хошя она назвала совсѣмъ не шо имя, подъ кошорымъ искаль онъ Латуры, но эшо не помѣшало его радостной увѣренности, чшо наконецъ напаль онъ на слѣдъ; да и многія примѣшы казались несомнѣнными. Тушь просидился онъ съ хозяевами, кошорые разсшались съ нимъ шрогапельно и съ живѣйшими желаніями успѣха его развѣдываньямъ. Возвращаясь въ жилище Равеншшейна, спали друзья совѣшовашсья, какимъ бы образомъ ускоришь предпріятія Графа, кошорый намѣребался ошправиться въ Англію, а шамъ, если нужно, и въ Сѣверную Америку. Для шакого продолжительнаго ошсущствія, ему надобно было сдѣлать нѣкошорыя распоряженія въ своихъ помѣспьяхъ,

а въ это время Гервардъ долженъ былъ выпросить себѣ двухнедѣльный отпускъ: ему очень хотѣлось проводить друга, по крайней мѣрѣ до того мѣста, гдѣ онъ сядетъ на корабль и надолго проспишся съ Европою. Все устроилось по желанію и скоро, хотя для нешерѣвиваго Графа, минуты казались часами. Въ одно шуманное осеннее утро покапились друзья на почтовыхъ по дорогѣ въ Гамбургъ. Имъ сопутствовала утѣшительная надежда, но временемъ и грустное опасеніе. Лишь только прибыли они въ Гамбургъ, случай какъ будто нарочно приготовилъ для Равенштейна готовый къ отплытію въ Англію корабль. Онъ оставался только за вѣтромъ; но къ удовольствію Графа скоро и это препятствіе рушилось. Уже наступилъ часъ отъѣзда, и Равенштейнъ, дорожа теперь каждою минутою, которую могъ провести вмѣстѣ съ своимъ другомъ, опослалъ на корабль все свое добро, а самъ пошелъ съ нимъ въ ближній кофейный домъ, приказавъ дажь себѣ знать, какъ скоро все будетъ готово. Уже прозвучали прощальные бокалы и на глазахъ Герварда навернулись слезы, а Равенштейнъ, не зная, печалился ему или радовался, крѣпко сжималъ руку товарища своей юности, какъ вошелъ маркеръ и объявилъ, что на кашерѣ

его ожидающъ. Рука въ руку, отправились друзья. Они пришли на берегъ, еще одно послѣднее объяснiе, и Равенштейнъ повернулся, чшобъ итти на каперъ. Въ то же мгновенiе входила шуда какая-то дама подь покрываломъ, кошорое вѣшромъ бросало шуда и сюда. Она ошкинула его на шляпку и вдругъ испустила сильный радосный крикъ. Равенштейнъ взглянулъ и едва вѣрилъ глазамъ своимъ, какъ уже Лаура лежала на восхищенной груди его.

Въ слѣдъ за дочерью явился и Графъ Морганъ. Тушъ начались восшорги, цѣлованья, слезы и смѣхъ, а между тѣмъ задержанные гребцы бранились и понуждали къ ошѣзду. Тогда всщупился Гервардъ и прекрашилъ сумяшицу. Онъ распорядился, чшобъ чемоданы пассажировъ, не хопѣвшихъ уже ѣхашъ, были вынушы и возвращены; ко-рабельщика вознаградилъ богатыми дарами за потерю и замедленiе, а свидѣвшихся проводилъ въ шопъ самый кофейный домъ, опкуда лишь шодько самъ вышелъ съ другомъ, и гдѣ уже предосшавилъ ему полную свободу для объясненiй съ возлюбленною и ея ошцемъ. Они за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ прiѣхали изъ Лондона и намѣревались искашъ въ Германiи Равенштейна. Забошливый ошець былъ къ шому побуждены

скрышною поскою дѣвушки, угрожавшею даже здоровью и жизни ея. Но когда прибыли они на твердую землю, но не нашли, кого искали, и съ разныхъ споронъ получилъ Морганьи извѣстія, что Графъ Равенштейнъ находится въ опсуществіи. Одинъ изъ корреспондентовъ его между прочимъ писалъ, что по всей вѣроятности Графъ надолго оставилъ свои помѣстья и судя по шемнымъ слухамъ, надобно думать, что онъ опсправился въ Англію. Это заспавило путешественниковъ, какъ можно скорѣе собраться опять въ Лондонъ, а между тѣмъ Морганьи разслалъ всюду извѣстія о себѣ, такъ что Графъ навѣрное получилъ бы ихъ, если бы опспался въ Германіи. Судьба расположила иначе, и свидѣвшіеся, съ воспоргомъ и въ радоспныхъ обяспіяхъ, благословляли ея благодѣшительные успавы.

II.

К Р И Т И К А

I.

П и с ь м о к ь Н. Н.

(Окончаніе.)

Спр. 28. „Совокупное предшавленіе *знаковъ* общихъ и особенныхъ необходимо къ *опредѣленію* предмета *единственнаго*.“ — Предметы единственныя не опредѣляются, но только описываются, а общие и особенныя *знаки* (п. 6. примѣры) входящія и въ опредѣленіе общихъ понятій, если подъ особенными разумѣемъ тоже, что собственно. — Въ кошорый уже разъ говорится о знакахъ, но до сихъ поръ они еще ни опредѣлены, ни раздѣлены.

Опъ сей страницы по 33-ю говорится о происхожденіи понятій довольно ясно и хорошо: но 1) ни слова не сказано о происхожденіи понятій особенныхъ; 2) о *чистой единицѣ* хотя упомянуто на спр. 30, но не сказано, какое именно понятіе или идея составляетъ сію единицу, а что она дѣлилась на категоріи, это совсѣмъ ни изъ чего не видно. 3) Туть же *разумъ* (умъ) превознесенъ до небесъ, но вовсе не опредѣ-

лень; 4) на спр. 31 о памяти сказано, что она не предшесствуетъ уму (разуму), но сопровождаетъ его въ дѣйствіяхъ; а не сдѣлано различія между низшею (чувственною) и вышею (умственною) памятью, изъ которыхъ первая всегда въ дѣйствіяхъ разуму предшесствуетъ; 5) душа же и воля причислена къ силамъ мысли; 6) на спр. 33 употреблено чрезвычайно странное словосочиненіе: „Всѣ прочія (дѣйствія мысли) состоятъ въ томъ, что соединяемъ — или изъемяемъ.“ Впрочемъ неправильныхъ словосочиненій я только мало замѣчаю, а ихъ въ сей книгѣ довольно, напр. индѣ глаголь *содержать* безъ прибавленія *въ себѣ*; индѣ *въ* вмѣсто *подъ*, какъ на спр. 31 *въ которомъ* вмѣсто: *подъ которымъ*; 7) душа же *въ* примѣч. тупоуміе противоположено *проницательности*, а не остроумію.

Спр. 34. Воспоминаніе опредѣлено неправильно.

Спр. 38. „Фантазія смѣшиваемая многими съ воображеніемъ“ — и самимъ Авшоромъ; ибо она значить мечтательность, а у него принята за производимельное воображеніе вообще.

Спр. 39. „Разумъ (умъ) есть та высшая способность, посредствомъ которой производится идея безусловнаго единства.“

Какъ дѣйствія сей способности еще не изложены, но и мудроно шеперь понимаешь: что такое идея безусловнаго единства, и какимъ образомъ умъ ее производишь. — „Силь (способности) познанія — необходимо содѣйствуешь и воля.“ — Вошь какъ надобно, а не шакъ, какъ сказано на спр. 32.

Спр. 41, 1) Разсудительность смѣшана съ разсудкомъ напрасно. 2) „Три главных дѣйствія мысли (смысла): *представленіе, сужденіе и умствованіе.*“ — Представленіе вмѣсто понятія помѣщено въ число дѣйствій смысла — неправильно: оно составляетъ самое общее названіе для всѣхъ дѣйствій представительной способности вообще, отъ ощущенія до самаго синтетическаго умствованія, и означаетъ дѣйствія не только смысла, но и чувствъ и воображенія.

Спр. 43. „Представленіе есть сознаніе насъ самихъ и предметовъ мысли.“ — Здѣсь родъ опредѣленъ посредствомъ своего вида; ибо сознаніе само есть представленіе. Пришомъ не въ каждое представленіе непременно входяшь предметы, отъ насъ отличные, напр. въ ощущеніе. — „Вещи постигающія мысляю или появленіемъ ихъ, или — какъ сушь въ себѣ.“ — Надобно было говорить не о постиженіи, но только о представле-

ни вещей. — Какъ суть вещи въ себѣ, всего, думаю, никшо, кромѣ ихъ Создателя, знашь не можешь. Мы познаемъ ихъ шолько по отношенію къ нашей познавательной способности. — „Ошсѣль раздѣленіе представлений на два вида — на *понятіе* и *идею*.“ — Представленіе заключаешь подъ собою гораздо болѣе двухъ эшихъ видовъ, какъ сказано на слѣдующей же.

Спр. 44. „Представленіе шого, какъ вещи въ самомъ дѣлѣ существующъ, называется идеєю.“ — Изъ сказаннаго предъсимъ не шо слѣдуешь, а шо, что идея означаешь представленіе единшвенно возможнаго способа бышя вещи. — „И такъ представленіе вообще ешь родъ, объемяющій всякое познаніе, въ области ума и разума находящееся.“ — Не познаніе шолько, но и ощущение и мечшаніе, — не шолько въ области ума и разума, но и чувшвъ и воображенія.

Спр. 45. „Кои (*пространство и время*), какъ идеальныя формы, составленныя разумомъ (умомъ) совершенно независимо опъ опыта, начало свое имѣють не въ чувшвахъ, но въ одной самодѣятельности мысли (смысла).“ — Такъ шочно! Младенцы, въ кошорыхъ разумъ еще не дѣйствуешь, и жившныя, кошорыя и совсѣмъ не имѣ-

юшь самодѣятельности мысли, ничего не представляюшь себѣ въ пространствѣ и времени, да и сами въ нихъ не живушь, а нами только, т. е. имѣющими уже самодѣятельность мысли, бываюшь они представляемы въ пространствѣ и времени. Какъ всѣ мы грѣшные до сихъ поръ заблуждали! Vivat, Г. Авшоръ! Всю напуру какъ на ладонкѣ намъ показали! Для того-то, вѣрно, онъ и не сказалъ ничего о чувствѣннѣмъ вещей различеніи, что оно въ его системѣ совсѣмъ не входитъ. Но. . . .

Спр. 46. „Чувствовашь значить ощущашь“ — пожауй, скажи хоть: ощущашь значить чувствовашь; — все не будетъ опредѣленія. Чувствовашь говорится объ удовольствіи и неудовольствіи, ощущашь — безъ исключенія и различія о всякомъ раздраженіи или перемѣнѣ нашего организма.

Сказанное на спр. 43—53 почти все лишнее, потому, что принадлежитъ либо ко введенію, гдѣ частію уже и помѣщено, либо къ трансцендентальной Логикѣ, до которой здѣсь и дѣла нѣтъ. Но достопримѣчательнѣйшія суть слѣдующія мѣста:

Спр. 47. „Для произведенія *внѣшняго* чувствованія, потребны при существенныхъ условіяхъ: 1) внѣшній предметъ, *непосредственно* дѣйствующій на органъ; 2) об-

разъ внѣшняго предмета въ чувствѣнномъ органѣ отраженный *его* (чьей: предмета или органа?) дѣятельностію; и 3) сознание сего образа.“ Не только чувствованія, но едва ли и ощущенія можно раздѣлить на внѣшнія и внутреннія, ибо они всегда бывають въ насъ, а не внѣ насъ. Тутъ пребываетъ только непосредственное дѣйствіе предмета на чувствѣнный органъ, а на спр. 8 и непосредственное. Что опъ предметовъ въ наши чувства входяшь образы (*idola*); это нелѣпое мнѣніе произошло еще опъ Эпикура, но не смотря на древность, здравомыслящими Философами отвергается. И зачѣмъ въ учебную книгу вносишь такіа сомнительныя положенія? Слѣдующее за шѣмъ относитъ къ Прикладной Логикѣ.

Спр. 48. „Чувство внутреннее есть первоначальное вниканіе, сопряженное съ силою воображенія, предшествующее всякому размышленію и пр.“ Чувство внутреннее то было сознаниемъ, а теперь сдѣлалось вниканіемъ. Да что же такое само вниканіе-то, что оно, какъ хамелеонъ, принимаетъ на себя разные цвѣты? То оно есть дѣйствіе мысли (ш. е. смысла, спр. 21); то составляетъ родовое понятіе для внутренняго чувства, слѣд. то же значить, что чувство вообще, то сопровождается *всѣ* си-

лы способности размышленія (спр. 21), то предшествуешь всякому размышленію. Впрочемъ, ежели вниканіе сопрягается съ силою воображенія, то внутреннее чувство всего менѣе бываетъ въ связи съ этою силою, какъ недавно здѣсь доказано.

Что говорится на спр. 50 — 54 объ умственныхъ началахъ понятій, то не знаю какъ назвать: выводомъ категорій? Такъ пусть не предположено никакого начала. Просимъ ихъ изложеніемъ? Такъ пусть прежде ихъ наговорено чего-то великое множество. Сведеніе въ одну (спр. 44) двухъ Кантовыхъ категорій: *отношенія* и *способа* (*modalitas, состоятельность*), можешь быть, и хорошо: но не показано причины ни тому, что всѣхъ категорій должно быть только три, ни тому, что онѣ входятъ въ составъ всякаго нашего понятія.

Спр. 55. „Нельзя предсавишь себѣ понятія, въ которое бы не входили чувственные и умственные знаки вещей. „А какіе, напр. чувственные знаки входятъ въ понятія *духа*?... Тушь же *conceptus concreti* названы по Руски *понятіями слитными* — хорошо: но не сказано, въ разсужденіи чего понятія раздѣляются на слитныя и ошвлеченныя; шакже, почему не ходишь всѣми почти принятое

раздѣленіе понятій на особенныя (единственныя) и общія.

Стр. 58. „Въ свѣтъ нѣтъ ничего, что бы не было составлено изъ противоположныхъ, совмѣстныхъ и пр.“ А откуда это извѣстно? Мы знаемъ только то, что это есть условіе нашихъ представлений. И потому надлежало бы вывести законъ совмѣстности противоположныхъ изъ природы самыхъ нашихъ представлений. Да и Логика же есть *образная Философія* (стр. 2.).

Стр. 59. „По качеству полныя понятія могли бы быть раздѣлены на *простыя* и *сложныя*. Нѣтъ, а по количеству, и именно внутреннему, или по содержанію, и напрасно при этой категоріи такъ не раздѣлены. Но „въ строгомъ значеніи не можешь быть понятій простыхъ.“ А понятія вещи вообще, краснаго или другаго цвѣта, баса или другаго голоса представленія вообще бытія и д. и. на какія примѣты или признаки могутъ быть разложены? Что можно нѣкоторыя понятія дѣлить на виды, это не означаетъ ихъ сложности.

Стр. 60 и 61. Раздѣленіе понятій по качеству на тождественныя и разнозначныя, и послѣднихъ на противорѣчивыя и противныя — не правильно. Оно происходитъ отъ смѣщенія понятій между собою;

свѣд. бываетъ по внѣшней ихъ формѣ, шакъ же какъ и раздѣленіе на высшія и низшія, обширнѣйшія и шѣснѣйшія. Но всякое понятіе можешъ и должно бытъ разсмашриваемо еще само по себѣ, по внушренной своей формѣ. Не знаю, для чего Г. Талызинъ опуспилъ это раздѣленіе формы въ нашихъ понятіяхъ, допусшивъ его въ самыхъ вещахъ (на спр, 44.) Неужели понятіе безъ сношенія съ другимъ будешъ никакое? Примѣры понятіямъ прошиворѣчивымъ и прошивнымъ приведены не шакъ. *Храбрый* въ прошиворѣчїи сосшопшъ съ *нехрабрымъ*, *трусъ* съ *нетрусомъ*, *просвѣщенный* съ *непросвѣщеннымъ*; въ прошивности же находяшся *храбрый* съ *трусомъ*, *просвѣщенный* съ *невѣжею*. Опношенія, какое находяшся между *просвѣщеннымъ* и *безумнымъ* и ш. п., никшо еще никакъ не называлъ. Но это касаетъ предметовъ понятій, а Логика судитъ шолько объ ихъ формѣ.

Спр. 62. Говоря объ опношеніи понятій, Сочинишель напрасно коснулся опношенія вещей. Опношеніе понятій, включая въ него и Каншову модальность, не шолько еспъ двойкое, какъ у Г. Талызина, но и шроякое: 1) опношеніе понятій къ предметамъ, 2) опношеніе понятій между собою или сношеніе, и 3) опношеніе ихъ къ мы-

слящей способности. Въ послѣднемъ отношеніи могутъ быть разсмащриваемы: 1) степень сопровождающаго какое нибудь понятіе свѣдѣнія, и 2) образъ происхожденія или бытія понятій въ мыслящей способности. И шакъ либо Г. Талызинъ напрасно двѣ Каншовы кашегоріи соединилъ въ одну, либо худо сдѣлалъ, что не подраздѣлилъ еще приняныхъ имъ самимъ кашегорій. Далѣе до конца сей главы идешь какая-то смѣсь матеріальнаго съ формальнымъ и логическаго съ метафизическимъ.

Стр. 70. „Сужденіе есть дѣйствіе *мысли* (смысла), въ копоромъ представленіе какой либо вещи опредѣляется другимъ представленіемъ шакъ, что утверждается совмѣстность его съ онимъ или несовмѣстность (приличіе или неприличіе.)“ А можно ли это общее опредѣленіе сужденія примѣнить къ сужденіямъ условнымъ и раздѣлительнымъ въ шакомъ же шочно отношеніи, въ какомъ и къ кашегорическому?

Стр. 71. „Представленіе опредѣляемаго предмета есть *подлежащее*, опредѣляющаго — *сказуемое*.“ Тутъ выходишь, что предметъ для предмета можешь служишь и подлежащимъ и примѣщю или признакомъ. Не говорю уже о шомъ, что сужденіе вообще подведено подъ опредѣленіе, какъ видъ

подъ свой родъ, а послѣ опредѣленіе сдѣлано видою сужденія (на стр. 81.) За симъ сужденія по машеріи раздѣлены на синтешическія и аналишическія: но 1) ничѣмъ не доказано, что это ихъ раздѣленіе относитсѣ къ машеріи, а не къ формѣ, ибо нѣкошорые относятъ его къ формѣ, 2) опредѣленія сихъ сужденій удивительно, какъ сбивчивы: въ обоихъ сказуемое предполагается уже *познаннымъ*, а что въ синтешическомъ сужденіи опредѣляется сказуемымъ совмѣстность опредѣляемаго (ш. е. подлежащаго, вѣроятно, съ тѣмъ же сказуемымъ или опредѣляющимъ), то это должно бытъ и въ аналишическомъ сужденіи; и что будто въ аналишическомъ сужденіи сказуемое подвергается новому размышленію и раздробленію, то это для аналишическаго сужденія не есть необходимое, при томъ можеть бытъ и въ синтешическомъ. Я думалъ, что Г. Талызинъ поправитъ шупъ ошибку, сдѣланную имъ на стр. 33, а онъ еще усовершенствовалъ ее. Тамъ сказано, хотя и неправильно, по крайней мѣрѣ понятнымъ образомъ; а здѣсь — прямо безъ шолку

Стр. 73. „Частныя (сужденія) суть шѣ, въ коихъ сказуемое приписуется нѣсколькимъ *нераздѣльнымъ*, или въ кошорыхъ подлежащимъ бываетъ *видовое пснятіе*.“ —

Откуда заимствовано это нелѣпное опредѣленіе? Второй примѣръ: прилежаніе къ ученію не осмѣается безъ плода, — его опровергаешь. Спрашиваешься: всякое ли или только нѣкоторое прилежаніе къ ученію не осмѣается безъ плода? Если первое: то это есть сужденіе общее или всеобщее, не смотря на видовое понятіе въ подлежащемъ. Симвъ же примѣромъ опровергается и слѣдующее опредѣленіе: „Общимъ сужденіемъ называется то, въ копоромъ подлежащее есть родъ.“ Слѣдующіе за симъ примѣры ничего не доказываютъ прошивнаго моему сужденію: ибо если сказать, что всякая добродѣшель составляетъ украшеніе челоуѣка, то сужденіе будетъ общее; а если нѣкоторая, то частное, не смотря на то, что понятіе добродѣтели есть понятіе родовое.

Спр. 74. „Положительныя (сужденія), въ копорыхъ показывается совмѣстность сказуемаго съ подлежащимъ.“ Ну, пусть положительныя вмѣсто утвердительныхъ! А если сказуемое по природѣ своей будетъ отрицательный признакъ, то будетъ ли тогда сужденіе положительнымъ? Напримѣръ: Ташары суть невѣжи въ наукахъ. Далѣе, отрицательныя сужденія опредѣлены неправильно. Категорическія сужденія названы явственными не хорошо, и опредѣлены также

неправильно. Определеіе условнаго сужде-
нія можешъ приличесшвовашъ къ умсшво-
ванію.

Спр. 75. „Въ раздѣлишельномъ сужденіи
подлежащее *разлагается* сказуемымъ на *его*
(чьи?) прямо прошивоположныя часши.“ —
Но будутъ ли раздѣлишельными напр. слѣ-
дующія сужденія: либо человекъ, либо діа-
воль произвелъ на свѣшъ зло. Либо есшъ
Богъ, либо міръ сей самобышенъ. Или всѣ
нравсшвенныя сущесшва безсмершны, или
нѣшъ уже и Высочайшаго нравсшвеннаго Су-
щесшва. — Если всѣ эши сужденія раздѣли-
шельныя, шо определеіе — не вѣрно.

Спр. 46. Почши всѣ сочинисели Ло-
гикъ подагаюшъ чешыре главныя начала
мышленія вообще (не сужденій шолько); но
въ самомъ дѣлѣ ихъ не болѣе прехъ: ибо на-
чало исключенія средняго (начало двухъ край-
носшей) есшъ шолько слѣдсшвіе начала про-
шиворвчія. — Выраженія сихъ началъ у Г-на
Талызина не шочны, и помѣшены не шамъ,
гдѣ должно.

Спр. 77 — 81. Говоря о прошивополо-
жнoshi предположеній, Авшоръ сказалъ до-
вольно новаго на Русскомъ языкѣ, но опу-
пустилъ иное хорошее старое.

Спр. 81 — 85. Объ определеіи и раз-
дѣленіи говорштся хошя и довольно крашко,

но довольно и хорошо. Только въ концѣ (спр. 85 и 86): „Оба (опред. и разд.) супъ предложенія сложныя“ — не правда. Если бѣ Авшоръ не выпустилъ спашьи о предложеніяхъ сложныхъ, шо, вѣроятно, вышло бы у него супъ прошиворѣчіе самого съ собою. Они по природѣ своей должны бытъ сужденія простыя, какъ кашегорическія и раздѣлительныя, хошя и могушь бытъ сложными. Сложнымъ же предложеніемъ называется не шо, кошорое состоишь изъ многихъ подлежащихъ и сказуемыхъ, но шо, кошорое содержишь въ себѣ многія (разныя) связки — (свѣд. смыслы). И пошому опредѣленіе протсгаго предложенія у Авшора — не правильно.

Спр. 86. Опредѣленіе умствования вообще — шаково, что его мудроно примѣнишь къ умствованиямъ условному и раздѣлительному. Въ немъ же сказано: *между ними*, прошивъ свойства Русскаго языка.

Спр. 87. Будшо въ сужденіи подразумѣвается непременно шреліе понятіе — эшо ложно; иначе не было бы никакихъ началъ, и доказательства протспирались бы до безконечности, что совсѣмъ недѣло. — Далѣе, что на спр. 87—90 говоришь объ умствованіи вообще, шо собственно ошносится только къ одному кашегорическому, кошорое названо по-Русски явшвеннымъ — не хорошо.

Спр. 91. „Явственный силлогизмъ есть шопъ, въ которомъ большимъ предложеніемъ ушверждается или оприцаешся чшо либо безъ всякаго условія.“ — А развѣ нужды нѣтъ, если въ меньшемъ его предложеніи и заключеніи ушверждается чшо либо и подѣ условіемъ?...

Объ основаніи началъ сего умствования не найдешь ничего и у шѣхъ Философовъ, которые написали свои Логики во многихъ тодшнихъ шомахъ.

Спр. 96. Дилемма названа видомъ раздѣлительнаго силлогизма, но не причислена къ силлогизмамъ сложнымъ, о которыхъ на прасно у Г-на Талызина сказано шолько какъ бы мимоходомъ. О непосредственныхъ умствованияхъ шакже напрасно ничего не сказано. Ни слова шакже о разныхъ фигурахъ и образцахъ категорическаго умствования, а пошому и о шакъ называемыхъ syllogismi minus ordinati. Это правда, ншо сіи предметы смѣшно излагаются въ обыкновенныхъ Логикахъ, но они сосшавляютъ необходимыя слѣдствія основныхъ законовъ мышленія и не должны бытъ пренебрегаемы; шолько ихъ надлежитъ со всѣмъ иначе обрашашь, нежели какъ до сихъ поръ шодѣлали. — О соритѣ (спр. 98) сказано мало; — О наведеніи и сходствѣ (спр. 99) —

какъ обыкновенно, ш. е. безъ надлежащаго ихъ основанія и не въ надлежащемъ порядкѣ; объ умствованіи непрямомъ (спр. 100 и 101) не удовлетворительно; о доводахъ ошъ перваго и ошъ послѣдняго (спр. 101.), можно сказать, ничего не сказано, ибо они въ дѣлѣ умствованія другое значашь, нежели какъ ихъ обыкновенно понимающь. Если уже сказано о доводѣ ошъ равнаго (спр. 101 и 102), то надлежало бы говорить и о доводахъ ошъ большаго и меньшаго.

Спр. 103. Прикладная Логика не ошличена ошъ Логической Методологіи; за то не только лучше всей Логики обрабошана, но и вообще — очень хороша, шакъ что если бѣ Г. Авшоръ самъ держался ея правилъ, то бы и вся его Логика была прекрасною учебною книгою. Въ сей часши не на своемъ только мѣстѣ спашья (глава) о правдоподобіи. Другихъ значительныхъ ошбокѣ, можно сказать, въ ней и нѣшъ. Только во всей Логикѣ еще недоспашки немало-важные, напримѣръ: нигдѣ не различены между собою знаніе, мнѣніе и вѣра; ни слова, не сказано ни о системѣ, ни о методѣ; даже и о доказательствѣ; ибо хошя и говорено о нѣкоторыхъ видахъ доводовъ, но все не то, что надобно сказать о доказательствѣ вообще и о разныхъ его видахъ.

Теперь, чтобы откровенно объявить вам свое мнѣніе о сей Логикѣ, я долженъ еще сказать напередъ слѣдующее: самая общая Логика можетъ и должна имѣть различную форму, судя по различному ея назначенію. Особенный видъ должна она принять обрабатываемая сама по себѣ, другой — въ связи съ другими частями Философіи, и совсѣмъ иной — въ связи съ Наукою о Словесности. Г. Талызинъ писалъ свою Логикѣ только на первый случай. Матеріалы для нея собралъ почто тѣ, которые собрать надлежало: жаль только, что нѣкоторыя изъ нихъ не вздумалъ помѣстить, а другіе слишкомъ умалилъ. Помѣщеніе постороннихъ предметовъ еще не составило бы важной погрѣшности, кромѣ того, что безъ нужды увеличило книгу. Раздѣливъ свою Логикѣ онъ также очень правильно: ибо часть введенія отъ стр. 4. II. составляетъ часть его книги эмпирическую (наблюдательную), Чистая Логика — часть умственную, а Прикладная — какъ бы заключительную, содержащую въ себѣ сводъ обѣихъ первыхъ. Изъ сихъ трехъ частей и обработана почти каждая особеннымъ образомъ или въ своемъ собственномъ тонѣ, именно: отличнымъ — Введеніе съ первою главою Чистой Логики, другимъ — осмалъ-

ныя главы сей же часши, и совсѣмъ инымъ — Прикладная Логика. По сему раздѣленію первая часшь почши ни для кого не годится, вторая еще можешь быть нѣсколько полезна для учащихся, только при руководствѣ самаго хорошаго наставника, послѣдняя годится почши для всякаго. Опъ чего это происходишь или произошло, не мое дѣло судишь. Съ меня довольно, если я чиспосердечно открьлъ свое мнѣніе о новомъ семъ сочиненіи. А справедливо ли мое мнѣніе, опдаю на судъ всякаго испинно знающаго Науку нашу и безпристрашнаго человѣка. Надѣюсь, что не найдешь онъ никакой погрѣшности въ моемъ разборѣ, кромѣ снисходительности.

За симъ съ испиннымъ почшеніемъ остаюсь испинно всегда вамъ преданный

П. С.

2.

П и с ь м о к ь Б у л г а р и н у .

Извѣстный въ ученомъ свѣпъ Бальби, въ первой часши изданнаго имъ на Французскомъ языкѣ Этнографическаго Атласа, напечаталъ довольно подробное обзорніе нашей Словесности, сообщенное ему однимъ

Русскимъ. Г. Полевой въ 17 и 18 № Московскаго Телеграфа объявилъ своимъ читателямъ, что соотечественникъ нашъ взялся не за свое дѣло; что онъ не имѣетъ понятія ни о Теоріи Изящныхъ Искусствъ, ни о Кристикѣ, ни о Русской Литературѣ. При сличеніи рецензіи съ самою сташьею, во мнѣ родилось нѣсколько сомнѣній, которыя Г. Издатель М. Т. конечно не опкажется пояснить, обѣщавши не говорить безъ доказательствъ.

Не имѣя времени заняться сочиненіемъ длинной диссертациі, расположенной по *аналитическому* или *синтетическому* порядку, я намѣренъ изложить мои сомнѣнія въ родѣ писемъ къ вамъ, Милостивый Государь, прося васъ покорнѣйше помѣщать ихъ въ своемъ Журналь, если они покажутся вамъ не со всѣмъ достойными вниманія публики.

Начинаю съ *фактовъ*, а послѣ, можетъ быть, дойду и до *общихъ посылокъ*. Простите мнѣ маленькое неданшество: мнѣ бы хотѣлось затлазить симъ, хотя нѣсколько, въ глазахъ Г. Издателя М. Т. *недостатокъ послѣдовательности идей*, которую онъ, конечно, замѣтитъ въ моихъ письмахъ, ибо я въ выборѣ предметовъ буду слѣдовать болѣе прихоти, нежели какой-либо системѣ.

Сочинишель спашьи, напечатанной въ книгѣ Бальби, сказала: *Le premier qui essaya d'introduire dans les vers russes des rythmes imitant ceux des Grecs et des Latins, fut Trediakofsky.*“ (No 18. стр. 103.)

Рецензенипъ замѣчаетъ: „Опять ошибка. Тредьяковскій спарался ввести полько гекзаметры, а ямбами, *хореями* и амфибрахиями, первый началъ писать Ломоносовъ; Тредьяковскій послѣдовалъ за нимъ.“ (No 18. стр. 103.)

Первое извѣстное намъ стихотвореніе Ломоносова написано въ 1739 году. Тредьяковскій же еще въ 1735 году издалъ книжку подъ заглавіемъ: *Способъ къ изложенію Россійскихъ стиховъ.* Въ семь сочиненіи онъ предлагалъ уже ввести въ наши стихи полическое стопосложеніе, и представилъ нѣкоторыя примѣры стиховъ, писанныхъ *хореями.*

Въ разсужденіи: *О старомъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи Россійскомъ,* находящемся въ Іюнь 1755 года Академическихъ Ежемѣсячныхъ Сочиненій, Тредьяковскій весьма подробно рассказываетъ, какъ онъ дошелъ до сего открытія.

Я выписываю здѣсь сокращенно подлинныя слова его: „Присупая къ описанію новаго нашего стихосложенія, принужденъ объ-

явись, что я въ немъ *самое первое и главнѣйшее участіе имѣю*. По возвращеніи въ общество, въ 1730 года, началъ я себя производить, по молодости и Французскому духу, въ обществѣ спитками. Но по сочиненіи, на какую піесу ни посмопру, вижу, что она не состоишь стихами, выключая рѣму; но почно спранными иъ какими прозаическими спрочками. На послѣдокъ, выразумѣль сему бышіе ошь того, что въ нихъ не было никакого, по равнымъ разспояніямъ измѣреннаго, слоговъ количесва. Топчасъ началъ я на возвышеніе и пониженіе голоса въ складахъ Просодіею, ш. е. на тоническое слоговъ количесво. Пошомъ непосредшвенно и на споны. Взаяся я всѣхъ прежде за спону *хорей*. Къ хорейю меня привело свойство нашего языка, для того, что періоды наши чаще и мѣрнѣе оканчиваюхся хореемъ; да и рѣма наша женская ешь точный хорей: сверхъ того былъ у меня тогда въ рукахъ иъкошорый печашный примѣръ Иллирическихъ народовъ, составленный хорейческими пептрамешрами. И такъ шроакій сей поводъ привелъ меня къ тому, что я съ начала самаго, а именно въ 1735 году, предпочелъ спону хорей всѣмъ прочимъ.“
(сшр. 495 — 498.)

Не знаю, что скажешь, ученый Г. Издатель М, Т.; но мнѣ кажется, что откровенное сознание Тредьяковскаго, въ подражаніи печатному примѣру *Иллирическихъ народовъ*, ручается за справедливость словъ его. Не должно также упустишь изъ виду, что въ 1755 году, когда Разсужденіе Тредьяковскаго появилось въ Академическихъ Сочиненіяхъ, Ломоносовъ былъ Профессоромъ Академіи и Членомъ ея Канцеляріи, и что Тредьяковскій, если бѣ даже одаренъ былъ рѣшимельностію нѣкоторыхъ новѣйшихъ Кришниковъ, не осмѣлился бы, шакъ сказать, въ присущствіи Ломоносова, присвоивать себѣ честь, принадлежащую, по мнѣнію Г. Полеваго, сему и безъ того славному Писателю.

Если письмо сіе будетъ напечатано въ издаваемомъ вами Журналѣ, я постараюсь не замедлишь доставленіемъ послѣдующихъ.

Честъ имѣю бышь и пр.

М. И.

С.п.б.

30 Января 1828.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ахилла и Омиръ.

Въ морѣ пространномъ, Эвксинѣ, островъ пусшыннй,
 Именемъ славнй, прахомъ богашнй Ахилла;
 Тамъ среброногая мать, богиня Фетида,
 Скрыла въ нѣдро земли драгоценную урну:
 Горько ей было, безсмертнмъ подобнаго сына
 Кости оставишь въ полѣ чужомъ и враждебномъ;
 Съ помощью сестрѣ Неридѣ, въ брѣю неприступномъ
 Гробъ воздвигла; окрестъ его шумныя волны.

И жива душа вроя :

Призракъ, спрашнй для очей,

Цѣпи вѣчнаго покоя

Онъ слагаетъ въ пѣмъ почей;

На холмѣ могильномъ стоя,

Ищешь взоромъ вдоль зѣбей:

Гдѣ разваленная Троя

Спала логовомъ звѣрей?

Онъ горитъ желаньемъ боя,

Спрѣлъ, и копій, и мечей;

Но вельнйя Миноя

Непреложны для пѣней :

И лишь солнцу пуць устроя,

Блескъ заря прольетъ лучей,

Призракъ вновь, сменя и воя,

Исчезаетъ подъ землей.

Горе смутишело пепла священнаго;
 Кара жестокая ждетъ дерзновеннаго;
 Горе Пелидовъ прервавшему сонъ:
 Спрашенъ и въ гробъ разгнѣванный онъ.
 Власти божественной дивное знаменье,
 Воздухъ, и море, и древо, и каменье,
 Двигнуся жизнью, спануть на казнь:
 Горе пресупнику, миру боязнь!

На берегахъ, для спадъ обильныхъ,
 Гдѣ спруишся Оеримодонъ,
 Суть спаницы женщинъ сильныхъ,
 Брака презрѣвшихъ законъ.
 Нѣшь мужей, и нѣшь любви;
 Кражей дѣвъ опъ чуждой крови
 Ихъ плодятся племена;
 Ихъ забава — ловъ и бони,
 Ихъ парядъ — щипы и брони,
 Жизнь — набѣга и война.

Всадницъ сихъ пыла дружина;
 Жадность къ злашу и дарамъ
 Принесла хребтомъ Эвксина
 Ихъ къ Ахилловымъ брегамъ.
 Въ ослѣпленіи гордыни,
 Гробовой не чия священи,
 Поскакаль ихъ шумный строй;
 Скачуть, и коней копыта
 Топчуть холмъ, подъ коимъ скрываетъ
 Урна, въ коей скрываетъ ирой.

Но ты, божественный! дхнулъ гнѣвомъ изъ могилы,
 Вскричалъ на нихъ; и вдругъ

Ошъ сшраха кладная бровь пошекла въ ихъ жилы;
 Коней объялъ испугъ.

Сдержашъ нѣшь силы,
 Звѣрь каждый конь:
 Грызушь удилы,
 Изъ глазъ огонь,
 Дрожатъ всѣ члены,
 Клубами пѣны
 Залились ршы,
 Кольцемъ хвосты
 И дыбомъ гривы;
 Черезъ камни, рвы,
 Кусшы и нивы,
 Межъ ногъ главы
 Нагнувши долу,
 По произволу
 Несушся, мчатъ,
 Храпятъ и ржатъ;
 Имъ всадницъ брики
 Спрашны и дики;
 Въ глубь водъ морскихъ
 Съ крушаго берега
 Стремглавъ съ разбѣга
 Свергають ихъ;
 Плывуть съ женами;
 Доколь волнами
 Окружены,
 Борьбой безплодной
 Побѣждены,
 Пучиной водной
 Поглочены.

Со дня шого бругомъ просшерся спрахъ чрезмѣрной;

Со дня шого никшо уже не смѣль

Сшупишь ногою за предѣль,

Посшавленный сей казнью безпримѣрной:

И собшвенныхъ ловець бойшся спрѣль,

И дровосѣкъ своей сѣкиры вѣрной

И пѣсь и волкъ

Далеко прочь бѣгушь ошъ спрашныя гробницы;

И въ воздухъ надъ ней лешашъ не смѣющъ пшницы,

И жизни шумъ вокругъ замолъкъ.

Но юный пасшухъ, беззабошное чадо,

Единый (знашь боги сшасшливца храняшъ),

Чшо ушро, шо гонишь блѣющее сшудо;

И въ полдень, какъ овцы насышся спяшъ,

Ошъ ладишь цѣвницу, поешъ и играешъ.

Зашихнешъ и вѣшеръ и волны и лѣсъ;

Но пѣснь раздаешся, и все ей внимаешъ:

И глуби морскія, и выси небесъ.

Отшоль шы, юноша? кшо швой родишель?

Чьей груди, прекрасной, воздоенъ млекошъ?

Женою ль рожденный шы, неба ли жишель.

Въ подобіи смершнаго скрышый простомъ?

Иль Музы качали шебя въ колыбели,

Иль пѣсшуномъ Фива послали судьбы,

Чшо звуки шобой вдохновенной свирѣли

И лиры спройнѣе и громче шрубы?

Такъ пѣль Амфiонъ и супругъ Эвридики,

Какъ первый воздвигнулъ безъ зиждущихъ градъ

Какъ гласомъ другаго подземные лики

Сшушались, и жалосшь почувшвовалъ адъ.

И шы. пасшырь юный, пѣнишельнымъ пѣньемъ
 Проникнулъ въ глубокую шаршара иглу,
 И съ радостнымъ внемлещъ Ахиллъ умиленьемъ
 Себѣ и Пашроклу Омира хвалу.

О м и р ъ.

Чадо Пелея Царя, среброногой богини рожденье,
 Дія любимецъ, равный богамъ Ахиллъ быспроногий!
 Крошкѣй мнѣ слухъ преклоня, и моленій усердныхъ
 не презри:

Дщеря Зевеса молишвы, самъ онъ молеельцевъ вожа-
 пый;

Волей его я пришелъ, да къ тебѣ излію мою душу.
 Жершвѣля, Пелидъ, съ собой не принеся, ни даровъ
 драгоценныхъ:

Бѣдному нечего дашь, и сшадо пасу я чужое.

Родшихъ не знаю своихъ; но должно ль пещися о
 родѣ

Смершныхъ? жребіемъ сходны они съ листьями дуб-
 равы:

Въшрь ихъ на землю валишь, весною жь родящихся
 другіе.

Пасшыри въ дѣшствѣ меня нашли на брегѣ Мелиса;

Сжалась, домой унесли, и сложили чудесныя басни:

Яко бы пищу боговъ послали мнѣ голуби Дія,

Пчелы жь, роясь на усахъ, собирали съ нихъ медь
 свой янтарный.

Ихъ ли повѣря словамъ, или просто сжалась надъ
 сирымъ,

Вмѣсто сына меня вскормила жена Кривеида,

Мудрая дочь Меланона, пѣвца богинь иноземныхъ:

(Собшвенныхъ чадъ ласкашь не дала ей брачная Ира).

Съ юности паче всего любилъ я высокія пѣсни.

Въ праздники часто къ намъ ходили спарцы слѣпые;
 Жадно я слушалъ ихъ, вѣщія думы шревожили сердце.
 Пѣли они паденье богами осшавленной Трои;
 Тевкровъ сильный оппоръ, и побѣды бранныхъ Да-
 наевъ;

Брашьевъ Апридовъ Царей, и мудраго Неспора
 спарца;

Сына Тидеева съ многоспрадальцемъ, любимцевъ
 Паллады;

Раши надежную сшѣну, швердаго въ| бишвахъ Аякса;
 Болѣ всѣхъ шебя, Ахиллъ, и друзей швоихъ вѣрныхъ;
 Васъ, о младый Аншилохъ, о фениксъ годами со-
 гбенный,

О драгоцѣннѣйшій другъ, Сарпедона въ бою побѣди-
 шель!

Жадно я слушалъ ихъ; новая дума родилась въ сердце:
 Подвигъ славный восшѣшь, и глѣвъ швой, многихъ
 погибель.

Тѣсно мнѣ спало дома; я, просшась съ Крнеидой
 Плачущей (долгую машь разлуку предвидѣла), пѣшій
 Берегомъ моря пошелъ искашь знаменишья Трон.
 Жиселей нѣшь; враша, чершогои, сшѣны, и башни,
 Все шравой поросло; окопы же спана Ахеянъ
 Влажнымъ пескомъ замешалъ Посидонъ; и въ образъ
 прежнемъ

Только ошались Ксаневъ и Симошь, бышпрые шокп;
 Иду жъ. кормилшцу дикихъ звѣрей, досель пошщаешъ
 Зевсъ громовержець, и молншей часто блещешъ съ
 Гаргара,

Спадникъ встрѣшился мнѣ, бабъ я пришлецъ ино-
 земный;

Мы помѣнялися: съ космами шонкой шерспи хламиду,
 Машери даръ, вручивъ, шельца неоравшго шивы

Чернаго, также двухъ черныхъ оводовъ я добылъ ро-
гашыхъ,

Въ жершву принесшь шебѣ, Ахиллѣ, и друзьямъ шво-
имъ вѣрнымъ,

Вмѣстѣ (я иницъ) зарышимъ въ землѣ подь холмомъ
высокимъ.

Тризну свершилъ, сперва млекомъ возливая и медомъ,
Радостнымъ послѣ виномъ, наконецъ и чистой водою;
Жершвы попомъ закладъ предъ началомъ священ-
ныхъ ночи,

Сжегъ ихъ до шла; а боги пославъ парня на
землю,

Легъ, и вскорѣ Эрмій закрылъ усалыя вѣжды
Соннымъ жезломъ. И се душа ироя Пашрокла,

Спавъ надъ главою моею, мнѣ ласково молвила слово:

„Юноша, смѣлый юноша! нѣжно любимъ ты богами;

„Кто бы безъ помощи ихъ посмѣлъ нарушишь спо-
койство

„Орбовыхъ шихихъ полей? но ты желаешь просла-
вишь

„Мужа великаго, друга сладчайшаго, честь Мирми-
донянь:

„О, помоги, шебѣ Фивѣ, и пѣвицы безсмертныя,
Музы!

„Здѣсь не узришь его; дражайшія кости Ахилла

„Нѣжная мать опъ всѣхъ сокрыла въ землю иную,

„Дальную: смертнымъ вѣсти о ней молва не доно-
ситъ;

„Боги же знаютъ все. Внемли, и слова мои помни:

„Оспровъ ешь Дяль: онъ древле плавалъ въ вол-
нахъ Посидона;

„Послѣ спалъ, когда гонимая Ирою Лиша

„Въ немъ родила божественныхъ чадъ, близнецовъ
спрьломешныхъ.

„Тамъ провидецъ судебъ, Аполлонъ, приемишь мо-
лишвы,

„Тайны будущихъ дней въщаешь, и учишь успѣху;

„Тамъ лишь узнаешь о шомъ, что духъ твой пре-
вожишь желаньемъ,

„Буде нѣтъ страха въ тебѣ, и спершишь возрѣнье
Ахилла.“

Тѣнь слася съ оружною тѣмой, и я пробудился.

Блѣдныя звѣзды гасли уже въ разсвѣщающемъ небѣ.

Всшавъ, и молишву изливъ къ ирою, Менесія сыну,
Берегомъ въ пушь я пошелъ, и достигнулъ въ ближ-
нюю пристань.

Тамъ былъ гошовый къ ошпышью корабль купцевъ
Финикійскихъ:

Моремъ съ края въ край суда ихъ мчашся, бабъ
пшицы.

Вдаль собирались они, въ Гесперию; съ ними условясь,

Поплылъ и я, весломъ разсѣбая соленую влагу;

Въ Дилъ, на обратномъ пуши, меня завезшь обеща-
лись.

Боже! сколько предъ шѣмъ мы видѣли странъ и на-
родовъ,

Сколько рѣкъ, и морей и пусшынъ, и градовъ много-
людныхъ!

Менъ блуждалъ Одиссей, домогаясь родимой Иеаки.

Въ Кипръ былъ я, въ Кришъ, въ Египшъ врачами
обильномъ,

Въ знойной землѣ Эѳіопъ, въ предѣлахъ Ливійскихъ,
гдѣ овцы

Трижды агнашся въ годъ, и Ашлантъ исполнинскою
слою

Держишь небо вверхъ ошь земли на столпахъ пре-
высокихъ.

Долго скишались мы, шо войной занимаюсь, шо бу-
плей;

Мирныхъ встрѣчали людей, и варваровъ злыхъ, лю-
доѣдовъ.

Новую вывело солнце весну, когда мы вершины
Кинеа узрѣли, и дръвь красоту, безсмертную пальму.
Спѣшно во храмъ я пошелъ, окруженный лавровою
рощей;

Въ дымъ куреній и жершвъ молилъ сребролучнаго
бога,

Яко во снѣ повелѣлъ мнѣ другъ швой, Папрокъ бла-
городный.

Молча, слушалъ жрецъ, кивая главоу убѣленной.

„Чадо,“ внослѣдокъ сказалъ: „чего шы просишь ошь
Фива?

„Пагубы: славы боговъ не сносишь смершно око.

„Дерзкій ловець Агшеонъ въ купальнѣ узрѣлъ Ар-
шемиду:

„Робкимъ еленемъ его на мѣстѣ псы расшерзали;

„Зевса любовь не спасла сожженной громомъ Семелы;

„Мудрый Тирезій ослѣпъ за невольный взглядъ на
богиню:

„Что же будешь съ шобоу, несчастный?“ Онъ рекъ,
и внезапно

Знаменье дивное старца угрозы мнѣ подшвердило.

Яшребъ, Фиву любезная пшница, подъ кровлею храма
Свилъ гнѣздо; одинъ изъ пшенцовъ уже оперенныхъ
Вылещлвъ, свѣшомъ прельсшась въ небесахъ горя-
щаго солнца:

(Знойно въ полдень оно сверкало лучами злшными);

Смѣло въ него смошря, и брыльа раскинувъ широко,

Взвился пернатый; но силы ослабли, блескъ нестер-
пимый

Взоръ помушилъ; едва онъ дышущій, на землю кам-
немъ

Паль. „Внемли!“ пушъ молвилъ жрецъ, исполняя
духа:

„Въ знаменъ семь швой жребій явилъ Аполлонъ:
шы Ахилла

„Узришь, съвозъ спрахи и бѣдшва цѣли желанной
достигнешь;

„Послѣ жь... зри полумершвую пшицу: шяжкой
цѣною

„Плашашъ Фива любимцы за даръ вдохновеній не-
бесныхъ.“

Въ думъ безмолвной пошелъ я ко берегу; корабль
свой Тиране

Въ пушъ снарядили уже, и въшеръ манилъ ихъ по-
пушный;

Весело опшляли; гибель межъ шѣмъ Посидонъ имъ
готовилъ,

Жершвой забышый опъ ихъ. Едва мы минули Ки-
клады,

Яросшный Зефиръ возшаль, и дую въ корму непре-
спанно,

Несь по зыбямъ; какъ горы вздымались волны съдыя;
Ночь налегла на пучину, и клубами быспрыя шучи,
Сѣя часшымъ дождемъ, песлися силою вихря.

Кормчій опчаянный свѣша не взвидѣлъ; суетшно взо-
ромъ

Въ небѣ искалъ онъ Плеядъ, и ложащася поздно
Воопа,

Горней медвѣдицы, въкъ обращенной лицемъ къ
Оріону,

Въ нѣдро жь лазурныхъ морей одной никогда неза-
кашной.

Послѣ шрехъ дней воздвигся ошъ юга и Ношь окри-
ленный,

Судно помчалъ въ Геллеспоншь: мы думали шупь и
погибнуть.

Смершью съ обонхъ береговъ грозили скалы; мы сре-
диной

Правили въ узкомъ проливѣ, и богъ помогаль намъ
враждебный;

Такъ и Восфоръ прешли мы; въ морь жь широкомъ,
Эвксинь,

Въпры всѣ, смѣсившись, на насъ пустились ошвсюду.

Щеглу въ щепы разбивъ, корабль безъ веслъ и кор-
мила

Бросили на мель; преснулъ бокъ, и въ широкія щели
Съ шумомъ вода полилась: шупь бросился каждый
спасашься.

Доску успѣлъ я схвашишь, и берегъ завидя далекий,
Силится плышь, доколѣ память и руки служили.

Вспомнился я, предъ огнемъ, у здѣшнихъ рыбарей
въ кущѣ:

Ими спасенъ я одинъ, шоварищи всѣ пошонули.

Только успѣлъ я собрашья съ силами, проданъ въ
неволю;

Мудрый Меншисъ, шарецъ богатый, мой нынѣ
владѣлецъ,

Сшадю мнѣ ввѣрилъ пасши. Съ какимъ я воспоргомъ
душевнымъ

Свѣдалъ, чшо здѣсь наконецъ нашель я гробницу
Пелида!

Тщешно шращали меня погибелью женъ Амазонокъ.

Сердцемъ чистый, опшвергнулъ я спрахъ; и нынѣ
десный

День, какъ хожу сюда, и шебъ усердно молюся:
Сжался, божешвенный! вспомни: оспавиль я домъ
и опчизну

Ради шебя; лишился всѣхъ благъ; и даже свободы;
Вящаго зла ожидаю, и смѣло всему подвергаюсь:
Что мнѣ шерашъ? все опшдамъ: ни очей не жалю,
ни жизни,

Лишь бы взглянуть на шебя, и сердца желанье на-
сыщивъ,

Молвишь: я видѣлъ его, я видѣлъ ироя Ахилла.

Такъ пѣлъ младый Омиръ; окрешная шрана
Внимала, шихаго безмолвья полна;

Валы безшумные, умаливъ силу бѣга,

Ложились на песокъ, не доплывая брега;

Изъ вѣшровъ ни одинъ не колебалъ шравы;

Склонивъ опъ зноя въ шѣнь недвижную главы,

Спада спокойныя на паштвѣ опдыхали;

Лисшы по вѣшвиямъ опъ говора прешали;

И солнце въ высоту, свѣшь дивный лѣя кругомъ,

Кашилось медленно на небѣ голубомъ.

Вдругъ опшровъ задрожалъ; раздался гулъ подземный;

Надъ холмомъ гробовымъ прешерся облакъ шемный;

Опъ моря, съ пѣною, ревушие валы,

Грядую двинувшись, ударились въ скалы;

Вѣшрь буйный заходилъ по густошъ древесной;

И спадо, силою гонимое чудешной,

Вскочивъ, во всѣ шраны разсыпалось шремглавъ;

Завѣсой мрачною лице свое засшавъ,

День царство уступилъ беззвѣздной, шпашной нѣчи.

На холмъ недвижныя Омиръ ушпавивъ очи,

Стояль и ждалъ: и холмъ скрывающая игла
 Мгновенно на землю, стусившись, легла;
 Громъ частый загремѣлъ, ударъ во слѣдъ удара;
 И яркій свѣтъ лѣя, какъ зарево пожара,
 Во всеоружіи предсталъ прой Пелидъ.
 Ужасень былъ его разженный гнѣвомъ видъ:
 Въ десницѣ копіе, ошъ ясней Пеліона,
 Свѣщенное рукой наставника Хирона;
 Щипъ въ шуицѣ, шрудовъ Ифесовыхъ вѣнецъ,
 На коемъ мѣдъ, серебро, и злашо, и свинецъ,
 Искусствомъ божескимъ чрезъ огнь совокупились,
 И въ дивны образы сложась, одушевились;
 Поножья — олово, мѣдъ свѣшлая — броня;
 Мечъ шяжкѣй при бедрѣ, и гривую коня
 Шлемъ помагающій, и гребень превысокой.
 Эгидой озаренъ Аейны свѣшлоокой,
 Онъ разливалъ лучи, какіе въ шемношѣ
 Горяшъ призывные на башенъ высотѣ
 Во градъ бѣдешвенномъ, осадю спѣсенномъ,
 Незрящемъ помощи, и къ смерти осужденномъ:
 Таковъ сверкалъ Ахиллъ; и блескъ его лица
 Едва успѣлъ узрѣшь взоръ юнаго пѣвца,
 Сбылось чшо Фивъ предрекъ, и мракомъ вѣчной ночи
 Закрылись видныя, прекраснѣйшія очи.

Э п и л о г ъ.

Не съшуй объ ушрашѣ ихъ,
 Пѣвецъ великій, славный въ мірѣ,
 Учшель, Царь пѣвцовъ другихъ!
 Твоей они внимая лирѣ,
 Ощущаяшъ силу божесшва;
 И всю вселенную молва
 Наполнишъ слухомъ объ Омирѣ.

Страдалъ ты нѣсколько годовъ,
 Слѣпецъ безъ дома и опчизны;
 Но ты умрешь, и семь градовъ,
 Страшась попомства укорины
 За небреженіе къ пѣвцамъ,
 Заспоряшь межъ собой о правѣ
 Тебя причесшь къ своимъ сынамъ;
 Какъ божесшву, въ свяшой дубравѣ
 Ошь мрамора воздвигнушь храмъ;
 И ты, безсмертнымъ равный въ славу,
 Въ нѣмъ примешь честь и вѣнчаніе.
 Жрецы же — внуки Омириды,
 Въ нихъ будешь кровь швоя жива;
 И какъ оракулы Фемиды,
 Твои священныя слова
 Разсудяшь распри и обиды.
 Твой лавръ въ Эладѣ разцвѣтешъ:
 Мудрѣйшій шамъ законодатель
 Твои сокровища сберешъ;
 И Асіи завоевашель
 Ихъ злашу Кира предпочтешъ;
 И равный мужесшвомъ Ахиллу,
 Въ своемъ поржесшвенномъ вѣнцѣ,
 Взирая на его могилу,
 Вздохнешъ, завидуя въ пѣвцѣ.
 И ни зависшлывые годы,
 Ни ошдаленныя края
 Не повредяшь, чшобъ въ родѣ и роды
 Хвала промчалася швоя.
 Возникнушь новые народы,
 И свѣша хладныя концы
 Твое услышатъ пѣснопѣнье;
 Гиперборейскихъ спранъ пѣвцы

Попщатся плеснь тебѣ вѣнды:
 Къ нимъ свыше снидешъ вдохновенье,
 Пльняшя славою швоей,
 И воспуюшъ швое рожденье
 И слѣпошу швоихъ очей.

Катенникъ.

VI.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Два года въ Константинополѣ и Моревѣ (1825
 и 1826), или Историческія замѣтки о Сул-
 танѣ Махмутѣ, Янычарахъ, новыхъ Турец-
 кихъ войскахъ, Ибрагимѣ Пашѣ, Солиманѣ
 Бевъ и пр.; сочин. С. Д. (*).

(*Отрывки.*)

Г. С... Д... ошплылъ на Королевско-
 Французскомъ фрегатѣ Галашевъ. Въ первый
 разъ увидѣлъ онъ жершвы свирѣпства Му-
 сультмановъ на Греческомъ ошровѣ Мило.
 „Сіе ужасное зрѣлище,“ говоритъ онъ: „очень

(*) Deux années à Constantinople et en Morée
 (1825, 1826), ou Esquisses historiques sur Mahmoud,
 les Janissaires, les nouvelles troupes, Ibragim-Pacha,
 Solyman-Bey, etc.; par Mr. C... D., élève interprète
 du Roi à Constantinople. Paris, 1827. Сочинение сіе
 напечатано на большой веленовой бумагѣ въ 8 д. л.

часто являлось глазамъ моимъ, какъ увидяшь въ послѣдствіи. Греки, о которыхъ я здѣсь говорю, не были уроженцы острова: они ушли изъ Кандіи, бывъ выгнаны войсками Капишана-Паши, которыхъ сдѣлали шамъ высадку, чшобы разграбишь селенія и перевязашъ жипелей. Пещеры острова Мило были завалены женщинами, дѣшми и спарцами; всѣ они валялись на голой землѣ, шомные, полу-нагіе, и испускали вопли опчаянія. Блѣдныя, искаженныя лица нѣкоторыхъ изъ нихъ, мушныя глаза, запекшіяся уста и крайняя худоба всего шѣла, все показывало, что скоро ихъ не спанешъ: многіе даже пали подѣ шяжесшію своихъ бѣдствій; но слабосшь, безчувственносшь и недвижимосшь большей часши шѣхъ, кои оспались въ живыхъ, полагали споль малое между ними различіе, что шрудно было опличить шрупы меривцевоѣ опъ шѣль, еще дышавшихъ. Я не могъ выдержашъ сего ужаснаго зрѣлища и удалился съ шакимъ сильнымъ чувствомъ горесши, какого дошодѣ я никогда еще не извѣдывалъ.“

съ 16 картинками Восшочныхъ костюмовъ, прекрасно липографированныхъ и раскрашенныхъ Коленемъ, воспишанникомъ Жироде.

Такъ какъ и всѣ его предшественники, молодой нашъ спрансповашель былъ пораженъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ столицы Опшоманской, со стороны моря. Корабль, на кошоромъ онъ прибылъ, бросилъ якорь на разсвѣтѣ дня. *Муеззынъ* (крикунъ на мечеша) призывалъ уже съ галлерей своего минареша мнимо-правовѣрныхъ къ упренней молишвѣ. Несчетное скопище домовъ, кіоскъ, блиспающихъ разноцвѣтными красками, садовъ, кладбищъ, осѣненныхъ всегда зеленѣющими кипарисами, воздушныхъ минарешовъ, высящихся надъ мечешами, и насупрошивъ огромнаго города, Скушари и зеленые берега Азіи, великолѣпная гавань, загроможденная лѣсомъ мачшъ, множешво касокъ, скользящихъ по водамъ залива, наконецъ одежды Мусульмановъ, столь хорошо ошвѣчающія восточной спранности мѣшъ, — это совокупленіе различныхъ предмешовъ, конечно, являешъ очамъ новоприбывшаго величешвенную каршину. „Но сіе чародѣйшво наружнаго взгляда на Констаншинополь исчезаешъ и мигомъ разсѣваешся изъ воображенія, какъ скоро всшупишь во внушренность города. Прошвиоположностъ даже столь явна, что какая-шо меланхолія овладѣваешъ душею и шомишь ее, когда, проходя впервые по сему городу, видишь въ немъ узкія, гряз-

ныя, кривыя и худо вымощенныя улицы; деревянные или кирпичные дома неправильной постройки, некрасивые и непрочные. Движеніе народа, споль живое и разнообразное въ нашихъ большихъ городахъ, имѣешь здѣсь что-то поминшальное и однообразное, шакъ, что воображенію спановишся грустно. Физіономія Турковъ вообще важна и забоплива; смѣхъ какъ будто бы имъ незнакомъ; они воздерживаюшся опъ всякихъ выраженій, обличающихъ мысль: въ нихъ узнаешь людей, привычныхъ къ деспотизму.... Наши Европейскіе Посланники ведутъ въ Конштаншинополѣ жизнь самую пріятную; они даюшъ пиры, балы, на кошорыхъ собираешся опъ 200 до 300 челоувкъ. Дипломатическія удовольствія имѣюшъ шѣмъ большую прелесшъ, что ими наслаждаюшся на землѣ чуждой, далеко опъ шѣхъ спранъ, коихъ обычаи они напоминаюшъ. Никогда я не видываль, чтообы гдѣ-либо веселились съ шакою охопю. Веселосшъ сія распроспраиешся даже на виѣшносшъ; и по признанію Турокъ, Пера ешъ самая блестящая и самая живая часшъ Царяграда. Пропшвоположносшъ господшвующей шамъ радосни съ обычною скукою другихъ Мусульманскихъ часшей города, сполько поразшшельна, что служишъ какъ бы пограничною чершою

двухъ разныхъ Государствъ: кажешся, здѣсь люди дышашъ чистѣйшимъ воздухомъ, нежели въ другихъ мѣстахъ города. Излишне было бы сказывашъ, что никогда, ни одинъ Турокъ не показываешся въ обществѣхъ Франковъ. Свободная атмосфера для нихъ ядовища, и шамъ, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, мы въ ихъ глазахъ *Христіанскія собаки.*“

Нѣкоторыя отдѣльныя черты, взятыя изъ сочиненія Г. С. Д., познакомятъ читателя съ образомъ мыслей его о Туркахъ, „Сначала, судя по многочисленнымъ исключеніямъ, говоришь онъ, иногда подумаешь, что народъ сей былъ оклеванъ многими Писателями. Мусульманы, должно сказать правду, имѣютъ нѣкоторыя нравственныя качества: и у нихъ, какъ и у другихъ людей, можно найти черты величія души; но скоро вы принуждены будете признаться, что если, по предубѣжденію, судили ихъ опрометчиво и строго, то предубѣжденіе сіе упадаешъ только на весьма немногихъ. Турокъ жестокосердъ по склонности, изувѣръ и суевѣръ по невѣжеству, высокомеренъ даже до грубости. Онъ предаешся развращенію съ изсупленіемъ ума, безпечности и лѣни съ наслажденіемъ. Звѣрство Опшомановъ видѣлъ я своими глазами изъ мно-

гихъ свирѣныхъ поступковъ; но боѣе всего является оно въ подномъ своемъ свѣтѣ и со всею своею гнусностію во всенародныхъ казняхъ, кошорія очень часты и всегда сопровождаются ужасомъ. Правда, что у всѣхъ народовъ, чернь показывается огорчительное любопытство къ публичнымъ казнямъ; но, по крайней мѣрѣ, чувствительность не теряется при томъ своихъ правъ, и неоднократно палачи видѣли проливаемыя слезы. Въ Турціи, приговоренія къ казни, кажутся преддверіемъ празднества. Часто обреченный на смерть несчастливецъ встрѣчается оскорбительнымъ воемъ; вопли, исторгаемые у него несслыханными муками, обращающія ему въ посмѣяніе; я не знаю, какой-то адскій, единодушный смѣхъ возбуждаетъ, что жертва терпитъ еще одну лишнюю муку. Я былъ однажды очевидцемъ звѣрской казни — сажанія на колы. Пробиный насквозь оспрѣкоченнымъ желѣзнымъ верешеномъ, вышедшимъ сквозь лѣвый бокъ, спрадалецъ оглашалъ народную площадь ужасными своими спонами; онъ съ громкимъ крикомъ заклиналъ всѣхъ Богомъ и Магомешомъ, чтобы дали ему пишь (*), но без-

(*) Кажется, всякій напитокъ причиняетъ мгновенную смерть челоуѣку, находящемуся въ семъ плачевномъ состояніи.

чувствительные къ сему зрѣлишу палачи, съ звѣрскими лицами смошрѣли на свою жертву и насмѣхались надъ ея бѣдствіемъ; тогда какъ любопытные шунедцы, спѣсаясь шолцою вокругъ, не шолько не чувствовали ни малѣйшей жалосши, но еще кажешся, наслаждались шпраданіемъ несчастнаго... Мнѣ случилось видѣть и еще одно зрѣлище, не шолько ужасное, но шакже доказывающее свирѣпость Мусульмановъ. Одинъ купецъ обвѣшивалъ своихъ пошупчиковъ. Безъ всякаго суда, Полицейскій чиновникъ схватилъ его, велѣлъ намазашъ ему голову медомъ, чшобы приманишь мухъ и другихъ насѣкомыхъ, и шѣмъ удвоилъ его шпраданія; пошомъ велѣлъ прибишь ему гвоздемъ ухо къ дверямъ его лавки. Полицейскій ушелъ, ошавя бѣдняка въ эшомъ положеніи. Я могъ бы привести весьма многіе примѣры сего же рода; но воображеніе мое возмущаетъ при одномъ воспоминаніи обо всѣхъ сихъ ужасахъ, и перо мое ошказываетъ ихъ описывать..“

Всѣ знаюшь обычай Турецкихъ Полководцевъ, посылашь къ Султану, въ знакъ побѣды, головы и нанизанныя на бичевкахъ уши непріятелей, чшо все вышавляешся у ворошь Серала. По возшаніи Грековъ, зрѣлище сіе было безсмѣнно, и каждый день шакіе шрофеи привѣшивались къ ворошамъ

дворца Султанскаго. Народъ ушѣшался тѣмъ, что считалъ ихъ, и радость его всегда соотвѣтствовала числу жалкой сей добычи. Когда Ибрагимъ - Паша взялъ Миссолонги, то заставилъ нѣсколько пѣвниковъ солишь уши ихъ единосемцевъ, кошорья должно было послать къ Султану. Четыре бочки были ими наполнены; но Ибрагимъ, думая, что число ихъ еще недовольно значительное, чтобы дать Махмуду высокое понятіе о его побѣдѣ, велѣлъ опрѣзать уши у Турокъ, убишыхъ подъ спѣнами крѣпости, и отдавалъ ихъ, чтобы и эти посолишь съ другими. Пѣвныне, желая вывести наружу сей обманъ, написали на многихъ доскушкахъ бумаги сіи слова: *по длинѣ сихъ ушей увидать, что они не Греческія*. Сіи записки были прочтены Турецкими таможенными Присавами въ Константинополѣ.“

Климашъ конечно имѣеть большое вліяніе на нравы, и сей-то причинѣ должно приписать врожденную склонность Турецкаго народа къ нѣгѣ и къ чувственнѣмъ удовольствіямъ.

Описавъ большими чертами пороки и недосшатки Турокъ, Сочинитель ошдаеть справедливостъ добрымъ ихъ качествамъ. Одна изъ первыхъ ихъ добродѣтелей — честностъ. Воры и плузы рѣдко водятся въ

Турціи: можно позабышь часы или деньги въ кофейномъ или другомъ общенародномъ сборищѣ, и не поперяшь ихъ; если воротишься шуда на другой день, или даже чрезъ нѣсколько дней, шо эти вещи будутъ ошданы весьма исправно. Одинъ Франкъ встрѣшился ночью въ какой-шо опдаленной улицѣ съ Турецкими солдашами, ходившими дозоромъ. „Ты знаешь, сказалъ ему начальникъ дозора, чшо никакой Франкъ не долженъ ходишь ночью безъ фонаря, шы нарушилъ это постановление, я тебя задержу и тебя посадишь въ шюрму.“ Франкъ хотѣлъ опвѣчать, но Турокъ сказалъ ему: „опдай мнѣ свой кошелекъ и я тебя оппущу.“ Европеець лучше согласился расплатишься сопнею піаспровъ, нежели шюрмою, опдалъ деньги Турку и пошелъ своею дорогой. Но каково было его удивленіе, когда, спуся шесшь мѣсяцевъ, шопъ же Турокъ, встрѣшясь съ нимъ на улицѣ и ударивъ его по плечу, сказалъ: „Другъ! помнишь ли шы меня и шо піаспровъ, кошорые шогда я у тебя опнялъ? Посшупокъ мой былъ очень дурень, но въ это время на меня было невзгодье. Теперь мои дѣла поправились.“ Тушъ, вынувъ кошелекъ со спа піаспрами, онъ подаль его Франку, прибавивъ: „вошь швои шо піаспровъ; я давно уже тебя

ищу, чтобы возвратились тебѣ эти деньги.“
 И они разсѣлись какъ добрые пріятели.
 Турки вообще гостепріимны и благошворительны. Трудно было бы согласишь сіи добродѣтели съ ихъ жестокостью, если бы онѣ не были имъ именно заповѣданы Кораномъ. Со всѣмъ тѣмъ, должно сказать правду, что Турки съ такою же и можешь бышь съ большею ревностію дѣлая добро, не сполько тѣмъ щеславляшяся, какъ наши раздавали милосшыни *отъ благотворительныхъ обществъ*. Они помогаютъ людямъ, находящимся въ бѣдности, съ такимъ просодушіемъ и доброшою, что, кажется, они дѣлають это болѣе по склонности, нежели по обязанности.

(*Продолженіе впрѣдъ.*)

V.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

2. *Biographie universelle classique*. Классическая Всеобщая Біографія, въ одной части въ 8 д. л. швореніе совершенно

новое, содержащее въ себѣ по азбучному порядку сокращенную Исторію знаменитыхъ людей всѣхъ странъ и временъ, списки, посвященные Всеобщей Исторіи народовъ и проч. сочин. Генерала Бове и Общества Липерашоровъ; просмолрѣнное по часци Библиографіи, Лудовикомъ Барбье, старшимъ сыномъ, служащимъ въ Особенныхъ Библиотекахъ Короля. 6 шепрадь (livraison) ошь Нонн до Logg. Парижъ, 1827. К. Госселена.

Несомнѣнная полезность сего шворенія досшавила уже ему похвалы единогласныя. Здѣсь будемъ мы говорить шолько о послѣдней вышедшей въ свѣшь шепради. Послѣднимъ признашь всю шрудность предпріятія: представивъ въ шоль шѣсныхъ границахъ множество новыхъ списей, которыми обогащена сія часшь классической Всеобщей Біографіи. Таковы жизнеописанія слѣдующихъ лицъ, которыхъ имена должны занимать важное мѣсто въ галлерей знаменитыхъ людей всѣхъ вѣковъ: *К. Жордана, Лакретелля* старшаго, *Ламбрехтса*, Князя *Лебрюня*, соч. Лаллеманомъ сыномъ; Русскаго Историка *Карамзина* соч. Г. А. де Бюше (*);

(*) Г. Бюше (сынъ Королевско Французскаго Консула въ Мальшѣ, бывшаго нѣсколько лѣтъ Библио-

врача *Дженнера*, соч. Др. Пишо; бывшего Мексиканскаго Императора *Итурбиде*, Короля Португальскаго *Юанна VI*; Г-жи *Крюденеръ*; Публициста *Журдана*; Графа *Ласпеда*; Ориенталиста *Ланглеса*; Графа *Ланжюине*; Маркиза *де Лапласа*; Живописца *Лебарбье*; *Лемонтея*; Лишайщика *Лелю*, *Мюрата* и проч. соч. Г. Р. де Шампоберта.

Впрочемъ шухъ исчислена еще малая шолько часть любопытныхъ спашей, заключающихся въ сей шестой шешради, и въ числѣ шѣхъ, кошорья, по ихъ важности изложены подробнѣе, ошличающся между прочими слѣдующія: Г. Амара: *Гомеръ*, *Ювеналь*; Генераль Бове: *Клеберъ*, *Костюшко*, *Леклеръ* (Генераль); Г. Булле: *Кантъ*, *Лейбницъ*, *Локкъ*; Г. Шампоберта: бывшая Императрица *Жозефина*, Графъ *Лалли*, Княгиня *де Ламбалль*, *Нинонь де Ланкло*, и многія спашьи, ошносящіяся до Всеобщей Ишторіи и проч., каковы суть: *Іерусалимъ*, *Лейпцигъ*, *Лепантъ*, *Лига*, *Ломбардія*, *Лоторингія*; Г. В. Шарлье: *Гора-*

шескаремъ при Императорской Публичной Библиошешѣ), воспитывался въ С. Пешербургѣ, и шеперь служить при Французскомъ Минишперствѣ Иноштранныхъ Дѣлъ. *Изд.*

цій, Юліанъ, Юстиніанъ; Г. Клера; Ла-моаньонъ, Лопиталь, и проч.; Г. де Кахонна: снатьвѣ *Италія*; Г. Дювике: *Лагарпъ, Лекенъ*; Г. Лашапелля: *Лафонтенъ*; Г. Б. Мориса: *Кепплеръ, Лагранжъ, Лагуазье* и проч.; Г. Паризо; *Лангле, Дюфреноа, Лесажъ, Линней* и проч.

Ясно, что самая снатьвѣ *Классической Всеобщей Біографіи* есть одно изъ причинъ ея успѣха, и поному Сочинили оной, не ищущіе здѣсь лишературной славы, снатьвѣ всѣми силами сократишь трудъ свой. Планъ ихъ распространился по мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ, но эшо неизбежно. Ежели они по прежнему не снатьвѣ опускашь ничего важнаго, будушь снатьвѣ сохраняшь крапкось въ предметахъ, входящихъ въ составъ сей книги, и щщательный выборъ въ подробностяхъ, шо не шолько не возбуждашь возраженій со стороны многочисленныхъ своихъ подписчиковъ, но приобрьшущъ новое право на ихъ уваженіе.

3. *L'homme. Essai géologique sur le genre humain. Зоологическій опытъ о человеческомъ родѣ.* Изданіе второе, съ картою, показывающею распредленіе различныхъ породъ челоука по Земному

пару; сочин. Г. Бори де Сень-Венса.а.

Парижъ, 1827; у Рея и Гравье, въ 16 д. л.

Общество Естественныхъ наукъ уже нѣсколько лѣтъ издаешь съ успѣхомъ *Классическій Словарь Естественной Исторіи*, подъ главнымъ надзоромъ Г. Бори де Сень-Венса, котораго неутомимые труды такъ много способствовали усовершенствованію Естественныхъ Наукъ, составлявшихъ во всю жизнь главный предметъ его занятій. Онъ довольствуется общимъ присмотромъ, но и самъ сообщилъ весьма много важныхъ справокъ и между прочимъ трудности справки: *Человѣкъ*, его не остановили, и онъ ошлично исполнилъ свое дѣло.

Сочиненіе, о которомъ мы говоримъ, заключаешь въ себѣ справку *человѣкъ* и множество *примѣчаній*, объясняющихъ и доказывающихъ шѣ изъ положеній Автора, кои онъ почелъ нужнымъ развить, дабы оправдать систему, имъ принятую и даже нѣкоторымъ образомъ созданную. Хотя Г. де Сень-Венсанъ въ ученыхъ мнѣніяхъ своихъ не всегда согласенъ съ Г. Кювье, но не смотря на то, онъ посвятилъ свое сочиненіе сему знаменитому мужу. Это приноситъ честь обоимъ: пора ученымъ догадаться, что они для собственной своей пользы должны оказывать другъ другу надлежащее

уваженіе, а не должны заводитьъ мелочныхъ и часто жаркихъ ссоръ, по причинъ мало-важной разности въ ихъ мнѣніяхъ.

Г. Бори де Сень-Венсаъ спарается доказать, что въ родѣ *человѣкъ* есть нѣсколько *породъ*, и весьма хорошо характеризуетъ каждую породу не только по формамъ, но и по обычаямъ и нравственнымъ качествамъ. Всякій почувствуетъ, что это система искуснаго Естественнаго языка, но что она должна быть подкреплена большимъ числомъ историческихъ изысканій, нежели сколько могъ произвести Авторъ, и глубокимъ изученіемъ языковъ. Но система сія, и въ томъ состояніи, въ которомъ находишься она у Г. Бори де Сень-Венсаа, достойна того, чтобы ею занимался всякій, кто хочетъ познакомиться съ сею возвышенною частію нашихъ познаній.

Окончивъ описанія пятнадцати породъ, на которыя онъ почелъ нужнымъ раздѣлить родъ *человѣческой*, Г. де С. В. говоритъ объ уродахъ, каковы суть Крешины и Албиносъ. Пошомъ спарается онъ узнать первоначальное мѣстопребываніе каждой изъ сихъ породъ: здѣсь-то нужно ему глубокое изученіе Исторіи; но жизнь *человѣческая* слишкомъ коротка для того, чтобы можно

было приобрести всё познания, могущія раз-
лишь надлежащій свѣтъ на эпоху пред-
мешъ. Посему Г. Бори посвящаетъ цѣлую
главу доказательствамъ, какъ важны для
Естественной Исторіи изысканія филоло-
гическія и спатиспическія. Засимъ онъ
разсмаприваетъ человѣка въ состояніи при-
родномъ и по, какимъ образомъ человѣкъ
возвысился къ просвѣщенію; изображаетъ
вѣкъ золотой, вѣки серебряный, мѣдный и
жельзный и старается доказать, что сей
последній есть самый лучший. Наконецъ,
говоритъ онъ о вѣкѣ разума, который, по
его мнѣнію, обязаны мы изобрѣшенію книго-
печатанія, и который еще ославляетъ насъ
несравненно ниже великой Премудрости,
предъ кою онъ смиряется со скромностію,
внушаемою истиннымъ просвѣщеніемъ.

Изъ К. Енс.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

АЛЪМАНАХИ НА 1828 ГОДЪ.

9. *Памятникъ Отечественныхъ Музъ. Альманахъ для любителей Словесности на 1828 годъ, изданный Борисомъ Федоровымъ. С.п.б. въ шипогр. Депарш. Внутр. шорг. 328 стр. въ 16 д. л. съ заглавной виньешкою.*
10. *Енисейскій Альманахъ на 1828 годъ, Иванъ Петрова. Красноярскъ. М. въ шипогр. С. Селивановскаго, 1828. 220 стр. въ 16 д. л. съ заглавною виньешкою, видомъ Арбанскаго форпоста, на Кишайской границъ Енисейской Губ. изображеніемъ Шигемуни, Буряшскаго идола, и лиспочкомъ ношъ.*
Д ѣ т с к і я к н и ж к и:
11. *Учебная книжка для малолѣтнихъ дѣтей, или новая азбука, составленная изъ каршинокъ, съ объясненіемъ оныхъ. Издавъ А. Ф. Смирдинъ. С.п.б. въ шипогр. Издашеля, 1827. 157 стр. въ 18 д. л. съ каршинками по числу буквъ Россійской азбуки.*

12. *Дѣтскій Цѣптникъ. Книжка въ пользу воспитанія, составленная Борисомъ Федоровымъ, изданн. Иваномъ Заикинымъ. С.п.б. въ шипогр. Депарш. Впѣшн. шорг. 261 стр. въ продолг. 12 д. л. съ гравир. заглавнымъ листкомъ и 8 картинами.*

П о э з и я :

13. *Евгеній Онѣгинъ, Романъ, въ стихахъ сочин. Александра Пушкина. Главы IV и V. С.п.б. въ шипогр. Депарш. Народн. Просв. 1828. 92 стр. въ 12 д. л.*
14. *Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая. Сочин. И. Козлова. С.п.б. въ шипогр. Депаршам. Народн. Просв. 1828. 92 стр. въ 12 д. л.*
15. *Паризина. Историческая повѣсть Лорда Бейрона. Вольный переводъ В. Вердеревскаго. С.п.б. въ шипогр. Депарш. Народн. Просвѣщ. 1828. III—39. стр. въ 8 д. л. съ липографированною картинкою.*
16. *Освобожденный Иерусалимъ, Поэма Торквата Тасса, переведенная съ Итальянскаго Алексѣемъ Мерзляковымъ. Ч. I. М. 1828. въ Университ. шипогр. 290 стр. въ 8 д. л. съ поршрещ. Тасса и 9 картинками.*

17. *Освобожденный Иерусалимъ, Т. Тасса, переводъ С. А. Райча. Ч. I. М. въ шипогр. А. Семена, 1828. 241 стр. въ 16 д. л.*
18. *Подражанія Корану. А. Ротчева. М. въ шипогр. А. Семена, 1828. 29 стр. въ 16 д. л.*

(Обо всѣхъ сихъ замѣчательныхъ произведеніяхъ Поэзіи будущъ помѣщены крипическія замѣчанія въ слѣдующихъ книжкахъ С. О. Предѣлы обыкновенной библиографической снашьи, казались намъ для сего слишкомъ шѣсны. Опныиъ Крипическіе разборы будущъ въ Сынѣ Опечеснва постоянною снашьею. Ихъ иногда будешъ помѣщашься по нѣскольку въ одной книжкѣ, если не подробныхъ, но по крайней мѣрѣ шакихъ, которые могушь сообщити чншателямъ доснашочныя свѣдѣнія о вновь выходящихъ произведеніяхъ Русской Лншерашуры, заслуживающихъ вниманіе.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1828. № III.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОМОЛВКА ГОСПОДИНА КВИНТА.

(Повѣсть соч. Цшокке.)

I.

Долина, въ кошорой жилъ господинъ Квинтъ и почши въ самой срединѣ кошорой лежала его мыза, естъ безъ сомнѣнїя прелестнѣйшее мѣсто во всемъ округѣ. Весною особенно, когда красненькіе и бѣленькіе цвѣшочки распускались на деревьяхъ, когда берега ручейковъ, шучные дуга и дѣвичьи груди красовались цвѣшками, природа, казалось, успроила здѣсь свое пиршество, и вѣрно боги Гомеровы, вшудолину избрали бы для маленькихъ своихъ шашней, о кошорыхъ черезъ-чуръ много рассказываетъ Овидій, если бь они шолько знали о ней въ молодыхъ своихъ лѣшахъ.

Овальное прошяженіе долины сосшавлещъ шри мили, а ширина ея не болѣе од-

ной доли. Вокругъ высокія горы, вѣнцомъ копорыхъ служатъ опдаленные Альпы, а по скашу распилающія прелесныя деревеньки. Кой-гдѣ на выдавшихъ утесахъ висятъ величавыя замки старыхъ враждебныхъ временъ; но у подошвы ихъ въ многочисленныхъ сельскихъ домикахъ, обсаженныхъ деревцами и кустарниками, домовничаютъ покой и проснота.

Вдоль по долину бѣжитъ сердитая рѣка, копорая часто въ гнѣвъ раздраетъ свои берега, и давно уже единственна нарушительница спокойствія; какую только знаешь обитатели окрестныхъ селеній. Дорога, по обѣимъ сторонамъ рѣки, чуть ли не лѣтъ на косогорахъ, и тогда только сбѣгаетъ внизъ на долину, когда приманиваетъ ее та или другая деревушка.

Три моста, одинъ посреди долины и два по концамъ, соединяютъ берега и жителей той и другой стороны.

Вотъ полное географическое описаніе долины; кто ее знаетъ, тотъ не ошибется въ названіи.

2.

Уже сказалъ я, что мыза господина Квинша, лежала почти въ самой срединѣ долины.

Господинъ Квиншъ, надобно сказать, что нибудь и о немъ — былъ молодой человекъ двадцати осьми лѣтъ; жилъ пушъ еще не болѣе года; мыза принадлежала прежде его дядѣ.

Такого добраго, смирнаго человека, каковъ былъ господинъ Квиншъ, невидано и неслыхано. Если бь сосѣди не видали его своими глазами, то клялись бы опъ души, что у нихъ въ долину нѣтъ его и не бывало. Онъ слылъ записочнымъ и очень ученымъ; жаловались только, что не даешь ни поглядѣшь, ни послушаешь своей учености.

По мнѣнiю нашему, онъ былъ наилучшiй человекъ въ свѣтѣ, только свѣтъ не по немъ, либо онъ не по свѣту. Онъ любилъ людей, однако убѣгалъ ихъ, и я право думаю, что это изъ одной только застенчивости. Ему хотѣлось бы всѣхъ сдѣлать счастливыми, лишь бы не слыхалъ ни просьбы, ни благодарности, и это пошому, что онъ не зналъ, какъ умѣюшь держать себя люди при просьбѣ или благодарности. Смертельно не любилъ онъ ни въ чемъ поддѣлки, и съ тѣми, кого онъ зналъ очень коротко, обращался просто, открыто, съ большимъ впрочемъ мягкосердiемъ и уступчивостью. Безполезныхъ учивостей, пустыхъ комплиментовъ,

*

припорныхъ пиршесствъ не могъ онъ пер-
пѣшь; да и не бывалъ никогда ни на какихъ
большихъ, званыхъ обѣдахъ, ни на одной
свадьбѣ, ни на однихъ крестинахъ, кромѣ
своихъ собсвенныхъ.

Опнюдь не любилъ онъ себя выказывать,
избѣгалъ, даже боялся всего, что могло бро-
ситься людямъ въ глаза. Новое платье все-
гда обнашивалъ въ дурную погоду, или ша-
таясь уединенно по окрестнымъ горамъ.
Много весьма любопытныхъ сочиненій выш-
ло изъ подъ пера его, но даже Издатели ни-
когда не знали его имени. И Мейзелевы ла-
зушники не могли разорвать анонимическа-
го покрывала, подъ кошорымъ онъ прятал-
ся. Онъ между прочимъ написалъ шѣ пре-
восходныя изображенія характеровъ, въ ко-
шорыхъ развернуты малѣйшіе изгибы чело-
вѣческаго сердца. Эта книга, въ переводахъ
на иносѣранные языки, даже въ дальнихъ
краяхъ свѣта, возбудила участіе. И при всемъ
томъ никшо не бывалъ такъ часто обжа-
нутъ людьми, какъ господинъ Квиншъ, ко-
шорый просто, изъ одной заспѣчивости и
по привязанности къ уединенной жизни, убѣ-
галъ всякаго знакомаго челоуѣка.

Въ своей прекрасной мызѣ жилъ онъ,
какъ опщельникъ: хозяйничалъ въ домѣ и
на полѣ, писалъ стихи, занимался бошани-

кою, рисованьемъ, чисталь дровнихъ и новыхъ Писашелей, и никогда не былъ одинъ, хотя вовсе почти не бывалъ съ живыми.

Въ южномъ краю долины жилъ пріятель его, господинъ Пикъ, и жилъ почти такъ же какъ онъ; такъ же не женатый, хотя впрочемъ вдовецъ; такъ же въ уединенной мызѣ, преждебывшемъ рыцарскомъ замкѣ, съ палисадами, башнями и зубцами. Однако Пикъ человекъ дородный, румяный, и веселаго нрава, любилъ общесиво. Безпрестанно хаживалъ онъ въ одно, въ другое селеніе или въ ближайшій городокъ, а особливо зимою, когда смертельно скучалъ. Пикъ любилъ говорить, и говорилъ много обо всемъ. Топчась было замыслио, что даръ краснорѣчія счисляешь онъ себѣ врожденнымъ. При всемъ своемъ добродушіи, нерѣдко заводилъ онъ тяжбы, единственно для того, чтобы говорить публично по своему дѣлу. Однажды выигралъ онъ процессъ, который самъ считалъ несправедливымъ. Что же? Смѣючись, пошелъ онъ къ прошивнику, возвратилъ все, что ему надлежало, и заплашилъ всѣ прощоры и убышки.

Такой поступокъ понравился въ немъ господину Кышпу. Легко представился случай къ знакомству, и въ короткое время сдѣлались они искренними пріятелями. Въ

Пикъ уважалъ Квиншъ его познанія сельскаго хозяйства; въ Квиншъ уважалъ Пикъ его ученость. Почти не проходило недѣли, чшобъ не видались они другъ съ другомъ, хотя переходъ ошъ одной мызы къ другой сосшавлялъ болѣе мили.

3.

Въроятно ошъ шого и происходила частію засшѣнчивосшъ господина Квинша въ общешвенной жизни, чшо онъ мало перся между людьми. За всѣмъ шѣмъ всякой бы нашель въ немъ челошвка пріятнаго. Нечего распрощраняшся въ похвалахъ уединенной жизни; правда, чшо она дѣлаешъ одношпороннимъ, за шо въ общешвенной жизни люди бывающъ ужъ сшшкомъ многешпоронни и сшшкомъ обшпершы. Люди въ уединеніи шо же, чшо расшеніе навсшсокихъ Альпахъ: они просты, крѣпки и прочны.

Не удившшельно, чшо господинъ Квиншъ и господинъ Пикъ, при всей разности характеровъ, сдѣлались душевными друзьями. Оба добры были сердцемъ; все прочее, по самому различію, служило приправою и заманкою ихъ бесѣды. Люди съ одинаковымъ образомъ мыслей и одного шемпераменша рѣдко сдружающся. Мы привыкли шо ува-

жашь въ другихъ, чего не имѣемъ сами. Пошому-то брюнешка предпочишаешь блондина, а блондинка черноволосаго випязя. Но у господина Квинша были пемнорусые волосы; пошому сполько же могъ онъ любишь блондинокъ, какъ и брюнешокъ. Однако добрякъ боялся пѣхъ и другихъ.

Изъ десяти мужчинъ вѣрно ни одинъ не посмошришь на наружноспь человекъ — на плашье, пѣлодвиженія, поступь, осанку, шарканье, сидѣнье и повершыванье. Пошому-то господинъ Квиншь предпочишалъ общеспво двадцаши мужчинъ (исключая панцмейсперовъ) бесѣдъ съ одною, образованною женщиною. Все казалось ему, что онъ смѣшонъ, неловокъ, неразвязень, какъ скоро судьба осуждала его хошя чешвершь часа провешши съ молодою дамочкою. Къ шому же замѣшилъ онъ: чѣмъ ловчѣе хошѣлось ему бышь, пѣмъ неповорощливѣе и неуклюжѣе спановилса.

Съ пѣхъ поръ, какъ познакомилса онъ съ господиномъ Пикомъ, ни одна женская душа не вспрѣчалась ему у него въ домъ, кромъ ключницы и крешьянскихъ бабъ. Эшо не мало способшвовало къ шому, что старый замокъ господина Пика нравилса ему болѣе, нежели всѣ новѣйшія зданія въ

Ишалаинскомъ вкусѣ въ долину его и въ оной.

Туда имѣлъ онъ намѣреніе сходить и въ будущій Впорникъ, если погода не измѣнилась.

4.

Въ наступившій Впорникъ былъ прекрасный день; но дорога по берегу рѣки вела все тѣнистыми рощами, и представляла взору спранника разнообразныя сельскіе виды. Кой-гдѣ отдѣльные домики съ окружающими ихъ фруктовыми садами, крутящіеся съ горы попоки, пересѣкаемые просхими деревенскими мостиками, пасущіяся стада, играющія дѣти, работающіе опцы семействъ, шрудолубивыя машери, сидящіе въ тѣни выдавшихся кровельныхъ навѣсовъ своихъ маленькихъ хижинъ: все шущъ живописно, заманчиво!

Въ сторону ошъ рѣки, у подошвы спѣною стоящей высокой горы, поднималась влѣво дорога къ замку господина Пика. Издали видна была башня его, возвышающаяся надъ кудрявымъ кустарникомъ. Здѣсь, между зеленѣющими холмами, подъ развѣсисшими кашпанами и дубами, принимала спранника ошрадная прохлада. Въ вшомъ романшиче-

скомъ уголкѣ господинъ Квиншъ обыкновенно любилъ опдыхашь; да и нужень былъ опдыхь, попому что дорога, ведущая къ замку, была довольно круша. Не знаю, какъ случилось, но на вшопъ разъ онъ опступилъ опъ своего обыкновенія. Видно шакъ хопъла звѣзда его!

За шо и ушомился же онъ, когда взобрался на гору и пришелъ на муравчашую площадку передъ замкомъ! — Тупъ замъшилъ господинъ Квиншъ, что у пріишеля его долженъ бышь большой прачешный пирь: вся площадка увѣшена была бѣльемъ на прошянушыхъ по шешамъ длинныхъ веревкахъ, шакъ что почши не осшавалось мѣсна пройши.

Безъ дальнихъ размышлений, рѣшилъ господинъ Квиншъ понѣжиться на мягкой шравѣ, и забрался подъ шѣнь огромной скашери, кошорая, качаясь по вѣшру, навѣвала ему прохладу; ушклувшись носомъ въ шраву, размашривалъ мечшашель укромную обласшь насѣкомыхъ. Воображеніе представило ему шущь горы и долины; подъ шѣнію широкихъ сшерблей шравянаго лѣса, возвшашающихся, подобно пальмамъ востока, надъ низменнымъ, мшисшымъ куштарникомъ, блуждали маленькіе звѣрки. Взоръ его слѣдовалъ шо за мошкой, пшпцею сей прущобы,

то за пышнымъ муравьемъ, кошорый вскарабкивался по шеблю до самаго вѣнчика, обзрѣвалъ опшуда всю дальнюю спрану и мигомъ спускался назадъ. Вдругъ явилось насѣкомое, гораздо позначительнѣе, и конечно не въ сей правой области получившее быше свое: оно помѣшало мечшамъ господина Квинша.

5.

Передъ самымъ его носомъ появились двѣ человѣческія ноги, кошорыя въ шихой правой обихели дѣлали ужасную сумашоуху. Надобно впрочемъ сказать что эша парочка ножекъ была прелесшна. Господинъ Квиншъ посмотрѣлъ вверхъ, но низко висѣвшая скашершъ помѣшала ему видѣшь, кому принадлежашъ ноги.

Господинъ Квиншъ, кошорому очень нравилось его положеніе, оставался въ покоѣ, и надѣялся, что эшо новое явленіе вскорѣ исчезнешъ. Между тѣмъ, въ совершенной безпечности, размашривалъ онъ форму и обувь ножекъ. Онѣ были очень малы; чулки на нихъ бѣлы, какъ снѣгъ; красныя сафьянныя башмачки довольно опрашны и новы. Господинъ Квиншъ смѣкнулъ, что

не-кому бышь съ такими ножками, кромѣ мальчика ошъ двѣнадцати до пашнадаши лѣшъ, или дѣвушки ошъ пашнадаши до двадцаши. Последнее было бы хуже всего. Онъ нѣсколько смушился. Кому жь шупь бышь, когда въ цѣломъ дѣдовскомъ замкѣ не было ни одного шакого молоденькаго обипашеля?

Въ шакихъ обшпашельствахъ и самому хладнокровному Философу было бы проспашельно маленькое любопышство. Уже ошъ одной мысли, что можешъ бышь эшо женщина, подирало по кожѣ добраго Квинша. Онъ рѣшился, пока ешъ время, какъ нибудь да вывернушься изъ бѣды. Указашельнымъ пальцемъ правой руки приподнял онъ немного скашертъ, подклонилъ свою голову, взглянулъ вверхъ и увидѣлъ: — Боже мой! какое ошкрышье! — увидѣлъ полу передника съ красенькимъ ободочкомъ и полу женскаго плашья изъ шонкой бумажной машерии.

Вздрогнувъ, ошдернулъ онъ дерзкій свой палець. Какъ ни былъ онъ ко всему пригошвлень, однако шакое ошкрышье привело въ жестокое смяшеніе его душу. Здѣсь, въ первый разъ въ жизни, лежалъ онъ у ногъ женщины, кошорая по всѣмъ примѣшамъ: по чулкамъ, башмакамъ, переднику и плашью,

принадлежала къ числу не простыхъ. Къ умноженію поски недоспавало еще только насмѣшника Пика съ его краснорѣчіемъ!

Въ такомъ крипическомъ положеніи оставалось на размышленіе: вспашь, или покойно лежашь на землѣ? Первое было точно немножко опасно. Предеспная незнакомка, ошъ внезапнаго появленія неизвѣснаго ей мужчины, могла перепугаться; шущь понадобилось бы со стороны г-на Квинша сказать что-нибудь вѣжливое, порадоваться новому знакомству, извиниться въ неосторожности, въ причиненной помѣхѣ и Богъ знаешь въ чемъ еще, чшобъ только выгородить себя ошъ всякаго подозрѣнія. Но гдѣ взять вдругъ столько мыслей и словъ, приличныхъ обстоятельству, непрощивныхъ хорошему тону? Никшо въ свѣтъ не могъ быть способенъ на то мнѣе господина Квинша! Посему-то рѣшился онъ лучше оставаться сколько можно долѣе безъ всякаго движенія, чшобъ не быть открытымъ.

Но судьба его еще не перестала гнать его. Неожиданно защекошало у него въ носу и позывъ къ чиханью все спановился сильнѣе. Ксшати сказать, что господинъ Квиншъ держался стараго обычая, спасительнаго для здоровья, чихашь изо всей мо-

чи. И шакъ ему предстоила бѣда неминучая. Сама всесильная природа гошовилась бышь его предашельницею. И кто бы шущь могъ воздержашься? Какой ужась для бѣдной дѣвушки, когда бы вдругъ раздаось у ногъ ея чиханье скрывавшагося мужчины? Или какво было бы положеніе господина Квинша, когда бы онъ, рѣшась всташь и извиняшья, привѣщивоваль незнакомку, вмѣшть съ поклономъ, громогласнымъ чиханьемъ!

Въ нерѣшимости и шоскѣ, едва крѣпясь лежалъ господинъ Квиншъ и не спускаль глазъ съ прекрасныхъ сафьянныхъ башмачковь, а между шѣмъ, въ эшо самое время и прежде еще, нежели прорвался чихошный громъ изъ раздраженныхъ ноздрей его, случилось другое происшествіе, спраннаго рода.

6.

Часто-именованныя двѣ маленькія ножки пришли вдругъ въ большое движеніе. Онѣ припрыгивали, пересѣменивали, поднимались изъ цыпки и всячески суешились. Господинъ Квиншъ заключилъ изъ шого, что малорослая незнакомка не можешъ досташь до веревки, на кошорой повѣшенная скащершъ

прикрѣплена была деревянными вилками или сѣпками. — И онъ почно заключаль справедливо. Эпи сѣпки, копорыми скашершь мѣстами придерживалась на длинной, качающейся веревкѣ, были не по росшу незнакомкѣ, но упрямица никакъ не хотѣла оставишь своего намѣренія. Она прыгала и прыгала, пока не уцѣпилась за веревку руками. Но шущь и она и деревянныя сѣпки пошеряли равновѣсіе. Шесшы, веревка, бѣлье, все обрушилось — господишь Квиншъ лучше бы желаль, чшобъ само небо на него низверглось! — скашершь упала и накрыла его, а съ шѣмъ вмѣстѣ повалилась на него же и неизвѣстная красавица!

Немилосердая судьба! — Какими словами опишу я смущеніе добраго господина Квинша? Онъ лежалъ недвижимъ и почти бездыханень. Едва сполько досшало у него присущствія духа, чшобъ изъ учшивости пришворишься спящимъ и шѣмъ избавишь незнакомку ошъ смершельнаго замѣшашельства.

Но и шущь неугомонно злобствующій рокъ помѣшалъ благому его намѣренію. Носъ его, нашерпясь довольно ошъ воздержанія, вдругъ грануль визгливымъ, шумливымъ и разнозвучнымъ чиханьемъ.

Несчастливая красавица еще прежде почувствовала, что подъ нею долженъ быть другой злополучный, но когда услышала дикіе звуки, шо вообразила, что переломила ему по крайней мѣрѣ руку или ногу.

Съ громкимъ крикомъ вспрыгнула она и дрожащими руками приподняла скаперть. Господинъ Хвинтъ безмолвно поднялся на ноги, покраснѣвъ до ушей.

„Извините!“ пролепешалъ онъ, запинаясь, и хотѣлъ снять шляпу передъ двушкойю, которая шо же въ большемъ смущеніи передъ нимъ стояла. Но подышая рука его ловила только воздухъ; шляпа лежала еще подъ прокляшою скапертьюю.

„Извините!“ продолжалъ онъ: „я прилѣгъ на праву, потому что шецерь ужасно — мнѣ право очень жаль!“

— „Не ушибла ли я васъ?“ спросила она, краснѣя и едва осмѣливаясь взглянуть на него.

„Мнѣ право очень жаль — вы нимаго не ушибли меня!“ — ошвѣчалъ онъ робко и съ запинками.

Онъ сказалъ бы и еще что нибудь, но ужъ никакъ не могъ. Всѣ покушенія проговорить какую-нибудь вѣжливостъ, ошпавались щещны. Губы шевелились, руки шо же, но голосу вовсе недоспавадо.

И самый ловкій городской мужчина могъ бы прійти въ смущеніе ошъ шакого случая, а если не ошъ него, шо ошъ взгляда на прекрасную дѣвушку.

Она стояла передъ нимъ, какъ образъ милой невинности, въ проспенъкомъ, деревенскомъ плашъицѣ; взоръ сныдливо, пошупленъ; на щечкахъ яркій румянецъ. Господинъ Квиншъ, смошря на нее, забылъ о шляпѣ, о екашерши, объ извиненіяхъ и о цѣломъ свѣшѣ. Какъ скоро незнакомка поднимала на него глаза, онъ опускалъ свои; когда поднималъ онъ, опускала она. Такимъ образомъ долго мѣнялись они ролью зришеля и, казалось, не усшавали.

7.

Нельзя не признашъся, что въ шакихъ случаяхъ женщины всегда превосходятъ мужчинъ въ увершливости и присущемъ духа; но на сей разъ этого не случилось, и господинъ Квиншъ превзошелъ самъ себя.

Дѣвушка все еще молчала; господинъ Квиншъ первый подумалъ о шомъ, что надбно же начашъ говорить, — что нельзя же оставашъся все на одномъ мѣстѣ. Убѣжашъ такъ, не сказавъ ни слова — была бы вопіющая непристойность.

Пришлось на его очередь опустить глаза, потому что дѣвушка подняла свои, и въ это время, очень ксшаши, замѣнилъ онъ, что она потеряла свои башмаки, и стояла на травѣ въ однихъ чистенькихъ чулкахъ своихъ.

Онъ подхватилъ почта красненькіе башмачки и подаль ихъ незнакомкѣ самымъ учпивымъ образомъ.

„Не прикажете ли?“ сказалъ онъ шихо, и бодро посмопрълъ на нее.

— „Благодарю васъ.“ Отвѣчала она, пропянула руку, и, какъ будто по уговору, но же посмопръла ему въ глаза.

Это взаимное смопрънье было очень нексшаши: господинъ Квиншъ смутился, дѣвушка по же; оба забыли о шомъ, что надобно подашь и приняшь. Ихъ руки, безъ всякаго приказа и дозволенія, коснулись одна другой; два пальчика дѣвочки оспановились на его рукъ. Опъ этого прикосновенія онъ весь обомлѣлъ; башмаки выпали; пропянувъ руку, чтобы подхватить ихъ, онъ схватилъ руку незнакомки, но все это совершенно пропивъ воли.

Руку, явно судьбою ему предоспавленную, опшолкнулъ для шого, чтобы на мѣсто ея взяшься за кожаную обувь, — шакая мѣна конечно незаманчива! И такъ, онъ

оспался въ statu quo, хотя впрочемъ эпитимъ самымъ очень испоршилось дѣло, съ обѣихъ споронъ положеніе сдѣлалось затруднительнѣе и предвѣщало худую развязку.

Вдругъ, какъ лихорадочная дрожь, напалъ на него прежній страхъ, въ которомъ все казалось ему, что онъ всегда неловокъ, всегда смѣшонъ. И шупь, какъ въ зеркалѣ, увидѣлъ онъ себя и свою прелестную анонимку, рука въ руку, почти въ такомъ положеніи, будто онъ съ дамою своею начинаешь панцовать менуешь. Опъ этой мысли у него попомнѣло въ глазахъ.

„Боже мой!“ думалъ онъ: „что ты дѣлаешь? Вовсе незнакомая женщина — ты берешь ея руку — глядишь на нее — приводишь ее въ жесточайшее замѣшательство — какъ же ты выпутаешься пристойнымъ образомъ? Удивительно еще, что она не гонишь тебя...“

— „Развѣ вы ужъ такъ хорошо познакомились?“ загремѣло вдругъ въ ухахъ обонихъ, и оба опскочили въ разныя спороны.

То былъ господинъ Пикъ, самъ, своею особою.

8.

Авторъ сознается, что для него господинъ Пикъ появился немножко рано. — Онъ

помѣшалъ ему сдѣлать очень важное замѣчаніе, къ кошорому представлялся случай.

Не подлежишь никакому сомнѣнію, что господинъ Квинсъ забылъ о своемъ преимуществѣ передъ застѣнчивой деревенской дѣвушкой. Есть вещи, за кошорыя никакъ нельзя приниматься серьезнымъ образомъ; сюда принадлежишь начало знакомства съ ученымъ или съ женщиною, съ кошорыми, говоря мимоходомъ, гораздо шруднѣе вступашь въ знакомство, нежели съ кѣмъ бы то ни было въ свѣтѣ. Всего лучше, первое свиданіе принимашь за шушку до шѣхъ поръ, пока само по себѣ сдѣлаешся изъ того что нибудь серьезное.

Впрочемъ господинъ Пикъ, сей *deus ex machina*, однимъ появленіемъ своимъ привелъ все въ надлежащій порядокъ: поперяные башмаки приспроудъ къ ножкамъ, и осирошѣлую шляпу посадилъ на голову. Только одно оспавалось какъ будто не въ прежнемъ порядкѣ — сердце обоихъ молодыхъ людей.

Господинъ Пикъ былъ въ эшомъ отношеніи опынѣе, нежели можно было ошъ него ожидать. Онъ ни словечка не промодвилъ о шомъ, что замѣнилъ, а именно: что молодые люди вовсе ослаѣплии другъ друга, и среди бѣла дня не видали передъ со-

*

бою дороги. — Шляпа и башмаки подкрѣпили его замѣчаніе. Онъ усмѣхнулся, подхватилъ подъ руку господина Квинца и повелъ его въ домъ.

„А ты, Бетели“ — сказала онъ, нахмурясь, встревоженной дѣвушкѣ: „поди и землянику, что пригошовила намъ въ бесѣдкѣ, принеси въ комнашы: шамъ будетъ прохладиѣ.“

9.

Когда господа Пикъ и Квинцъ усѣлись въ комнашѣ по мѣспамъ, послѣдній, напишанный глубокимъ любомудріемъ, началъ говорить, чтобъ скрышъ свое замѣшательство. Гораздо охотнѣе спалъ бы онъ разспрашивать о Бетели: кто она, и откуда, и за чѣмъ здѣсь, и давно ли, и долго ли пробудетъ? Но вмѣсто всего того, началъ онъ преважнымъ тономъ:

„Надобно признашся, что никакая наука не можешъ быть столь привлекашельна, какъ познаніе звѣзднаго неба. Если только предшавишъ себѣ удивительное круговращеніе міровъ въ необьяшномъ пространствѣ“

— „Э, господинъ Квиншъ! чшо вы такое запли? Не ужели среди бѣла дня глязѣли вы на звѣзды съ моею племянницею?“

Эшошъ неожиданный вопросъ вперь краску въ лице господина Квинша. Однако невольнo вырвалось у него: „Какъ? съ вашей племянницей?“

— „И, полно, дорогой сосѣдъ! Вѣдь я не дуракъ дался вамъ. Благодаря Бога, глаза мои довольно зрячи, хошь и не наблюдали удивительнаго круговращенія вашихъ міровъ, — Вы подспрѣлены, дружище, даромъ чшо не хошите въ шомъ признахся. Будемъ говорить по совѣспи, какъ Богъ велить: вы шочно подспрѣлены!“

„Чшо такое вы говорите? возразилъ „Квиншъ: я васъ не понимаю?“

— „Да, да!“ продолжалъ краснорѣчивый господинъ Пикъ, на эшошъ разъ довольно невѣжливо: „Вамъ, хочешся спряшашся. Но, любезный сосѣдъ, я не игрывалъ въ жмурки, да и никогда не дамся къ шому, чшобъ мнѣ завязали глаза! — Да, да, Бешели привела васъ къ познанію добра и зла, но не безпокойшесь: я не погоню васъ изъ раю!“

Къ счастію или къ несчастію Бешели прервала эшошъ разговоръ. Она принесла

землянику и бупылку вина. Пикъ взявъ племянницу за руку. „Не хочешь ли побышь съ нами, Бешели?“

Вспыхнувъ, извинилась она самыми необходимыми дѣлами.

„Знаешь ли шы этого господина?“ спросилъ онъ.

— „Я видала господина Квинша нѣсколько разъ, когда проѣзжалъ онъ черезъ нашу деревню“ — отвѣчала она спыдливо.

Тутъ господинъ Квиншъ раскрылъ ротъ, чувствуя, что пора и ему сказать что нибудь привѣпливое. И дѣйствитель-но ему пришла очень счастливая мысль; но онъ оспался съ открытымъ ртомъ, не могли выговорить ни слова.

Бешели быспро повернулась и убѣжала. Господинъ Квиншъ пошерялъ всю бодрость.

10.

Скоро спалъ онъ собираясь домой и давалъ себѣ внушренно кляшву, никогда не приходишь въ этотъ замокъ. На вѣкъ хотѣлъ онъ распрощаться со свѣтомъ; погресши себя въ своемъ уединеніи и наслаждашь пихими, просшыми радосшями, кошорыя какъ и цвѣщы на грядяхъ, могъ самъ добывашъ себѣ.

Господину Пику казался сосѣдь его на эшошь разъ очень чуднымъ. Какъ ни спарался онъ развеселишь его — не могъ. Они прохаживались въ кашпановой аллеѣ; вдали мелькало плашьеце Бешели; господинъ Квиншъ поглядывалъ шуда скоса и жаловался на боль въ лѣвомъ глазѣ.

„Моя племянница“ — ошвѣчалъ Пикъ : „лучше разумѣеть Медицину, нежели я. Она понаучилась ошь шетки, кошорою воспишана. Женщины больше къ шому сродны, чѣмъ наша брашья. Мы дѣйствуемъ en gros, а онѣ всегда en détail. Мы привыкли все размашривашъ въ цѣломъ, а онѣ по часшямъ. Мы способны произвести что нибудъ новое, великое, а онѣ гораздо способнѣе на шо, чшобъ украсишь, уладишь, починишь. Хирургію должно было бы вовсе предосшавишь женщинамъ. — Пойдемъ-ко, покажише свой лѣвый глазъ Бешели; она вѣрно пособишь.“

— „Ничего, пройдешь!“ сказалаъ господинъ Квиншъ съ безокойшвомъ: „боль совсѣмъ не шакъ велика.“

„Ну, какъ угодно“ — продолжалъ господинъ Пикъ: „шолько совѣшую впередъ порѣже заглядывашься на звѣзды. Впрочемъ для холосшыхъ еще - шаки звѣздочешштво имѣешъ кой-какую приманку. Но я бы ду-

мазь, что вы, как человек спешенный
охошнѣ согласишесь сидѣшь дома самъ-
другъ, нежели гоняшьяся по ночамъ за звѣз-
дами.“

— „Вы говорише пакъ темно“ — ска-
залъ со вздохомъ господинъ Квиншъ: „что
я не знаю, какъ вамъ опвѣчать. Впрочемъ
для женишьябы я вовсе негожусь: я не при-
гожь, не богашъ, не довольно смѣль, да и
не хочу бышь пакимъ, слѣдшвенно я ни-
когда не найду себъ жены.“

„Э, шушки!“ возразилъ господинъ Пикъ:
„неужли думаете вы, что наши опцы всѣ
были ангелы и владѣли бароншвами, когда
имъ надобно было досташъ для насъ маше-
рей? Ничего такъ легко не дѣлаешся въ ми-
рѣ, какъ свадьба. Хоть наши Еввы и дѣла-
ють видъ, какъ будто мужчина для нихъ
самая равнодушная шварь въ свѣшъ, но по-
вѣрьте мнѣ — на умѣ у нихъ совсѣмъ не
шо. Эту личину надѣвають онѣ для шого,
чтобъ не слишкомъ себъ измѣнишь, и ес-
ли бъ вы, вмѣсто смотрѣнья по верхамъ,
присшавили иногда ушко къ щелкъ въ две-
ряхъ, вы узнали бы, что когда сойдутся при
женщины, ихъ разговоръ всегда начинаешся
мужиной, а кончштся креспинами. Да я и
не вию ихъ. Онѣ государшвами не пра-
вашь, сраженій не дають, книгъ не пишушь,

проповѣдей наизусть не учашъ — надобно же имъ чпо нибудь дѣлать. Онъ играють сначала куклами, попомъ мужчинами, попомъ ребятишками. Все ихъ назначеніе въ помъ, чпобъ бытъ воспитанными и воспитывають.“

Хопя господинъ Квиншъ не безъ удовольствія слушалъ своего сосѣда, но опвѣчашъ ему не осмѣлился, попому чпо они спояли недалеко опъ зѣмка, а у дверей, въ шѣни виноградника, сидѣла Бешели.

Господинъ Квиншъ взглянулъ на небо, показалъ лѣвой рукой на заходящее солнце, а правой снялъ шляпу, чпобъ опкланяшся. Ничѣмъ нельзя было уговорить его опспашся. Необходимѣйшія дѣла призывали его домой. Надобно было проспитшся.

Пикъ вызвался его проводить. Онъ оглянулся и кликнулъ Бешели. Бешели, какъ будто ничего не слыша и не видя, ушла въ домъ. Пикъ и кричалъ и свисталъ: она не вышла.

„Прощу опъ меня ей поклонитшся!“ проленешалъ господинъ Квиншъ, чущъ не плача.

— „Дѣвка глупа!“ сказалъ Пикъ: „но пусть шакъ, я ужъ ей дамъ гонку. Она еще послѣ завтра опсправитшся домой.“

Тутъ оба побрели внизъ по горѣ. Господинъ Квинша грызла досада. Онъ дѣлалъ себѣ жесточайшіе упреки за свое глупое, неловкое, неотесанное обращеніе съ дѣвухой, въ которой возбудилъ къ себѣ только презрѣніе, столь явное, что даже не хотѣла она съ нимъ простишься.

„Ваша племянница,“ сказала онъ: „кажется сердита; можешь быть и по дѣломъ; я сегодня совершенный болванъ.“

— „Э, полно!“ ошвѣчалъ господинъ Пикъ: „почему сердита? я замѣшилъ вовсе прошивное. Но чтобы замѣшить это, надобно имѣть опытность. И говорю вамъ еще разъ, дорогой сосѣдъ: кто хочетъ узнать свѣтъ, долженъ больше сморгнуть въ щелку сквозь двери, нежели по верхамъ въ зрительныя трубы.“

И господинъ Пикъ на сей разъ точно былъ правъ. — Едва замѣшила Бешели, что господинъ Квинша собирается домой, какъ вся ея веселость исчезла. Она вспала и хотѣла подойти къ дядѣ, чтобы еще разъ взглянуть на гостя. Но дядя все испортилъ, кликнувъ ее. Такъ офиціально показаться, ей не хотѣлось. Что-то униженное, что-то неприличное предсавилось ей. А можешь быть, не думала ли она и того, что убѣгая господина Квинша,

скорѣ привлечешь его, нежели шакъ обыкновенными пушями. Какъ бы по ни было, она убѣжала, и убѣжала опроремешью, чшобъ шолько уйши ошъ призыва дяди; сама не зная какъ, очушилась она на подволокъ у слуховаго окна, ошкуда былъ видъ на долину, на дорогу вдоль по рѣкѣ — ошкуда могла она видѣшь шешвіе обоихъ друзей.

Сердце ея сильно билось. Она смошрѣла на господина Квинша, шолько его и видѣла. „Чшо онъ о шобѣ скажешъ?“ думала она. „О, какъ же неучшнва ты была передъ нимъ! Онъ вѣрно не проршшшь шобѣ, чшо ты на него упала. Даже не извинилась послѣ. И шеперь убѣжашъ шакъ, не проршсясь! Онъ долженъ шобя презирашь. Онъ вѣрно не прійдешъ ужъ сюда. По дѣломъ шобѣ. — О, господинъ Квиншъ, проршайте, шысячу разъ проршайте! — Я совсѣмъ не думала васъ огорчиль! Но вы вѣ правѣ на меня сердилься.“

Говоря шакъ, мысленно сама съ собою, она опирала слезы, наворачувшіяся на предешныхъ глазахъ ея.

II.

На слѣдующій день господинъ Квиншъ сдѣлался очень задумчивъ. Приключенія въ

замкъ казались ему сновидѣніемъ. Но лице Бешели, ея спань, походка, одежда, слишкомъ глубоко нанечатались въ его памяти. Онъ вздумалъ разсыпаться: хопилъ пишась, и рисовалъ прелестную головку Бешели — рисовалъ двадцать разъ сряду; хопилъ играшь на форшеніано, и на спрунахъ отзывались неизвѣстные ему дополь чувства; пошелъ прогуляться и заводилъ полный разговоръ съ Бешели, какъ будто бы она съ нимъ прохаживалась.

Не сердясь на то, чувствовалъ онъ, какъ мгновеннымъ триключеніемъ все преобразилось внутри его. Всѣ правила, всѣ любимыя сеншенціи, весь споицизмъ, всѣ умствования древнихъ и новыхъ любомудровъ, вся глубокая ученость — все, въ чемъ доселѣ находилъ онъ отраду, все, чѣмъ доселѣ онъ гордился — все теперь въ спорону отброшено, какъ исшершая шряпка или изломанная игрушка.

„О ты, пѣвническое упоеніе! если бѣ и умерь съ тобою!“ Такъ восклицалъ онъ со вздохомъ, когда, промечпавъ цѣлый день, сидѣлъ подѣ вечерь на скамѣ передѣ домомъ, въ длинной пѣни каштановаго дерева, на которомъ играли красновашые лучи къ западу склоняющагося солнца. — „Къ чему вся наша гордыня, вся наша мудрость? —

Богами намъ не бышь; будемъ же просы-
ми, добрыми людьми. — И всѣ шѣ изъ со-
братовъ нашихъ, которые много имѣють,
много знаютъ, много значашъ — счастли-
вы ли они? — Право нѣшь. Счастливы
шошь, кто убаюкивается въ объятіяхъ
ушѣщительныхъ обольщеній! Какая намъ
польза дробить на части всѣ наслажденія
наши? — Споишь ли день холодныхъ изель-
дованій одного мига пылкихъ ушѣхъ?

„О Бешели! Бешели! если бѣ швои чув-
ства были подобны моимъ! Если бѣ шѣ
волшебныя грѣзы, которыхъ шы виновница,
обаяли и швое сердце! — При тебѣ, съ по-
бою оспались бы онѣ на вѣкъ. Уже не ша-
кимъ вижу я свѣшъ, какимъ видѣлъ еще вче-
ра. Облака рѣзняшя по поднебесью, разбѣ-
гающя, сбѣгающя и сплывающя вмѣшѣ.
И права преклоняешя сшебельками, спле-
шая мягкій коверъ подъ стопы швои, крош-
кая Бешели! Таково-шо могущество красо-
шы, что она вездѣ царица, гдѣ только она
ешъ; что все въ природѣ узнаешъ ее, ожи-
даешъ, ласкашя къ ней и ей принадлежшъ;
что при ней все лучше, все значительнѣе,
все милѣ.“

Изъ всего этого ясно и вразумишельно,
что господинъ Квиншъ спалъ совсѣмъ не
шошь. Онѣ самѣ изумлялся своему превра-

щенію, долго думалъ, откуда взялись странныя, прежде вовсе ему не извѣстные мечты его, и какъ ни бился, не могъ хорошенько рѣшить, сдѣлался ли шеперь умнѣе, или глупѣе.

Наконецъ вздумалъ онъ всѣ мысли и мечтанія свои положить на бумагу, чѣмъ лучше судить о нихъ, когда блажь выйдетъ изъ головы.

„Племянница еще послѣ завтра пойдетъ домой!“ Изъ этихъ словъ, произнесенныхъ явственно Г. Пикомъ, слѣдовало, что завтра Бешели должно совершить путь вдоль по долинѣ отъ своего дядюшки, Пика краснорѣчиваго, къ своей домовишней петушкѣ. Вотъ славный случай увидѣшь Бешели безъ свидѣтелей, и говоришь съ нею безъ робости, и умными рѣчами поправишь прежнія глупости, и повывѣдаешь, что у нея на умѣ, и можешь быть — получить надежду... Голова закружилась у господина Квинша, когда онъ повелъ еще дальше нишъ своихъ мыслей.

Среди всѣхъ восторговъ души, онъ чувствовалъ однако, что еще тяжелый камень лежитъ у него на груди. Спращно подумаешь! Къ исполненію крошечныхъ его желаній мало того, чѣмъ говоришь съ Бешели что нибудь — надобно говоришь нѣжно, пламенно, а ему легче въ подчасъ выучишь-

ся по-шарабарски, нежели въ мѣсяцъ составишь порядочное любовное объясненіе.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

II.

НОВѢЙШАЯ ИСТОРИЯ.

БЛОКАДА и ОСАДА КОРФУ.

1798 — 1799,

Одну изъ достопамятнѣйшихъ эпохъ въ Исторіи Русскаго флота, составляющъ военныя дѣйствія онаго въ Средиземномъ морѣ, подъ начальствомъ Адмирала Ушакова. Сей отличнѣйшій флотоводецъ и сопридникъ Пощемкина по Черноморскому краю, принадлежашъ къ числу нѣхъ знаменитѣйшихъ людей, коихъ имена украшаютъ Исторію царствованія безсмертной Екатерины.

Конецъ прошедшаго столѣтія, ознаменованный славными подвигами Россіянъ въ Италіи, былъ эпохою дополь неслыханнаго ихъ союза съ Турками. Въ силу шракшапа, заключеннаго между Кабинешами Санкш-

пешербургскимъ и Константинопольскимъ, Россійскій Черноморскій флотъ въ Сентябрѣ 1798 года соединился въ Дарданеллахъ съ Турецкимъ, и оба поступили подъ начальство Вице-Адмирала Ушакова.

Правительство сдѣлало весьма удачный выборъ. Ушаковъ, коего вся служба была непрерывнымъ рядомъ заслугъ и опличій, еще въ 1791 году одержалъ на Черномъ морѣ блистательную побѣду надъ превосходнымъ въ силахъ Турецкимъ флотомъ. Побѣда сія, коей грома раздавались вблизи Константинополя, до того устрашила Диванъ, что оный поспѣшилъ окончить переговоры о мирѣ, подписанномъ въ Яссахъ. Слѣдствіемъ сей побѣды было и то, что имя Ушакова содѣлалось спрашнымъ для Оишомановъ; по сей-то причинѣ Турецкое Правительство, узнавъ на собственномъ опытѣ искусство и мужество Россійскаго Адмирала, съ полною довѣренностію поручило свой флотъ его начальству.

Надобно знать, что Турки, какъ честные Мусульмане, давъ однажды обѣщанья дружбы, не измѣняли оному. Они не только не ошсавали ошъ Россіянъ въ подвигахъ храбрости, но даже искали случаевъ показати свою къ нимъ довѣренность, и раздѣляли общія опасності съ такими же усердіемъ,

какъ просвѣщенные Европейскія Державы спараюшся часшо избѣгать оной на счетъ своихъ союзниковъ. Еще должно замѣнить, что офицеры, бывшіе на эскадрѣ Ушакова, по всей справедливости могли назваться цвѣшомъ Русскаго флота: все они своимъ поведеніемъ, служба примѣромъ для подчиненныхъ, умѣли снискашь неограниченное къ себѣ уваженіе и покорность Турокъ, и способствовали къ поддержанію шой чести, какую побѣдоносный флагъ пріобрѣлъ во мнѣніи чужезиранцевъ.

Освобожденіе Ионическихъ острововъ, занятыхъ Французскими войсками, было начальными подвигами Россійско-Турецкаго флота. Острова: Черига, Зантъ и Чезалонія не оказывали сильнаго сопротивленія; только гарнизонъ Санша-Мавры, для взятія коего Главнокомандующій отправилъ Капитана 1 ранга Сенявина (Дмипрія Николаевича) надѣялся удержашъ мѣстоположенія, но Сенявинъ не зналъ препятствій, и овладѣлъ островомъ. Тогда Вице-Адмиралъ Ушаковъ рѣшилъ обложить Корфу.

Не приступая еще къ описанію военныхъ дѣйствій соединеннаго флота при островѣ Корфу, должно броешь взглядъ на обстоятельство, предшествовавшія блокадѣ сего мѣста, и на состояніе его крѣпостей

при отккрытіи Россійско-Турецкой кампаніи.

Главнымъ Начальникомъ Французскихъ войскъ, занимавшихъ Ионическіе острова и на Албанскомъ берегу Бушринпо, Паргу, Превезу и Вонницу, былъ Генераль Шабо. Сосѣдственная съ сими мѣстами Янина находилась въ то время подъ управленіемъ Али-Паши, сполько извѣснаго своимъ варварствомъ.

Сей хитрый ширанъ, пользуясь довѣренностію къ нему Турецкаго Правительства, и видя его слабосць, вознамѣрился ошложиться опъ Поршы. По сей причинѣ онъ спарался всѣми средствами снискашь себѣ дружбу Французскихъ Генераловъ и расположеніе Директоріи, надѣясь при ихъ помощи успѣшь въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ. Али-Паша полагалъ швердо, что вступленіе Французовъ въ Египешъ доставишь ему для сего удобный и скорый случай, но Абукирское сраженіе, выигранное Англичанами, засшавило его повременишь исполненіемъ своихъ предпріятій.

Узнавъ о союзѣ Опшоманской Поршы съ Россією, Янинскій Самрапъ рѣшилъ воспользовашься обстоятельствомъ, дабы явишь свою мнимую преданносць къ Турецкому Правительству. Али сдѣлался вдругъ

и неожиданно непріяшелемъ Французовъ, и по своему обыкновению началъ дѣйствовать измѣною.

Еще до выхода соединеннаго флота изъ Дарданелль, Генераль Шабо отправился осматривать мѣста, ввѣренныя его управленію, поручивъ на время своего отсутствія начальство надъ гарнизономъ острова Корфу Генералу Деларозу. Али-Паша, находившійся съ Деларозомъ всегда въ дружескомъ сношеніи, пригласилъ его на Албанскій берегъ для свиданія. Французскій Генераль, неподозрѣвавшій измѣны, изъявилъ согласие на сіе приглашеніе, но едва явился въ условленное мѣсто, какъ былъ схваченъ и въ оковахъ отправленъ въ Яннину, гдѣ, по приказанію Али-Паши, былъ заключенъ въ пемницу. Такъ же вѣроломно было поступлено съ Комендантомъ крѣпости Бушриншо. За сими измѣнническими поступками послѣдовало уже открытое нападеніе.

Али началъ свои ашпаки съ Бушриншо и успѣлъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней овладѣть всѣми мѣстами, принадлежавшими Французамъ въ Албаніи. Малочисленные ихъ отряды употребляли къ защитѣ своей все что можешь внушить отчаянное мужество. Избѣгнувшіе смерти и плѣна спѣшили удалиться на острова Корфу и Св. Мавры,

куда последовали и многие из жигелей, спрашась жестокости свирьпаго Али-Паши. Сей явилъ себя совершеннымъ варваромъ при занятіи покоренныхъ имъ городовъ и селеній. Особенно въ Превезѣ онъ излилъ всю свою ярость на пльнныхъ и на жигелей за ихъ мнимую преданность къ Французамъ. Большая часть сихъ несчастныхъ погибла подъ ударами кинжаловъ и сабель. Звѣрская жестокость Али-Паши доходила до того, что онъ унижался зрѣлищемъ, какъ пльнные Франгузы, принуждаемы были сдирашь кожу съ опрубленныхъ головъ ихъ соотечественниковъ и еолишь оную для опшоа въ Коншаншинополь! . . .

Посреди сихъ происшествій, Шабо, возвратившійся въ Корфу, узналъ о появленіи Россійско-Турецкаго флота предъ островомъ Чериго. Обстоятельство сіе увеличидо затрудненіе, въ какомъ находились Франгузы, внезапно ашшакованные Янинскимъ Пашею. Генераль ихъ сдѣлалъ важную ошибку въ своихъ распоряженіяхъ: вмѣсто того, чтобы всѣ свои войска, числомъ до 4000 ч. собрать въ Корфу, онъ размѣстилъ ихъ по разнымъ крѣпостямъ Ионическихъ острововъ, и чрезъ шо ослабивъ свои силы, ускорилъ сдачу главнаго мѣста.

Корѣу почтиаешся въ числѣ первоспашейныхъ укрѣпленіи и состоишь изъ пяти крѣпостей. Три изъ нихъ спояшь къ морю, а двѣ къ сухому пуши. Онѣ посшавлены шакимъ образомъ, чшо если ашшакующій овладѣешь передовою, шо всѣ другія обращающъ на оную свои пушки (*).

Главная крѣпость, въ коей расположнѣ самый городъ имѣешь ошъ берегу два вада и сухой ровъ. Къ ней примыкающъ двѣ крѣпости: къ востоку *старая*, а къ западу *новая*.

Старая крѣпость, построенная Генуэзцами, находишся на выекомѣ и крушомѣ мѣсѣ Десидеро, ошдѣленномъ ошъ главной крѣпости широкимъ и глубокимъ рвомъ. При оконечности онаго находишся два возвышенія: на одномъ посшавлена башшарей, а на другомъ шелеграфъ. Внутри крѣпости построена *цитадель Санъ-Анжело*, кошорая доставляетъ сбишому гарнизону послѣднее и надежное убѣжище. При сѣверной сторонѣ сего укрѣпленного мыса ешть небольшая гавань для малыхъ судовъ, обведенная молою. Пороховые погреба и магазины изсѣчены во внутрешности горы.

(*) См. Записки Морскаго Офицера В. Б. Броневскаго. Ч. 2. стр. 89, 91.

Чтобы имѣшь поняшіе о новой крѣпости, должно себя предшавишь глубокіе подземелья, высокія снѣны, и наконецъ вообразишь крушую гору, обложенную шолстыми снѣнами, ошъ чего и составляюхси огромные своды, внушри крѣпости находящіеся. Изъ города входяшь въ нее подземельемъ. Чудный, впрочемъ бесполезный вымысль построения сей крѣпости долженъ удивишь каждого. Трудно поняшь, какою силою Венеціане встали на шакую высоту огромнѣйшія пушки, и едва вѣрояшно, чтобы искусство было шуть помощьюъ природы.

Съ сухаго пуши ашшакующей встрѣчаешь сильную преграду въ югозападной сторонѣ главной крѣпости и въ шрехъ поспановленныхъ рядомъ, опдѣльныхъ укрѣпленіяхъ: *Св. Абраама*, на правой сторонѣ города у предмѣстія *Мандукію*; *Сальвадора* на лѣвой, у селенія *Касирадо*, и *Св. Рока*, въ срединѣ.

На сѣверѣ ошъ ошрова Корфу, въ разспояніи ошъ онаго на ближній пушечный высшрѣль, лежишь укрѣпленный ошровъ *Видо*, прикрывающей собою приморскую часть главной крѣпости, между старою и новою крѣпостію. Генераль *Шабо*, еще до выхода изъ *Дарданелль* союзаго флота, защишилъ *Видо* пашью башшарями устроена-

ными на береговыхъ возвышеніяхъ, между коими велѣдъ положишь густыя засѣки, а мѣста удобныя для пристаней заградишь бонами. Между симъ островомъ и островомъ Корфу образуется проливъ, служащій портомъ для военныхъ и купеческихъ кораблей и другихъ судовъ.

Къ западу ошь Видо, недалеко ошь Порша Говино, гдѣ у Венеціанъ было Адмиралшесство, разрушенное Французами по занятіи ими Ионическихъ острововъ, находится небольшой островъ, названный *Карантиннымъ*, по находящемуся на ономъ карантинному дому для судовъ заходящихъ въ Корфу. Корфу, имѣя 6 п. войска и до 500 орудій, есть почти неприступное мѣсто для осаждающихъ. Только голодъ и жажда могутъ принудить ее къ сдачѣ, ибо продовольствіе, какъ въ съѣстныхъ припасахъ, такъ и въ водѣ, доставляется шуда большею частію съ Албанскаго берега.

Число Французскихъ войскъ, занимавшихъ Корфинскія крѣпости, подъ начальствомъ Генерала Шабо, простиралось слишкомъ до 2 п. пѣхоты и до ста человекъ кавалеріи; на укрѣпленіяхъ же и баштаряхъ находилось до 650 орудій. Провіанша было запасено на полгода. — Сверхъ сего въ Поршѣ между Корфу и Видо находились

свѣдующія морскія силы: 74 пуш. корабль *Le Généreux*, 54 п. *Le Leander*, 32 п. фрегатъ *La Brune*, одна бомбарда, двѣ галеры и чешыре полугалеры; всѣми оными начальствоваль храбрый и предприимчивый Капитанъ Лжоаль (Lejoille), который, находясь въ Абукирскомъ сраженіи, не только спасъ свой корабль, но на пуши въ Корфу взялъ съ бою Англинскій 54 п. *Le Leander*.

Островъ Корфу заключаль въ себѣ бо п. жиделей, кои вѣ желали усердно успѣха союзному флоту. Весьма многіе изъ дворянъ занималесъ торговлею и владѣли имѣніями въ Нижней Албаніи, кои при началѣ войны были заняты Турками. Желаніе вступитъ скорѣе въ управленіе оными, было по сему главнѣйшею причиною того нетерпѣнія, съ какимъ богаче Корфушцы ожидали сдачи своихъ крѣпостей. Осмальная же часть народа была расположена къ Россіянамъ по единству вѣроисповѣданія. Когда вѣсть о покореніи острова Св. Мавры пришла въ Корфу, то волненіе жиделей было столь явно и сильно, что Французы не могли унишить его безъ пожаровъ и кровопролитій.

Союзный флотъ, выступившій въ Средиземное морѣ, подъ начальствомъ Вице-Ад-

мирада Ушакова, соспояль изъ слѣдующихъ
кораблей и судовъ:

РОССІЙСКАЯ ЭСКАДРА.

Линейныя корабли.

1. 84 п. *Св. Павелъ*. В. А. Ушаковъ, Кап. 1 ранга Сарандинаки.
2. 74 п. *Св. Петръ*. Капишанъ 1 ранга Севявинъ.
3. 74 п. *Св. Захарій и Елисавета*. Кап. 1 ранга Селивачевъ.
4. 72 п. *Св. Троица*. Капишанъ 2 ранга Поскочинъ.
5. 72 п. *Богоявленіе Господне*. Кап. 1 ранга Алексіано.
6. 68 п. *Марія Магдалина*. Кап. 2 ранга Тимченко.

Фрегаты.

7. 50 п. *Григорій Великія Арменіи*. Кап. Лейпш. Шоскакъ.
8. 48 п. *Св. Михаилъ* Капишанъ 2 ранга Сорокинъ (*).
9. 46 п. *Св. Николай* Кап. Лейпш. Маринъ.
10. 44 п. *Сошествіе Св. Духа*. Кап. Лейпш. Конспаншиновъ.

(*) Александръ Андреевичъ, въ послѣдствіи Коншрь-Адмиралъ, ум. 1827.

11. 44 п. *Казанская Богородица*. Капишанъ
Лейш. Мессеръ (*).
12. 40 п. *Навархія Вознесеніе Господне*.
Кап. Лейш. Графъ Воиновичъ.
13. 32 п. *Счастливый*. Кап. Лейш. Белли (**).

А в и з ы.

14. 10 п. *Акатъ Св. Ирина*. Лейш. Влишо.
15. 14 п. *Судно Красноселье*. Лейш. Рябининъ.
16. 14 п. *Судно Панагія Апотулингана*.
Морскихъ башаліоновъ Капишанъ
Скандраковъ.

ТУРЕЦКАЯ ЭСКАДРА.

Линейные корабли о двухъ декахъ.

1. Подъ Адмиральскимъ флагомъ Кадыръ-Бей.
2. Подъ Вице-Адмиральскимъ флагомъ Па-шронъ-Бей.
3. Подъ Коншрь-Адмиральскимъ флаг. Реаль-Бей.
4. Подъ ординарнымъ вымпеломъ Каиш. Ибраима.

(*) Оома Оомичъ, нынѣ Вице-Адмиралъ и Директоръ Севастопольскаго Порта.

(**) Григорій Григорьевичъ, въ последствіи Коншрь-Адмиралъ, ум. 1825.

ФРЕГАТЫ.

5. Гуссейна.
6. Мегметъ-Бей.
7. Зейнера.
8. Херима.
9. Али-Бей.
10. Суземана.

КОРВЕТЫ.

11. Мусшафы.
12. Гуссейна.
13. — — —
14. — — —

Сверхъ сего находилось при Турецкой эскадрѣ 14 канонирскихъ лодокъ. Число всѣхъ Россійскихъ солдатъ, артиллеристовъ и мапрозовъ проспиралось до 7,500 человекъ; Турецкихъ же было около 6 ш.

Главнoкомандующій, находясь еще при оспровѣ Занпѣ, отправилъ для блокированія Корфинскаго пролива Капишана Селивачева съ кораблями: Захарій и Елисавета, Богоявленіе Господне и Папронъ-Бей; съ фрегатами: Григорій Великія Арменіи и двумя Турецкими. Отрядъ сей прибылъ на видъ Корфу 24 Октября, и едва жилили онаго узнали о приходѣ союзныхъ кораблей, какъ успѣшили прислать депушатовъ къ Капишану Селивачеву съ изъявленіемъ своей готовности къ содѣйствію Русскому флоту.

Капишанъ Селивачевъ, въ первый же день своего прибытія, предложилъ гарнизону капишуляцію. Посланный съ симъ въ Корфу Капишанъ-Лейпенантъ Шоспакъ былъ принятъ Генераломъ Шабо съ осплччнымъ уваженіемъ и пріязнію. Давъ въ отвѣтъ, что осажденные *не видятъ кому сдаваться*, Французскій Генераль убѣдилъ Русскаго парламеншера провести у него день: угостивъ его роскошнымъ обѣдомъ, вечеромъ ошправился вмѣстѣ съ нимъ въ шеапръ, гдѣ былъ предшавленъ балецъ: *Вшествіе Французовъ въ Каиръ*. Шабо былъ въ надеждѣ, что союзныя эскадры принуждены будутъ скоро оставить Корфу, по причинѣ поздней осени и приближенія зимы, шѣмъ болѣе, что изъ Анконы ошправлялось къ нему для подкрѣпленія до 3 т. свѣжаго войска.

Корабль Богоявленіе Господие и Турецкіе два фрегата заняли сѣверную часть Корфинскаго пролива, а ошальные корабли южную. 31 Октябрю ошрядъ Капишана Селивачева былъ усиленъ вновь прибывшими къ Корфу кораблемъ Св. Троица и двумя Турецкими фрегатами, подъ начальствомъ Капишана Поскочина, кои и сшали по южную сторону пролива. Во время пребыванія ошряда Капишана Селивачева при ошровѣ Корфу, корабль *Le Gépégeux*, коимъ началь-

спововалъ Лезоаль, неоднократно выходилъ изъ Порша и всупалъ въ переспрълку съ Россійскими кораблями, но до рѣшительнаго сраженія не доходило. Между тѣмъ отрядъ Капитана Селивачева захватилъ въ плавнѣ разбойничій бригъ о 18 пушкахъ со спа челоувѣками экипажа и еще нѣсколько подозрительныхъ судовъ, плававшихъ около острова.

Ноября 8 прибыли къ Корѣу еще четыре корабля и два фрегата подъ начальствомъ Главнокомандующаго, и сбивъ башпакъ карантиннаго острова, расположились полукружіемъ предъ островомъ Видо, флангами прошивъ старой и новой крѣпости. Въ сіе время весь соединенный флотъ имѣлъ слѣдующее распредѣленіе: корабль Захарій и Елисавета, Троица, Пашронъ-Бей и фрегатъ Григорій Великія Арменіи занимали южную; корабль же Богоявленіе Господне, фрегаты: Счастливыи и два Турецкіе сѣверную часть Корфинскаго пролива; корабли: Св. Павелъ, Марія Магдалина, Кадырь-Бей и Реаль-Бей, вмѣстѣ съ двумя Турецкими фрегатами стояли предъ островомъ Видо; судно Панатія Апостулинга и одинъ Турецкій корветъ лавировали въ проливъ около Албанскаго берега, откуда Французы могли получать продовольствіе; корабль Св. Пётръ

и фрегаты Навархія и Сомествіе Св. Духа, подъ начальствомъ Капишана Сенавина, оставались при островѣ Св. Мавры для устройства на ономъ новаго правленія; фрегаты Михаилъ и Казанская Богородица съ двумя Турецкими корветами и десятию канонирскими лодками находились при Африканскихъ берегахъ въ соединеніи съ Англійскою эскадрою. Остальныя же суда были отправлены по разнымъ мѣстамъ съ порученіями Главнокомандующаго. Спѣсивъ такимъ образомъ непріятелей, Адмиралъ спалъ помышляя о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

Главнымъ врагомъ для союзниковъ былъ не гарнизонъ острова Корфу, но Али-Паша Янинскій, причинявшій своимъ вѣроломствомъ и скрытными происками весьма много затрудненій и неудовольствій обоимъ Адмираламъ соединеннаго флота.

Еще при нападеніи своемъ на несчастный городъ Превезу, Али-Паша имѣлъ дерзость безъ всякой вины заключить въ оковы находившагося въ ономъ Россійскаго Консула въ Мальшѣ Ламброса. Вице-Адмиралъ Ушаковъ, до коего доходили безпрестанныя жалобы отъ жителей Парги и другихъ сосѣдственныхъ съ оною городовъ на жестокія притѣсненія Янинскаго деспота,

по прибытіи своемъ къ острову Св. Мавры немедленно отправилъ къ Али-Паши флота Лейтенанша Мешаксу, съ требованіями: освободишь Ламброса и оставишь въ покоѣ города, отнятые имъ у Французовъ въ Нижней Албаніи. Посланный офицеръ былъ принявъ въ Янинѣ со всеми знаками пріязни и вѣжливости; шаковыми же наполнилъ Али и письмо свое къ Россійскому Адмиралу, но что касалось до исполненія воли Главнокомандующаго, Паша сей ограничивался одними обещаніями. Уже по самымъ наспешнымъ просьбамъ и угрозамъ Ушакова и Кадырь-Бей, освободилъ онъ Русскаго Консула, но зная, что соединенный флотъ былъ занятъ военными дѣйствіями противъ Французовъ, не переставалъ угнетать несчастныхъ жителей, имъ вновь покоренныхъ. Чтобы оправдать себя въ семъ поведеніи, Али силою принуждалъ ихъ подписывать бумаги, гдѣ они изъявляли ему свою признательность за великодушное его съ ними обхожденіе и неусыпныя заботы о ихъ пользѣ. Таковыя бумаги Али-Паша отправлялъ въ Конштантинополь, дабы, въ случаѣ жалобъ на него со стороны Россійскаго Адмирала, Диванъ почелъ оныя за несправедливыя и чрезъ то уменьшилъ къ нему свою довѣренность. Къ счастью для Ушакова личное къ

нему уваженіе Султана и Верховнаго Визиря, также искренность Кадырь-Бея удаляли все неудовольствія, какія желалъ навлечь ему Правитель Янины. Такимъ образомъ Главнокомандующій имѣлъ дѣло съ двумя непріятелями; съ шюю разностью, что дѣйствія одного были явны, а другаго скрытны, и следовательно несравненно опаснѣе.

Между шѣмъ, какъ Ушаковъ убѣждалъ Корфионовъ поднять оружіе противъ Французовъ, корабль *Le Génereux* имѣлъ 12 Ноября сраженіе съ нѣкошорыми Россійскими кораблями. Вышедъ изъ порша, оный открылъ огонь по кораблю Троиць, который въ сіе время стоялъ по южную сторону Корфинскихъ крѣпостей; увидѣвъ же, что ближайшій къ оному корабль Капшана Селивачева началъ сниматься съ якоря для поданія помощи ашпакованному, ушелъ подъ крѣпостныя пушки. По прошествіи получаса, Лежоаль вышелъ съ другой стороны порша, и началъ перестрѣлку съ кораблемъ Св. Павла, который находился близъ карантиннаго острова, и замѣтивъ приближеніе непріятеля, оборонился къ нему шпрингомъ. Разстояніе между обоими кораблями было шюль велико, что Русскія пушки должны были производить навѣсныя выстрѣлы, Артиллерія Адмиральскаго корабля дѣйство-

вала однако довольно удачно: повредила кормовую галерею непріятельскаго корабля, сдѣлала нѣсколько пробоинъ въ его борщѣ и сбила гикъ, съ коимъ вмѣстѣ опустился флагъ. Пошерявъ къ шому еще нѣсколько человекъ убитыми, Французскій корабль поворошил оверъ-шшагъ, и снова ушелъ подъ крѣпость.

(*Окончаніе впрѣдъ.*)

III.

Ф И Л О С О Ф І Я.

О нравственномъ усовершенствованіи человека во всѣхъ возрастахъ.

(*Изъ Degerando.*)

Человѣкъ рождается съ способностями и склонностями; онъ рождается подчиненный законамъ, копорые узнаешь посредствомъ своихъ способностей, и сіи законы должны руководить его склонностями: вошь все, что онъ приноситъ съ собою въ свѣшь. Чашю, предполагая въ дѣшяхъ правила основныя, дѣйствительныя, мы требуемъ ошь нихъ шого, чего собственно они имѣють не

могушь ; въ то же время, прошиворѣча самимъ себѣ, мы обременяемъ дѣшей дарами, копорыми сами обладаемъ; между тѣмъ какъ надлежало бы только оказывать пособія къ пріобрѣшенію имъ предназначеннаго. Удивляющся, не находя добродѣшелей врожденныхъ. „Дѣши не имѣють жалоспи,“ говорятъ ж эпо принимаютъ за истину, пошому что и Лафоншенъ говоритъ шоже; но не замѣчаютъ, что жалоспъ предполагается послѣдованія сужденій, копорыя совокуцляютъ дѣши почти еще не въ состояніи. „Дѣши эгоисты,“ говорятъ также, но не замѣчаютъ, что у нихъ нѣтъ почти ничего, что могли бы они отдать другимъ, а любовь обнаруживается пожертвованіями.

Первоначальное дѣшество повинуется способностямъ срадашельнымъ; жизнью чувственною оно готовится къ посшепенному ходу жизни высшей, и пошому должно исполнять всѣ ея условія. Между тѣмъ взгляните со вниманіемъ на улыбку ребенка, еще въ колыбели, когда ласкаетъ его мать: вы замѣшите въ немъ что-шо такое, чего не найдете въ черпахъ никакого живошнаго; вы увидите въ немъ какъ бы ранній разсвѣтъ жизни нравственной. Дѣши скоро узнають пріятность быть любимымъ. Они рано пріобрѣшаютъ понашія о спра-

ведливости, и сіе понятіе въ нихъ весьма правильно: они сильно его чувствуютъ. Въ дѣлахъ мы находимъ то, чего ошъ нихъ ожидашь должно: сѣмена, зародыши, которыхъ созрѣніе зависишь ошъ благопріятнаго вліянія; но ихъ произрастенію часто препятствуютъ обстоятельства, а иногда невѣжество самихъ наставниковъ. Себялюбіе показывается въ первомъ возрастѣ, чащею безъ всякаго покрова, и уже ли оно въ самомъ дѣлѣ въ нихъ сильнѣе, чѣмъ въ возрастахъ послѣдующихъ? или оно только обнаруживается съ большею опкровенностію и чистосердечіемъ? Впрочемъ сіе себялюбіе не озарено еще сужденіемъ и опытомъ, долженствующими согласишь его съ безкорыстнымъ пожертвованіемъ.

Изъ двухъ нравственныхъ силъ, первенствующихъ въ челоуѣкѣ и долженствующихъ вести его къ совершенству, любовь къ добру первая показывается во всемъ блескѣ, и шакъ бышь должно: ибо надобно предположишь себѣ цѣль, рѣшишься избрать ее, одушевишься желаніемъ достигнуть оной, прежде чѣмъ изыскашь и приготовишь средства, къ ней ведущія. И сія любовь къ добру есть принадлежность юношества: она имѣеть для него прелесть совершенно особенную. Чшо на землѣ превос-

ходнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновеннѣ, какъ сердце юноши, раскрывающееся для внушеній добродѣтели и въ то же время ощущеній любви? Онъ обрекаетъ себя, какъ избранный Левитъ, служенію общаго блага, съ свойственнымъ ему одному чистосердечіемъ, съ способностями еще двѣсвенными. Человѣчество радуется при видѣ добродѣтельного юноши, какъ радуется мать у колыбели своего первенца. Семейство, въ нѣдрахъ кошораго распускается сей прелестный цвѣтокъ, какъ бы одушается его ароматами. Размышленія его исполнены сѣмянъ благошворныхъ, его поступки — обѣщанія, его дни богаты будущностью. И какъ не стремиться ему на поприще добродѣтели? Все ему благопріятствуетъ: онъ не страшится ни прошивоборствующихъ обстоятельствъ, ни разочаровывающихъ сомнѣній; онъ не былъ еще обманутъ; ему не вѣдомо то, что покажетъ ужасный опытъ; онъ едва примѣчаетъ свои ошибки. Исполняя свой долгъ, онъ только слѣдуетъ своимъ склонностямъ; онъ болѣе наслаждается, чѣмъ жертвуетъ. Благодашная заря жизни нравственной! стремленіе благородное ко всему изящному и доброму! спокойствіе непорочности, еще ни чѣмъ невозмущенное! неушолимая жажда души олицетворить на

земля идеаль свой! Зачѣмъ васъ не знаюшь всѣ шѣ, кошорыхъ природа призываетъ наслаждаться вашими благодѣянiями? Зачѣмъ вы исчезаете шакъ быспро, въ слѣдъ за наслажденiемъ вашего счастья? Для чего сіи ложные призраки, часшо похищающіе у юношества сокровища, ему предопредѣленныя? Для чего сіе зловредное дуновение спрассей, изсушающее шпелель прекрасныхъ надеждъ? сія опышность, пробуждающая опъ упоительныхъ волненiй души? — Бѣольшая часть заблужденiй юношества происшествуетъ опъ желанiй, самихъ по себѣ похвальныхъ, но желанiй еще не поняныхъ разумомъ, не подчиненныхъ его правиламъ и не вступившихъ въ предѣлы власти надъ самимъ собою; и шакъ, чшобъ дополнишь власть сію, шполь еще несовершенную въ юношество, добродѣтель украшаетъ для него прелестями болѣе разительными.

Если, при самомъ вступленiи юноши на поприще жизни, любовь къ добру можетъ шакъ сильно на него дѣйствовать, если даже она свободнѣе раскрывается въ душѣ еще новой, за шю, напрошивъ, власть надъ самимъ собою прiобрѣтается постепенно и продолжительными усилиями. Горшность къ повиновенiю и уваженiе къ совѣшамъ, замѣняютъ въ юношѣ сію власть,

въ немъ шакъ еще слабую. Юношшъ должна чувствовашь необходимость зависимости , пошому что она мало способна пользоваться властью , кошорую человекъ имѣеть надъ самимъ собою. Чувство уваженія къ другимъ охраняеть чистоту нравовъ его и ограничиваетъ желанія. Чшобъ одушевиться любовію къ полезному , юноши споишь шолько взглянуть на образцы и вникнуть въ собственное свое сердце, но чшобъ предостеречь себя отъ заблужденій энтузіазма, даже къ доброду , ей необходима собственная бдительность и недоувѣрчивость къ самой себѣ; ей нужно знать своихъ вожашихъ и понимать ихъ; ей нужны правила , кошорыхъ она шакъ спрашится ; въ нихъ она должна найти предметы , кошорые, обуздывая ее, усилятъ знанія, замѣняющія ей опытность.

Вшорая нравственная сила: власть надъ самимъ собою, предназначена возрасту зрѣлому ; въ сей эпохѣ возраста все уже спановишся болѣе шихимъ , и вмѣстѣ съ шѣмъ не онъ ли встрѣчаетъ повсюду препяшствія и преграды ? не его ли удѣль пошоянство и шерпѣніе? Ему уже менѣе необходимы порывы душевные , ибо онъ не предпринимаетъ , а шолько продолжаетъ ; ему не шолько нужно пособій , пошому что

онъ менѣ имѣешь прецонь. Между тѣмъ возрастъ зрѣлый имѣешь также свои опасности менѣ чувствительныя, менѣ замѣшныя, чѣмъ окружающія юношество, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, отъ чего-то болѣе спрашныя. Это уже не бурные порывы спрашей, напрошивъ — это дѣйствіе спрашей охлажденныхъ, — дѣйствіе, которое распространилось бы до центра жизни нравственной, если бы ему постоянно не противоборствовали: это безплодныя размышленія, раждающіяся отъ расчетовъ матеріальныхъ; слѣпыя привычки, которыя со всякимъ днемъ возрастають и спановяща болѣе и болѣе тягостными; это также излишняя заботливостъ о внѣшнихъ предметахъ, происходящая естественнымъ образомъ отъ самыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находимся; это, можешь быть, также внушеніе ложной мудрости, которая въ опытности, еще поверхностной и несовершенной, насъ окружающаго, видишь печальныя доказательства ученій эгоизма, обвиненія помысловъ великодушныхъ; это наконецъ, даже и въ людяхъ добродѣтельныхъ, есть злоупотребленіе власти надъ самимъ собою: они бояща довериться благополучію, а вмѣстѣ съ тѣмъ изсушають нѣкоторые источники любви къ добру. Тако-

выя измѣненія производятся медленно и нечувствительно. Мы удивляемся, когда, сравнивая себя съ пѣмъ, что были въ молодости, находимъ въ себѣ совершенную перемену. Сему непримѣтному вліянію должно непрерывно поставлять сопротивленія; на сей рядъ дней всегда единообразный, необходимо возжигашь огонь жизни нравственной: непрерывное усовершенствованіе разума есть лучшая преграда отъ порабощенія привычекъ; дѣятельность нравственная сохранишь среди дѣятельности внѣшней; частыя пожертвованія пользѣ другихъ, предохраняшь сердце отъ загроубнѣнія и нечувствительности; ибо чувство замираетъ безъ употребленія. Больше всего мы должны спарашься свято сохранишь эту вѣру къ добру, какъ единственное сокровище человѣка, — которую всякій день сполько общоупельствъ могли бы похититъ у насъ, если бъ мы не призывали сихъ обманчивыхъ призраковъ въ судилище нашихъ воспоминаній и нашей совѣсти.

И нисходимъ ли мы въ самихъ себя, разсматриваемъ ли сцену свѣта, при первомъ взглядѣ, кажешься, что прекрасное время юношества, есть также и лучшее время жизни, и что человѣкъ вообще съ умноженіемъ лѣтъ болѣе упадаешь, нежели воз-

вышаеяся въ отношеніи его нравственныхъ способностей. Такое слѣдствіе, безъ сомнѣнія, было бы весьма прискорбно; не менѣе того мы бы должны были собрать все наши силы, чтобы браться съ такимъ стремленіемъ. Но въ этомъ случаѣ мы слѣдуемъ болѣе первому впечатлѣнію, чѣмъ сужденію здравому, и это впечатлѣніе насъ обманываетъ, потому что мы смѣшиваемъ наслажденіе добра съ самымъ употребленіемъ онаго. Сіе наслажденіе можетъ съ лѣтами поперять нѣкоторыя самыя ощущительныя прелести; но сіи прелести даются вступающимъ въ свѣтъ, чтобы дополнить въ нихъ недостатокъ силъ. Энгузіазмъ, хорошо направленный, можетъ споспѣшествовать усовершенствованію, но онъ не составляетъ совершенства. Съ лѣтами образованность приходитъ въ лучшее соотношеніе съ впечатлѣніями, способности стремятся къ почтѣйшему равновѣсію, и въ этомъ-то состояніи истинное усовершенствованіе. Человѣкъ не можетъ упасть нравственно, пока онъ не лишится существенныхъ силъ дѣлать добро, и если сіи силы не возрастаютъ по мѣрѣ распространенія олышенности, просвѣщенія ума, увѣренности въ самомъ себѣ, убѣжденія въ добродѣтели, въ такомъ случаѣ должно обви-

няшь не возрастъ, но единственно наше собственное нерадѣніе. Очень естественно, что картина добродѣтелей юношескія поражаетъ болѣе наши взоры, дѣйствуетъ сильнѣе на наше воображеніе; но зрѣлище добродѣтелей постоянныхъ, тихихъ возраста зрѣлаго разувѣришь внимательнаго наблюдателя въ сей боязни постепеннаго пониженія. По непремѣнному свойству чловѣка, въ немъ силы нравственныя не только не уменьшаются вмѣстѣ съ силами физическими, но могутъ напрошивъ еще усиливаться, когда послѣднія упадаютъ. Есть люди, которые до могилы сохраняютъ юность сердца; мы видимъ всякій день сему разительныя примѣры. Старость нравственная существуетъ только для одного эгоизма: пріобрѣтенное имъ и надежды его уничтожаются съ годами. Любовь къ добру, сія истинная любовь, всегда сопутствуемая добродѣтелью и безпорочностью сердца, не угасаетъ еще, и подъ хладомъ лѣтъ; она желаетъ разлишь вокругъ себя сокровища, ею накопленныя, думая шѣмъ какъ бы праздновать свой пріумѣъ, готовящій ее къ новому и высшему предопредѣленію.

Слѣдствія лѣтъ предшествовавшихъ насладуешь старость. Безъ сомнѣнія, нѣтъ ничего печальнѣе сего одряхлѣнія души, ко-

шорымъ оканчиваешся жизнь, пожранная
 эгоизмомъ; но за шо, какую вкушаешь сла-
 дость въ воспоминаніяхъ шохъ, кто обрекъ
 себя изысканію лучшаго! Кажешся, добродѣ-
 шель, видя приближающимся свой часъ на-
 грады, оживляешся, какъ бы проникнушая
 шайною радостію. Впрочемъ, что ешть по-
 спояннаго, непремѣннаго, необходимаго въ
 нравственномъ отношеніи челоука въ семь
 мірь? Въ послѣдніе годы, въ послѣдніе дни
 жизни, время еще возвращишься къ добродѣ-
 шели, кошорая, какъ снисходительный
 другъ, всегда гощова приняшь насъ; каковы
 бы ни были наши успѣхи, предъ нами от-
 крывается новое поприще въ дѣлахъ сама-
 го успокоенія; періодъ нашихъ преклонныхъ
 дѣлъ ешть также періодъ воспішанія, и
 какого воспішанія? Ибо къ какому опредѣ-
 ленію оно должно вести насъ! Безъ сомнѣ-
 нія, шшаросшь лишена нѣкошорыхъ пособій:
 но если она встрѣчаетъ преляшшвія, ей
 свойственныя, если она должна борощься
 съ усшалостію, изнеможеніемъ, робостію,
 съ прискорбнымъ порабощеніемъ привыч-
 камъ; можешь бышь, съ шайнымъ располо-
 женіемъ къ недовѣрчивости; за шо у нее
 менѣе непріяшелей, она имѣешь многія и
 сильныя вспоможенія; она собираешь плоды
 опышности, кошорая въ шочномъ значеніи

есть высочайшее учение добродѣтели; ея атмосфера пиха, ясна. Сіе воспішаніе спаросши заключаешся въ двухъ правилахъ: изыскашь, присвоишь себѣ всѣ средства для сохраненія нравственной дѣятельности, и сблизишься съ людьми снисходительностью и добродушіемъ. „Такимъ образомъ воля не пошеряешь своей силы, между тѣмъ ощущенія будешь всякій день оживляшься.“ — Впрочемъ сіи два правила неразлучны: ибо сфера дѣятельности спарца наиболѣе имѣешь предметомъ распространить на другихъ свои благошворенія. И можешь ли спарость ропшашъ на мнимую свою бесполезность? Добродушіе спановишся въ ней болѣе привлекашельнымъ, болѣе шрогашельнымъ; какое-то умиленіе смѣшиваешся съ почтеніемъ, ею внушаемымъ; ея слова возвышенны и нѣжны, какъ прощальныя звуки. Сколько еще превосходнаго можешь произвешти добродушіе прешарѣлыхъ! Эшо цвѣшны осени, въ изобиліи раждающіеся подѣ ихъ спопами; ихъ единственная забота — благополучіе ими любимыхъ; они, шакъ сказашъ, за тѣмъ шолько владѣють, чшобъ передашь другимъ; ихъ великодушіе спѣшишь разлишь дары свои, какъ бы боясь цощеряшь время; сіе великодушіе болѣе совершенно, болѣе самосшощательно: ибо въ благодѣянїяхъ, ими оказывае-

мыхъ , они не могутъ уже имѣть желанія
 возвраша; и какія воздаянiя для нихъ на зе-
 млѣ , если не воздаянiе собственнаго до-
 бродушiя ? И дѣйствительно , какъ высока
 цѣна даровъ спароси ! Не ей ли предназна-
 чено распроспранять между людьми испин-
 ныя и полезнѣйшiя благодѣянiя , по естѣ ,
 примѣры и совѣты . Спароси естѣ надзи-
 рательница нравовъ , пошановленная самимъ
 Провидѣнiемъ ; она благородспвуется , освя-
 щается , исполняя свое назначенiе ; мы улуч-
 щаемся , усовершенспвывая другихъ . Чшобъ
 исполнишь долгъ свой , спароси должна
 бышь привѣшливою ; она должна говоришь
 языкомъ шѣхъ , копорыхъ научаешъ . Она
 должна нисходишь въ кругъ ихъ : эшо ожи-
 вишь , смягчишь ее . Тайное побужденiе вле-
 чешъ спароси къ младенчеству , пошому
 чшо дѣшству необходимы уроки , копорыхъ
 не даюшь книги ; она любишь находишь въ
 дѣшяхъ образы шѣхъ истинныхъ благъ , ко-
 порыхъ время не измѣняетъ и копорыхъ
 цѣну опытность жизни заспавляетъ болѣе
 и болѣе извѣспвовашь , — шѣхъ благъ , коихъ
 эмблема чистосердечiе , и залогъ непороч-
 ность . Эшо сближенiе двухъ крайнихъ воз-
 расшовъ , производимое добродушiемъ , естѣ
 какъ бы благословенiе , даваемое всшупаю-

щимъ въ свѣтъ, шѣми, которые его оспа-
вляють.

Въ женщинахъ гораздо менѣе замѣтна
разница, чѣмъ въ мужчинахъ, между юностию
и зрѣлымъ возрастомъ нравственнымъ: по-
тому-то онѣ скоро достигаютъ сего по-
слѣдняго и сохраняють гораздо долѣ свой-
ства юности. Любовь къ добру, кажется,
въ нихъ первенствуетъ, какъ власть надъ
собою въ мужчинахъ, и онѣ имѣють всѣ
свойства, принадлежащія высшей степени
сей силы нравственной, будучи непрерывно
подвержены опасностямъ, происходящимъ
отъ нарушенія нравственнаго равновѣсія.
Сія нравственная сила внушаетъ имъ го-
товность къ пожертвованіямъ. По этому
онѣ въ высочайшей степени одарены спо-
собностью любить и способностью само-
отверженія. Онѣ обладаютъ счастьемъ вся-
кой своей обязанности придавать особен-
ную прелесть. Всѣ обязанности для нихъ
священны, олицетворены. Имъ также пре-
доставлено счастье обладать добродѣтелями
неизвѣстными и болѣе шрудными. По-
прище усовершенствованія ихъ, кажется,
ограничено предѣлами болѣе шѣсными, и
поэтому не далѣе ли мужчинъ онѣ уходятъ
на немъ? Ихъ достоинство возвышается по
мѣрѣ пожертвованій, шребуемыхъ отъ ихъ

великодушія, по мѣрѣ того, чѣмъ важнѣе случай, могущій доказать ихъ любовь и силу, съ какою онѣ любящъ. Хотяшъ ли оны ихъ собственнаго ихъ пожертвованія — оны жертвуютъ. Это очевидно доводитъ насъ до основной истины, что усовершенствованіе бываетъ для каждаго частное, особенное; нигдѣ сіе такъ незамѣтно, какъ въ усовершенствованіи двухъ половъ, хотя высшая цѣль ихъ одна и та же. Кажется, что назначеніе однихъ состоитъ въ направленіи къ жизни нравственной всѣхъ силъ жизни чувственной, тогда, какъ назначеніе другихъ — въ направленіи къ тому же всѣхъ силъ жизни духовной; что первымъ принадлежитъ готовность пожертвованія собою, послѣднимъ сила; дабы вспомоществуя взаимно чувствами и умомъ, нѣжностію и мужествомъ, они стремились соединиться любовью къ сей благодатной жизни, которая есть истинная дѣятельность и совершеннѣйшая любовь. Существенное воспитаніе имѣетъ цѣлю: въ женщинахъ образованіе сердца, которое есть эгида чувствительности, — въ мужчинахъ — умъ, эгиду силы: ибо оны есть основаніе власти надъ самимъ собою.

Павл... Атр.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Два года въ Константинополѣ и Моревѣ (1825 и 1826), или Историческія замѣтки о Султанѣ Махмутѣ, Янычарахъ, новыхъ Турецкихъ войскахъ, Ибрагимѣ Пашѣ, Солиманѣ Бевъ и пр.; сочин. С. Д.

(Продолженіе.)

Сочинитель приводитъ еще одинъ случай изъ прежнихъ временъ, но малоизвѣстный, доказывающій, что иногда высшій Турецкій чиновникъ можешь позабышь врожденную жестокость своихъ единоземцевъ, и поерживовашъ даже порывами личнаго мщенія, въ нѣкоторой степени оправдываемаго нравами и предразсудками его народа. Сынъ одного Великаго Визиря спраспно влюбился въ молодую и прекрасную Армянку, кошорая незадолго передъ шѣмъ, вышла замужъ; онъ многократно покушался обольстить ее; но какъ упорные отказы ея разжигали еще болѣе спрасшь его, шо онъ искалъ шолько случая насильствомъ удовлетворить оную. Мужъ Армянки, узнавъ о шомъ, видѣлъ, что не иначе можешь избѣ-

гнать сего безчестна, какъ умертвивъ Визирскаго сына, и согласясь въ шомъ съ своею женою, закололъ его. Трупъ былъ щцашельно скрытъ, и никакое подозрѣнiе не падало на убійцъ. Молодая Армянка была Каполическаго исповѣданiя, такъ какъ и большая часть Армянъ Константинопольскихъ. Терзаясь угрызенiями совѣсти, она пришла къ Армянско-Каполическому священнику, которому ввѣрилась, и открыла ему свое преступленiе. Сей человекъ, узнавъ столь важную тайну, смаль ей грозилъ, что объявитъ о шомъ, если ему не уплачатъ большой суммы денегъ, какую онъ назначилъ. Этого мало: не одно корыслолюбiе было спрасшью сего чудовища; онъ осмѣлился Армянкѣ сдѣлать и другiя порочныя предложенiя; но на сей разъ ушелъ съ отказомъ. Мнѣ можно было, ошвѣчала ему оскорбленная женщина, купить за деньги швое молчанiе; но никогда я не куплю его цѣною моей чести. Между шѣмъ Визирь, безпокоясь о шомъ, что сынъ его не являлся, велѣлъ черезъ народныхъ крикуновъ обѣщать въ городѣ и въ окрестностяхъ значительную сумму денегъ тому, кто подаетъ ему вѣсть о его сынѣ. Корыслолюбивый священникъ нашелъ здѣсь случай къ мести: онъ явился къ Визирю, и донесъ на несчастную чешу. Визирь велѣлъ

предсказавши къ себѣ Армянку и ея мужа, копорые шли уже на вѣрную смерть. Ихъ допросили, и они показаніями своими подтвердили слова доносчика. Однако же, не дѣлая еще никакого приговора, злопозуный ошець велѣлъ спросишь у Паптріарха, въ зависимости коего находящія все Кашолическое духовенство одного съ нимъ народа: какое наказаніе заслуживаешь священникъ, нарушившій свою присягу? Получивъ въ отвѣтъ, что шаковый заслуживаешь бышь сожженъ огнемъ, Визирь осудилъ недостойнаго священника на сію казнь; пошомъ сказалъ супругамъ, заливаясь слезами: „я ошець, но я правосуденъ; идише, я прощаю васъ; сынъ мой былъ виновенъ.“ Тушь же онъ велѣлъ своему казначею выдать Армянкѣ шу сумму, копорую заплашила она священнику, чщобъ купишь его молчаніе. Сей поступокъ смѣло можешь сравнишья со всеми прекраснѣйшими чершами въ Исторіи; но мало такихъ примѣровъ бываешь въ Турціи.

Нынѣшній Сулшанъ, Махмушь, родившійся въ 1804 году (*), взошелъ на пре-

(*). Здѣсь, вѣроятно, опечатка въ подлинникѣ. Извѣстно, что Сулшанъ Махмушь родился въ 1785 году. *Прим. Пер.*

столь убійствомъ своего брата Мустафы, который самъ былъ убійцею несчастнаго Селима. Сей Султанъ соединяетъ въ себѣ съ ограниченными видами великую твердость характера и ошчаянную свѣдосѣвь. Онъ показавъ, во время буншовъ, предшествовавшихъ смерти Селима, и последовавшихъ за оубю, равно какъ и въ нынѣшнее время, чудесную силу духа. Когда онъ узналъ, что возмущеніе было между Янычарами, и что сіе возмущеніе, сильнѣйшее въ Имперіи Опшоманской, хотѣло подать знакъ мятежа, то воскликнулъ съ яростію: *Я вспыхну перерѣжу — или плугъ пройдетъ по развалинамъ Стамбула*. Известно, до какой степени онъ выполнилъ сію угрозу. Но главныя черты его характера — корыстолюбіе и звѣрство. Сочинитель, въ подтвержденіе сказаннаго имъ о семъ Султанѣ, приводитъ многіе примѣры его жестокости. Три брата Дузь-Оглу, Армянскіе банкиры, коихъ все преслупленіе состояло въ чesпно-нажиномъ богатствѣ, были схвачены въ одну ночь, скованы и приведены въ одно изъ опдѣленій Серая, гдѣ ихъ измучили пытками и предали смерти. Сказываютъ, что одинъ изъ нихъ передъ гибелью своею, изрекъ ужасныя проклятія на Султана и на Турокъ: „да испребитъ васъ мечъ Рус-

*

скихъ," говорилъ онъ умирая: „и да содѣлаюшъ Христіанскіе народы Константинополь мѣстомъ запустѣнія и костей.“ Спусти нѣсколько мѣсяцевъ, Гадешъ-Эсенди, любимецъ Султана, присовѣщавшій ему убійство и присвоеніе имущества сихъ шрекъ брашьевъ, былъ также удавленъ по повелѣнію своего владѣльца. „Я былъ однажды," говоритъ Сочинитель: „въ Арнаушъ-Кене, селеніи, лежащемъ на берегу Босфора. Увидѣвъ шопу народа собравшуюся подлѣ одного прекраснаго дома, изъ любопытства я подошелъ, и что же увидѣлъ! шрунь, лежавшій въ пыли. Я вздрогнулъ, узнавъ въ немъ того человека, котораго за нѣсколько дней видѣлъ я прогуливавшагося въ лодкѣ по Босфору со всѣмъ его семействомъ. То былъ Еврей Чапчи, одинъ изъ лучшихъ Константинопольскихъ банкировъ. Онъ былъ любимъ всѣми Евреями, коихъ онъ былъ подпорою, благошворнымъ духомъ, и никогда бѣдный, явля къ нему, не отходилъ съ порожними руками. Но онъ былъ богашъ, и это одно было причиною его гибели. Боспанджи Баши, съ нѣсколькими Серазьскими прислужниками, прибылъ къ несчастному Израильянину. Не думая вовсе о предстоящей ему бѣдѣ, Чапчи благодарилъ ихъ за сію неожиданную честь и радовался, видя ихъ у себя.

Она угощала ихъ какъ можно лучше, подчивала ихъ шербкою, кофе, конфекшами. Съ четверть часа длился самый веселый разговоръ; вдругъ Воспандан и его клеветники вскочили, какъ бышеные бросились на Чапчи, и тогда какъ одинъ зажалъ ему ротъ рукою, другой веревкою обвилъ ему шею и зашвырнулъ веревку прихвѣленную къ ней за вершокую. Тѣло брошено было на набережной Арнаушъ-Кене. Въ его богатства и дома онази добычею Сулшана.

Но болѣе всего деспотизмъ Сулшанскій тяготѣетъ надъ несчастными Греками. По возмущеніи Янычаровъ и истребленіи ихъ, о чемъ скоро будемъ мы говорить, составлены были списки осужденныхъ на смерть. Одинъ *Густа* (Полковникъ Янычарскаго полка), виновный или невинный, того не знаю, былъ внесенъ въ роковые сіи списки. Боясь, чшобы единоземцы не измѣнили ему, когда спашетъ просить у нихъ помощи, онъ обратился къ Христіанину. Онъ вѣрно предвидѣлъ, что найдетъ у Христіанъ болѣе челоувколюбія, и событіе оправдало его надежду. Васибеки, молодой Грекъ, принялъ его у себя, скрылъ его какъ только могъ, въ надеждѣ, что доставитъ ему способъ уйти. Чрезъ недѣлю послѣ убійства, Сулшанскіе чиновники пришли въ его домъ, объявляя

что должны сдѣлать у него въ домъ неваж-
ный обыскъ. Каковъ былъ страхъ молодого
Грека! и каковъ долженъ былъ страхъ не-
счастливаго изгнанника, спрашавшаго въ сун-
дукъ, гдѣ онъ едва могъ дышать! Уде обыскъ
приходилъ къ концу, когда одинъ Турокъ,
наущенный замъ духовъ, опирь сундукъ
Густа былъ схваченъ, приведенъ въ Кон-
стантинополь и казненъ. Но не думаете ли,
что Грекъ, котораго весь просвѣдокъ со-
стоялъ въ великодушїи, опася оми нести
Султанской? . . . Махмушь, раздраженный на
сей несчастный народъ, велѣлъ его схватить
и предать палачамъ.

„Разскажу и другой еще случай: они при-
ходяшь мнѣ на умъ шлопою. *Афендули*, одно
изъ почешивѣйшихъ Греческихъ семействъ, жи-
ли зимою въ Куру-Чекли, пришиомъ селенїи,
на Европейскомъ берегу Босфора, а лѣпомъ
въ загородномъ домъ на Княжескихъ оспро-
вахъ. Они были богаты и жили очень со-
гласно между собою. Отець сего семей-
ства, почтенный старикъ, оказалъ уже мно-
гя важныя услуги Султану; но какую цѣ-
ну имѣюшь услуги въ глазахъ челоука, му-
чимаго алчною корыстолюбїи и нещадяща-
го, въ угоду порочнымъ своимъ влѣренїямъ,
ни лѣшь, ни пола, ни добродѣтели? *Афен-
дули* находились на Княжескихъ оспровахъ,

вовсе не драгиды ужасной участи, грозившей имъ, когда въ одинъ день Султанъ пошребовалъ къ себѣ отца и обоихъ сыновей. Едва вошли они въ Серай, какъ были схвачены крошечниками, безпрестанно окружающими прѣстолъ Султанскій, увлечены въ ихъ домъ въ Куру-Чекме и брошены въ самый глубокий прудъ ихъ сада. Собственность ихъ тотчасъ взята Султаномъ. Прочіе члены ихъ семейства находившся въ такомъ безпокойствѣ, котораго ничто не можетъ изобразить. . . . Наконецъ является посланный отецъ Султана. Едва онъ появился, какъ Елена, одна изъ дочерей Асендули, выбѣжала на порогъ своего дома, и вскричала голоею опчаяніемъ: „Какую вѣсть принесъ ты? говори!“ — „Радуйся,“ отвѣчала злодѣй съ адскою насмѣшкою: „радуйся: Султанъ оказалъ твоему отцу и братьямъ величайшіе знаки милосердія. Ты хочешь узнать о томъ, не правда ли? подари мнѣ что нибудь, тогда я скажу.“ Сія ложь, внушенная корыстью, возвратила на нѣсколько минутъ надежду сему несчастному семейству. Тотчасъ подаю было угощеніе Султанскому чиновнику, и иногда какъ онъ сидѣлъ за столомъ, ему поднесли вышитую шаль въ 1200 піаспировъ. Разсыпаясь въ благодареніяхъ симъ женщинамъ, онъ вспалъ и сказалъ: „Асендули по-

мерли; мой Государь велѣлъ отобрать ваше имѣніе и отъехать домъ уже не вашъ". . . . Черезъ два дни, чиновники навхали и выгнавъ оставшихся въ живыхъ членовъ семейства Аюендули изъ загороднаго ихъ дома.

Черезъ нѣсколько времени, Султанъ присутствовалъ при играхъ въ *джирридъ*, которыми занимались при немъ черные его евнухи. Вдругъ услышалъ онъ выстрѣлъ: молодой Грекъ пробовалъ ружье, которое только что купилъ. Султанъ велѣлъ его привести, и обвинялъ его въ шомѣ, будто бы Грекъ хотѣлъ его застрѣлить. Онъ былъ Грекъ и поному виновенъ въ глазахъ Махмуша, и за то безжалостно былъ шупъ же зарѣзанъ. Должно согласишься, что Султанъ сей расчешливъ въ своихъ свирѣпствахъ: вообще Турки (кромя Янычаровъ и ихъ общниковъ) исключаются изъ кровавыхъ его приговоровъ, которые падаютъ предпочтительно на *Райевъ*, ш. е. Армянь, Жидовъ и особенно Грековъ, ему подвластныхъ. Известно при томъ, что Турки приписываютъ Султану даръ — получать иногда вдохновенія свыше, въ силу коихъ, по старинному какому-то закону, безъ дальняго суда жертвовашь каждый день 14-ю изъ своихъ подданныхъ, и никто изъ Мусульмановъ не въ правѣ что-либо сказать про-

жизнь много. Пятнадцатой долей было бы слишком много, и благоразумнее оставив ее на голову опасного или подозрительного человека, до завтра.

Не сии жестокости более всего возмутили жителей Константинопольских провинций их владыка; но уменьшение ценности в звонкой монете нанесло роковой удар их торговле и выгодам. Более трех десятилетий часовой лигашурки подмѣщено в золотыя и серебряныя деньги, кои однако жъ, въ расчетахъ между Правительствомъ и подданными, удержали именованную свою цѣну(*). По сему-же измѣненію монеты, все то, что Турки покупаютъ у иностранцевъ, обходится имъ более чѣмъ вдвое противъ прежней цѣны.

Султанъ можетъ имѣть семь законныхъ женъ, получающихъ пишуль Султаншъ; сверхъ того содержитъ онъ сколько невольницъ, сколько ему заблагоразсудится. Сии послѣднія называются *Одалыками*, онъ сло-

(*) Турецкій піаспръ состоитъ изъ 40 паръ, и стоилъ прежде отъ 2 руб. до 250 коп.; теперь онъ стоитъ не болѣе 35 коп. Прежнія золотыя монеты, стоившія 30 піастровъ, плашятся теперь по 60 и болѣе. Доходъ Султана полагается до 200,000,000 рублей.

на одо, комнашы, въ которыхъ ихъ запер-
раюшь. . . Я не могу вообщить подробныхъ
ныхъ свѣдѣній о Гаремъ Султановомъ: ну-
да никто не можешь зайти. Знаю только,
что жены Махмуновы рѣдкой красоты, что
большая часть Одалыкъ — Гречанки, Грузин-
ки и Черкешенки, и что ихъ мучить ревностью.
Вечеромъ онъ собираются въ большой залъ;
легко одѣвши, онъ забавляютъ своего вла-
стителя роскошнейши своими плясками. . . .
На льто Султанъ переселяется въ одинъ изъ
увеселительныхъ своихъ дворцевъ: онъ пред-
почитаетъ прочимъ, Бешикташь, лежащій
на Боефоръ, верстахъ въ двухъ отъ Серала.
Онъ перевозитъ туда своихъ женъ; приго-
жихъ опроковъ и юношей; коихъ должностъ
также забавляетъ его плясками. . . . Часомъ,
наскучивъ забавами, и можешь бышь, мучи-
мый совѣстью, онъ великъ приводитъ къ
себѣ карликовъ, воспитываемыхъ во дворецъ
для его пошвы. Шущовство и уродливый
видъ сихъ карликовъ иногда срываюшь съ
лица у него улыбку; но, сказываюшь, что
большую часть дня проводитъ онъ въ мол-
чаніи и размышленіи; нѣмые безоплачно при-
немъ находятся и прислуживаюшь ему за спо-
ломъ. Какой спранный видъ долженъ пред-
савлять собою Дворъ, гдѣ пылесные недо-
спашки, увѣче и болѣзни суждашь сред-

справами живъшь доезжушь къ Государю для шахъ, комъ были таковыми жертвами сей игры природы и безчеловѣчія людей!“

Два важнѣйшія событія нынѣшняго времени въ Турціи суть: побѣда, одержанная въ Константинополѣ надъ Янычарами, и побѣда Христіанъ въ Наваррѣ надъ Мусульманами. Мы выписываемъ сокращенно изъ сочиненія Г-на С. . . Д. . . любопытныя его извѣстія о первомъ изъ сихъ событий, пропуская историческія подробности его объ уничтоженіи Турецкой имперіи. „Я ни сколько не предвидѣлъ,“ говоритъ Сочинитель: „что мнѣ случится бытъ очевидцемъ столь важныхъ происшествій; можно даже сказать, что по всемъ человѣческимъ расчетамъ, ихъ никакъ нельзя было предпологать. И кто бы могъ подумать, что не смотря на гибельный опытъ Селима, Махмудъ рѣшился пославши престола и жизнь свою на удачу, прошивъ невѣрнаго успѣха, въ такомъ отважномъ предпріятіи, которое, изъ за прежнихъ роковыхъ неудачъ, казалось неудобопосланнымъ? Однако жъ онъ рѣшился на это, и въ семь случаевъ нельзя не удивляться непоколебимой его рѣшимости. Войско Янычаръ, сильное, привыкшее господствовать мятежами и покорять своей волѣ сонный деспотизмъ, пало

со всѣмъ своимъ могуществомъ предъ твер-
 дою волею одного человека. Ужаснымъ убий-
 ствомъ истреблены были прежнія ихъ поор-
 жения, и мечъ, на кошпорохъ основывали
 они свое могущество, былъ орудіемъ ихъ
 гибели. Такъ, за сию двадцать лѣтъ предъ
 нѣмъ, Петръ Великій уничтожилъ Спрѣль-
 цевъ; такъ и въ наши времена Могомедъ-
 Али въ нѣсколько часовъ истребилъ цѣлое
 войско Мамелюковъ. Махмушь 18 лѣтъ об-
 думывалъ сіе важное дѣло, но всегда откла-
 дывалъ исполненіе оного. Доказательствомъ
 тому служишь, что всадъ за убіеніемъ
 Султана Мустафы, велѣлъ онъ собрать ору-
 жіе и сумы *Низамъ-Джедидъ* (новаго вой-
 ска) и припряталъ оныя въ магазинахъ Се-
 ральскихъ; а за три мѣсяца до истребленія
 Янычаръ, 50,000 ружей, привезенныхъ изъ
 Липшиха, спрятаны были тамъ же, такъ,
 что никто не зналъ о томъ. Махмушь
 ждалъ только благопріятнаго случая, и сво-
 ею смѣлостію самъ породилъ его. Слово *Ни-
 замъ-Джедидъ* было, по смерти Селима,
 въ омерзѣніи у всего народа, и было про-
 клято во всемъ Турецкомъ Государствѣ,
 такъ какъ нынѣ въ Константинополь имя
 Янычара. Махмушь ошважился произнести
 его среди собранныхъ ихъ *Улемовъ*, по слу-
 чаю преобразованія, кошпоровъ онъ задумы-

валъ; отсюда слухъ о семъ преобразованіи, неутвержденномъ еще *гати-шерифомъ* или указомъ Сулшанскимъ, распространился въ народъ; умные люди считали оный неосновательнымъ, не воображая, чтобы Сулшанъ, наученный жалкою участію Селима, рѣшился подвергнуться злобъ Янычаръ. Но сей Государь скоро снялъ съ себя личину: воля его была обнародована; Европейское учрежденіе войскъ начало приводиться въ исполненіе въ столицѣ, и множество гонцевъ разослано было къ Пашамъ разныхъ обласей съ повелѣніемъ, учреждать и шамъ новые полки. Съ тѣхъ поръ, мы каждую минушу ожидали мятежа. Миротлюбивые граждане, которые во время Кабакчи и Байракшара извѣдали, какова яросль войны междоусобной, спрашивались за жизнь и собственность свою; и мы, въ часни города, заселенной Франками, видя себя у подножія водкана, ни сколько не считали себя въ безопасности. Юня 16 дня 1826 года мы увидѣли, что страхи наши были не безъ основанія. Въ два часа по полуночи разнесся слухъ въ Перъ, что кошлы Янычаровъ были снесены на площадь Эшмейданъ, и что Янычары громкими воплями требовали плещи головъ: своего Аги или Главнокомандующаго, Гусейнъ-Паши, прежнаго ихъ Аги,

Неджибъ-Эсенди, присланнаго опть Могамедъ-Али, Великаго Визиря и наконецъ Муфши. Въ городъ была суматоха: многіе дома были уже разграблены и Янычары, бѣгая по улицамъ Коншаншимополя, кричали: *смерть Султану Махмуту! да здравствуетъ сынъ его Ахметъ! гибель Низамъ-Джедиду! да здравствуютъ сыны Гаджи-Бекташа!* — Султанъ былъ тогда въ загородномъ своемъ дворцѣ Бешикташъ; на слухъ о мятежѣ, онъ поспѣшно прискакалъ въ Коншаншимопольскій свой Сераль, окруженный придворными своими чиновниками. Если бы Янычары, копорыхъ числомъ было до 25,000 человекъ, пошли прямо на Сераль, и овладѣли онымъ вмѣстѣ съ казною Султанскою и нѣсколькими башшаремами, что было имъ легко сдѣлать, — тогда бы они навѣрное одержали верхъ; но — вмѣсто того, чшобы принять мѣры на будущее, они произвели еще нѣкоторыя безчмыслова въ городъ. Привыкнувъ всегда властвовать, они не могли вообразить, чшобы Султанъ осмѣлился имъ проптивиться, и сія безразсудная увѣренность была причиною ихъ гибели.

Гуссейнъ-Паша, преждебывшій Ага Янычарскій, былъ тогда близъ Коншаншимополя. Съ помощію нѣсколькихъ приверженныхъ къ нему солдатъ, онъ собралъ каню

мировъ, бомбардировъ и боспанджей или спорожей Сераальскихъ садовъ, и ему именно должно приписать честь сей победы. Бывъ неисповымъ Янычаромъ при Селимѣ, сей человекъ, отважный какъ левъ и свирѣлый какъ щигрь, былъ въ числѣ тѣхъ, кои способствовали брашоубійцѣ Мусшафъ свергнушь браша своего съ престола. Но политическія правила Гуссейма перемѣнились съ обстоятельствомъ. Онъ совершенно предался Махмуду, кошорый возвелъ его въ чинъ Аги Янычаръ и пономъ шрехбунчужнаго Паша. Въ то время, какъ онъ былъ начальникомъ надъ Янычарами, онъ часто усмиралъ ихъ бунты и многимъ изъ нихъ рубилъ головы своими руками. Его боялись и ненавидѣли, за то и головы его требовали настоятельно. Прибывъ въ Константинополь, онъ посѣщилъ въ Серааль. „Выдашь ли ты мою голову Янычарамъ,“ сказалъ онъ Султану: „или рука моя защитишь швой престоль?“ „Сынъ мой!“ отвѣчалъ ему Султанъ: „наспалъ часъ истребишь враговъ престола: я на себя возлагаю مسئولеніе моей мести, и“ прибавилъ онъ: „или всѣ Янычары будутъ перерѣзаны, или плагуъ пройдетъ по развалинамъ Стамбула.“ *Санджакъ-Шерифъ*, или знамя Магомешово, на кошорое никакой Христіанинъ не дол-

жень взглянушь, подь опасеніемъ смертной казни, и которе является только тогда, когда Имперія Турецкая находится въ опасности, — было высшавлено. *Муфти*, окруженный *Улемами*, *Кадіями* и старшинами *Дервишей*, прижды прокричалъ сіи слова: „Во имя Всевышняго Бога, во имя Магомета, величайшаго изъ Пророковъ, и по вельнію непобѣдимаго Султана Махмуша, Янычары спвергающся закономъ. Смерть всѣмъ мяшежникамъ, здравіе и благополучіе всѣмъ пѣмъ, кои спанушь подь стягъ священный!“ Скоро по всѣмъ улицамъ раздались голоса площадныхъ крикуновъ, чивавшихъ сѣдующій *гати-шерифъ*: „Каждый Мусульманъ, любящій вѣру свою, да возьмешь оружіе и явишся подь священнымъ знаменемъ, близъ мечети Султана Ахмета!“ Повелніе было повшорено Муеззынами, прокричавшими оное съ вершины минаретовъ; пошчасъ всѣ начали выполняшь приказъ Султана; жисели каждой часши города сходились на ипподромъ; передь каждымъ опрядомъ шель *Иманъ* шой часши. Кбгда же еіе воззваніе было сѣдано въ Скушари и во всѣхъ селеніяхъ по обоимъ берегамъ Воспора, тогда на защиту шронѣ собралось множештво людей. Съ вшою, хорошо хоня и на-скоро вооруженною чернью, пе-

редь кошорою шло ошь 8.000 до 10.000 канонеровъ, Гуссейнь явился на площади Эпмейданъ, и скомандовалъ въ ашпаку. Янычары, смущенные споль неожиданнымъ напискомъ, защищались однако же храбро, и съ помощью нѣсколькихъ пушекъ, заряженныхъ каршечью, долгое время оспаривали побѣду; но число Гуссейновыхъ рапниковъ безпрестанно усиливалось, и бой становился неравнымъ. Изъ опасенія, чшобъ ихъ ошвсюду не окружили, мяшежники начали наконецъ ошсшупашъ и вбѣжали въ огромную казарму, гдѣ надѣялись ошбивашься съ большею выгодною; но, запершись шамъ, они ускорили шѣмъ свою гибель. Гуссейнь велѣлъ разбишь вороша казармы цущечными высшрѣлами. Тощасъ Янычары изъ шести пушекъ пусшили ошшуда каршечью въ осажданныхъ, шогда какъ въ нихъ самихъ производился изъ оконъ сильный ружейный огонь.

Тогда Сулшанъ Махмушъ, кошорый во все это время былъ въ своемъ Сералѣ (а не перѣдъ войсками, какъ въ шомъ увѣрали), и кошорому гонцы, скакавшие во всю прышь по улицамъ, каждую минушу привозили извѣстшя, велѣлъ Гуссейну зажечь казарму, и сей, дыша одною злобою и убійствомъ, спѣшилъ исполнить Сулшанское повелѣнше.

Казарма зажжена была со всѣхъ чепырехъ споронъ. Янычары, заботившіеся о своей защитѣ, не могли вмѣстѣ съ пѣмъ и шумишь огонь, кошорый быстро распространился. Тогда, выгнанные изъ своего припина жаромъ, дымомъ и обрушеніемъ горящихъ бревень, выцли они на большой дворъ. Новое сіе убѣжище шоль же было имъ гибельно, какъ и преее. Тамъ ихъ безжалостно ваали изъ пушекъ, заряженныхъ каршечью и пославленныхъ передъ каждымъ ворошамъ казармы. Напрасно перезывали они канонеровъ на свою спорону, напрасно привѣшествовали ихъ именами друзей, братьевъ: вмѣсто ошвѣща, *толчи* посылали къ нимъ смершь. Напрасно просили они пощады: имъ не давали пощады, и всѣ они гибли, одни ошъ пламени, другіе ошъ каршечь. Если нѣкошорые и убѣгали, шо войска Сулпанскія догоняли и безчеловѣчно кололи ихъ кинжалами. Никогда солнце не освѣщало шакого ужаснаго губишельсшва.

(*Продолженіе впередъ.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Н А З А В И С Т Ъ.

Змія, шипящая во прагъ,
 Ехидна, скрытая въ цвѣтахъ!
 Твой шронъ въ душѣ — и щещно въ зрагъ
 Ты мнишь знаишься и въ чертахъ:
 Невольно ядъ швой взоры мещушь,
 И зубы яросшью скрежещушь,
 Смѣяся злобно все лице,
 И ты незримымъ зрима жалою
 Межъ нивъ, на куплѣ, предъ зеркаломъ,
 Въ шеломъ, кишрѣ и вѣнцѣ.

Ревнишельница адской воли,
 Ничѣмъ не сыша никогда!
 Всегда адкая чуждой доли,
 На всѣхъ свирѣисшвуя всегда,
 Ты къ высшимъ ненавишь нишаешь
 И вшайнѣ пропасшь имъ копасшь,
 Не можешь равнаго шерпѣшь,
 И въ низшихъ взоръ швой изощреннѣй
 Дробишь всѣ свойства сокровенны,
 Чшобъ нищу въ нихъ себѣ узрѣшь.

Когда родилась ты въ денницѣ,
 Небесный омрачился бругъ;
 Возсѣла съ нимъ на волесницѣ,
 Трешъ неба обула вругъ.

Съ шобой возникли непокорство,
 Мятель, вражда и богоборство;
 Ты брань возгла на небесахъ.
 Опшоль поверженная къ аду,
 Ты въ смерсныхъ обрѣла оспраду
 И храмъ воздвигла въ злыхъ сердцахъ.

Съ шѣхъ поръ ты съ мудросью въ совѣшъ
 И съ правдой брань ведешь въ судъ,
 Ничтожишь доблести въ побѣдъ
 И въ рашномъ мужество шрудъ.
 Успѣвшѣйшихъ посольствъ искусство,
 Правителей высоко чувство
 И жаръ къ ошечеству любви,
 Въ очахъ швоихъ не что иное,
 Какъ шолько счастье слѣное,
 Иль пылкость ибкая въ крови.

Богатство, власть, дары природы,
 И посохъ вольной нищеты,
 И превосходствъ различни роды,
 И славу угрызаешь ты.
 Тобой доштонисшва всешшими,
 Вънцевъ лишены, діадимы,
 Ведущъ злбшасшну жизнь въ пыли;
 Безсмерсныхъ лиръ мершвѣюшъ звуки;
 Творцы художества, науки,
 Въ напашяхъ гибнушъ на земли.

Въ Царяхъ ли ты — гошovy къ бою,
 Въ пустыни царства обрекушъ;
 Народы ошуманишь мглою
 И рѣки кровью пошекушъ;

Во градъ шы — и градъ не спанешъ;
 Въ полкахъ — и сила ихъ увянешъ,
 Изсякнешъ къ обществу любовь.
 Тобой въ родствѣ вражда не дремлешъ:
 На брата руку братъ поднимаешъ
 И кровнаго изводишь кровь.

Имѣй всѣ чувства бодры, здравы,
 Спусти шы съ смершнымъ въ высоты
 Ума, богашства, чесши, славы;
 Присвой всѣ роды красоты:
 Сего ль алканью не довлѣешь?
 Ахъ, вѣшь! еще все сердце мѣнешъ,
 Еще на всѣхъ свой прыщешь адъ,
 Еще шы всѣмъ вредишь гошова,
 И жало изощряешъ снова,
 Въ ушробѣ аспиды шиняшь.

Чудовище! шерзай достойно
 Рабовъ своихъ преступну грудь,
 Я зряшь на шо могу покойно,
 Но къ прочимъ милосшиво будь.
 Ты знай: швоя сторука сила,
 Со всею злосшью крокодила,
 Не можешъ подвигъ скрышь шруда,
 Или добро ввнчашъ забвеньемъ:
 Однимъ къ изяществу спремленьемъ
 Они избѣгнушь ошъ вреда.

Напрасно, наваждень шобомъ,
 Готовиль козни Эвршпей:
 Хранимый Геркулесь судьбою
 Ихъ къ славы обратиль своей.

Гдѣ смерть ему сулила злоба,
Тамъ миновавъ опверсна гроба,
Явилъ онъ шѣму великихъ дѣлъ,
Въичаася славой ошъ народовъ,
И даже до послѣднихъ родовъ
Ему безсмертіе: удѣлъ.

И шагъ, веди войну кроваву,
Простри по свѣшу знамена,
Давай всѣмъ пишь свою ошраву:
Заслугъ священны имена.
Ошъ злосщи, пущь Зоилъ шренещь,
Ихъ слава изъ подъ спуда блещь,
И скоро всѣмъ явишь въ очахъ
Музей великихъ мечъ, порфиру,
Въсы и жезлъ, рѣзецъ и лиру,
Иль кисшь и харшію въ лучахъ.

К. П. Ш. Ш.

VI.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

НОВЫЯ ИТАЛІЯНСКІЯ КНИГИ.

4. *Gl'Italiani in Russia*, и проч. *Италіяны въ Россіи: Записки Италіянскаго Офицера*. Т. III. Италія (Флоренція). 1827. въ 8. д. л.

Италіяны, раздѣлявшіе судьбу Французовъ въ послѣднихъ полиціическихъ и во-

нскихъ происшествіяхъ въ Европѣ, нынѣ болѣе и болѣе изъясляютъ благородное негодованіе на то, что они почти совершенно забыты въ современной Исторіи Писателями несправедливыми и пристрастными. Г. Ваккани уже загладилъ опечаски сію ошибку въ своей *Исторіи кампаній и осадъ Италіянцевъ въ Испаніи*. Авторъ старается напомнить имена, сраженія, воинскія добродѣтели, досель забытыя или униженныя; каждый чинапель, которому не чуждо чувство народной славы, раздѣлилъ участіе, принимаемое сочинителемъ въ прославленіи его опечасства. Въ его разказахъ видно, что могли сдѣлать въ короткое время Италіянцы подѣ влияніемъ Французовъ, и чѣмъ могли бы они сдѣлаться, если бы обстоятельство болѣе благопріятныя содѣйствовали ихъ трудамъ. Мы сожалѣемъ, что не можемъ привести здѣсь именъ храбрыхъ Италіянцевъ, болѣе опличившихся въ важной и несчастной Русской кампаніи, которымъ Авторъ опдалъ полную справедливость, описавъ дѣянія, приносящія имъ честь и совершенно достоверныя. Италіянцы должны бытъ благодарны Исторіку за его папріюшическую ревность, и употребить его сочиненіе въ пользу. Сей же Писатель общаетъ намъ Записки о дру-

гихъ кампаніяхъ Ишаліянцевъ, и особенно объ Испанскихъ.

5. *I promessi sposi* и проч. Обрученные, отрывокъ изъ Миланской Исторіи XV II вѣка, открытый и выправленный Александромъ Манзони. Миланъ. 1826. В. Феррари. 3 Ч. въ 8.

Въ 1628 году, въ одной деревнѣ Ломбардіи, въ окрестностяхъ Лекко, Ренцо любилъ прелестную Люцію; уже брачное благословеніе долженствовало увѣнчать любовь ихъ; но она зажгла пламенную спрасъ въ сердце могущаго владѣтеля, Родрига. Въ то время въ Ломбардіи было множество суровыхъ владѣтелей, окруженныхъ паемными разбойниками, извѣстными подъ названіемъ *bravi*, которыхъ Правительство не смѣло да и не могло прогнать въ ихъ укрѣпленныхъ замкахъ. Родриго былъ изъ числа этихъ господъ; не разсуждая много о средствахъ удовлетворить своей спраси, онъ велѣлъ подъ рукою сказать Аббондію, сельскому священнику, чтобы тотъ не смѣлъ увѣнчать Люцію. Тутъ начинаешь развивашься интрига, на которой Манзони основалъ историческій романъ, о коемъ мы говоримъ. Капуцинъ, по имени отецъ Христофъ, избавляетъ Люцію отъ пресѣдованій Родрига, и поручаетъ ее покровительству монахини, ко-

шорой своенравный характерь могъ бы бышь занимательнѣе. Ренцо, съ своей спорны, прїѣзжаетъ въ Миланъ: впушывается въ народное возмущеніе, коего предлогомъ былъ голодъ, и кошораго не чуждъ былъ Кардиналь Ришелье; надобно вспомнишь, что эпошъ властодлюбивый Миниспръ велъ тогда войну въ Италіи, защищая прошиву Императора, Испаніи и Герцога Савойскаго, права Герцога Неверскаго, кошорому надлежало наследовашъ владѣнія Винченца да Гонзаги, послѣдняго Герцога Маншуанскаго. Ренцо удаляется въ Бергамо; въ эпо время Люція, по наущенію Родрига, увезена была однимъ спрашнымъ владѣшелемъ, кошорый, внезапно пораженный раскаяніемъ, рѣшается возвратишь ее семейству. Тушь Авторъ выводитъ Кардинала Борромея, и придаешъ ему слова, достойныя сего знаменишаго пасшыря, кошорыхъ нельзя чилать безъ чувства; пошомъ переходишь онъ къ описанію язвы, свирѣпшвовавшей въ Миланъ въ 1630 году: эпо описаніе исполнено истины и шрогательныхъ подробностей. Посреди ужасовъ сей язвы, въ лазаретѣ зараженныхъ, смерть поразила Родрига. Ренцо встрѣчаешъ въ эшомъ же госпиталѣ добродѣтельнаго Христофа и возлюбленную свою Люцію, съ кошорою наконецъ

ввнчаетъ его Довъ Аббондіо, прелетавшій два года назадъ ошъ одной мысли объ эпошь бракъ. Множество происшешвій и характеровъ наполняющъ раму сего замысловатаго Романа. Приключенія, искуснымъ образомъ расположенныя, вѣрное и живое описаніе нравовъ сего времени, слогъ всегда прихорвленннй къ положеніямъ, большое разнообразіе нравовъ, шаковы сушь качества, доставившія сему превосходному шворенію блестящій успѣхъ, копорымъ пользуется оно въ Италіи и вѣрно скоро будешъ пользоваться во Франціи.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

6. *Quelques idées sur la régénération les forêts, etc.* Мысли о возрожденіи лѣсовъ, соч. Кавалера Суланжъ-Бодена, Президента Линнеевскаго Общества въ Парижѣ. Парижъ. 1827. въ 8. 10 стр.

Сочиненіе сіе естъ рѣчь, копорую Г. Суланжъ-Боденъ читалъ на сельскомъ праздннкѣ, данномъ Линнеевскимъ Обществомъ въ лѣсахъ Белльвю близъ Медона, 24 Мая 1827 года. Орашоръ, швердо увѣренный въ необходимости разнообразишь расшншельныя произведенія, вѣренныя одной и шой же

почвъ, полагаешь, что Европейскія земли какъ бы истощены произведеніемъ даровъ, копорыя онѣ уже столько вѣковъ пишають; онѣ думаешь, что непремѣннымъ послѣдствіемъ истощенія почвы есть вырожденіе лѣсовъ, копорыхъ размѣръ и качества будутъ непрерывно умаляться, если предусмотрительность чловѣка не поспѣшитъ на помощь лѣсамъ. Онѣ предполагаешь, какъ можно скорѣе замѣнишь устарѣвшія породы другими, копорыя имѣють всю силу юности, и копорыя можешь доставишь намъ Америка. Въ этомъ сочиненіи конечно есть истины; но шаково свойство ума чловѣческаго, что для того, чтобы истины были приняты и особенно, чтобы онѣ получили примѣненіе, — нужно, чтобы онѣ явились въ нѣкопоромъ убранныхъ пригошавленномъ разсудкомъ. Речь Г. Сулянжъ-Бодена украшена цвѣтами краснорѣчія; надобно только облечь его идеи въ простые и простые формы разсужденія. Убѣдишь умы и рѣшишь волю можешь только диссертація важная, пространныя, полная фактами, въ порядкѣ изложенными. Совершенное возобновленія лѣсныхъ породъ есть предпріятіе столь обширное и требующее столь долгаго времени на его исполненіе, что на сіе нельзя рѣшиться безъ

глубокаго, увлекательнаго убѣжденія; а такое убѣжденіе можешь быть произведено только сочиненіями, копорыя бы распространили познанія, возродили желаніе узнать еще болѣе и шѣмъ сосшавили эпоху въ исторіи Науки.

7. *Journal de l'instruction des Sourds-Muets et des Aveugles.* Журналъ воспитанія глухо-нѣмыхъ и слѣпыхъ, издаваемый Г. Бебиапомъ, Директоромъ Института глухо-нѣмыхъ. Ч. II. Кн. VIII. Парижъ. 1827.

Журналъ сей, посвященный собственно благошворительности, назначается для того, чшобы разлишь нѣсколько лучей свѣта на умы, на долгое время ошановленные, чшобы возвысиль до достоинства человека природу, униженную жесточайшимъ изъ несчастій. Онъ посвящается и воспитателямъ, и глухо-нѣмымъ; сіи послѣдніе находяшь въ немъ занимательныя повѣсти, основанныя на обстоятельствевахъ, копорыя могутъ быть имъ общими; другія — правила нужныя для искусства, копорымъ они занимающся, и замѣчанія, касающіяся до улучшеній въ методѣ обученія. Книжка, о коей мы говоримъ, содержишь въ себѣ любопытныя описанія суда Филлерона, глухо-нѣмаго, обвинен-

наго въ краѣ, и Сорона, также глухо-нѣмаго, уличеннаго въ убійствѣ; первый былъ оправданъ, второй осужденъ къ каторжной работѣ на всю жизнь. За симъ слѣдуетъ замѣчаніе о естественномъ и условномъ языкѣ глухо-нѣмыхъ. Авторъ удивляется тому, что въ публичномъ собраніи Королевскаго Института въ Парижѣ, Директоръ сего заведенія и послѣ него старшій изъ Профессоровъ не могли знаками объяснить воспитанникамъ ласковыхъ словъ, обращенныхъ къ нимъ Г. Парижскимъ Архіепископомъ, присутствовавшимъ при семъ засѣданіи. Это дѣйстви-тельно кажется страннымъ; но послѣвшимъ замѣтивъ, что знаки, составляющіе языкъ глухо-нѣмыхъ, сообщены имъ не наставниками: они изобрѣтаютъ ихъ сами, измѣняя ихъ; умножаютъ эллиптическіе знаки, и фигуральный языкъ ихъ наконецъ такъ удаляется отъ основныхъ знаковъ, что ихъ почти невозможно узнать. Это такъ справедливо, что во всѣхъ заведеніяхъ сего рода, у глухо-нѣмыхъ есть особенный языкъ знаковъ, которъ знаютъ всѣ воспитанники, и посредствомъ коего они разговариваютъ между собою, даже въ присутствіи учителей, и сіи послѣдніе ихъ не понимаютъ. Наставники должны вмѣшиваться безпрестанно въ языкъ своихъ питомцевъ,

изучашъ его непрерывно, слѣдовашъ за ними въ работѣ ума ихъ, присваивашъ себѣ ихъ открытія, старашся поспигнуть ихъ мысли, или иначе они скоро опстанутъ, и не только не будутъ въ состояніи учить своихъ воспитанниковъ, но даже не станутъ и понимать ихъ.

Журналъ воспитанія глухо-нѣмыхъ, хорошо составляемый, будутъ охотно читать не только тѣ, для кого собственно онъ издается, но и всѣ, принимающіе участіе въ искусствѣ, которымъ возвышающъ сихъ несчастныхъ на степеня людей.

НОВЫЯ НѢМЕЦКІЯ КНИГИ.

В. Allgemeines Handwörterbuch der philosophischen Wissenschaften u. s. w. *Всеобщій Словарь Философскихъ Наукъ съ ихъ Литературою и Исторією*; изд. В. Т. Кругомъ, Профессоромъ Философіи при Лейпцигскомъ Университетѣ. Т. I. А—Е. Лейпцигъ. 1827. въ 8 д. л. 755 стр.

Г. Кругъ извѣстенъ въ Германіи, какъ человекъ весьма просвѣщенный и ревностный поборникъ Наукъ; съ самаго заключенія мира онъ являешъ чрезвычайную дѣятельность, сражаясь въ книжкахъ и Журналахъ съ пар-

шією зашемишедей (обскурантистовъ), ко-
 торые въ Германіи, какъ и въ другихъ мѣ-
 ссахъ, шрудяшся шихомолкомъ, чшобы воз-
 шановишь царство мрака и заблужденія.
 Новый *Философскій Словарь* его написанъ
 съ цѣлю опредѣлишь шермины, упошребляе-
 мые въ Наукахъ Философскихъ, объяснишь
 вкращцѣ разныя системы и ученія, съ
 ссылкой на сочиненія, въ которыхъ о сихъ
 предметахъ говоришся подробнѣе; наконецъ
 означишь главнѣйшія происшествія жизни
 людей, прославившихся своими философиче-
 скими шрудями. Сшашьи крашки и почны,
 какъ и должны бышь въ Словарь: въ эшомъ
 отношеніи сочиненію Круга надобно ошдашь
 преимущешво предъ многими Французскими
 Лексиконами, въ которыхъ сшашьи сосш-
 вляють цѣлыя шракшашы, и кошорые чашпо
 сосшояшь изъ множешва шомовъ. Приба-
 вленныя Авшоромъ библиографическія замѣча-
 нія дають каждому читателю возшожностъ
 почерпнушь подробнѣйшія свѣдѣнія изъ са-
 мыхъ лучшихъ книгъ по сей чашпи. Библио-
 графія сильная шпорона у Нѣмецкихъ Уче-
 ныхъ. Иное Французское сочиненіе, кошо-
 рое извѣшно въ Парижѣ человѣкамъ двадца-
 ши Ученымъ, хошя родилось между ними,
 упоминаешся въ Лейпцигскомъ Лексиконѣ,
 какъ могущее служишь для справокъ, рядомъ

съ множествомъ небольшихъ прахшатовъ, изданныхъ въ самой Германіи о какомъ нибудь предметѣ, касающемся до Философіи.

Спашья о Нѣмецкой Философіи есть, какъ и должна бышь, одна изъ самыхъ пространнѣйшихъ въ Лексиконѣ. Авторъ излагаетъ въкращѣ Исторію сей Философіи. Поговоривъ о Вольфѣ и Эклекцизмъ, который господствовалъ въ Нѣмецкой Философіи въ половинѣ минувшаго столѣтія, онъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: „Эклекцизмъ сей исчезъ, когда Скептицизмъ Юма побудилъ одного изъ первѣйшихъ Германскихъ мыслишелей подвергнушь спрогому разсмотрѣнію душевныя способности чловѣка. Мыслишель сей былъ Каншъ. Размышлявъ долго въ безмолвіи, и бывъ свидѣтелемъ борьбы паршій на поприщѣ Философіи, онъ явился преобразователемъ и возстановителемъ Философіи, издавъ важнѣйшее свое твореніе: *Критика чистаго разума*. Сочиненіе сіе было сначала принято холодно: не многие прочли его, и очень рѣдкіе поняли. Но когда разборъ сего творенія, помѣщенный въ Гевской Липерашурной Газетѣ, обратилъ вниманіе Нѣмецкой публики на великія достоинства книги Каншовой, она произвела переворотъ въ царствѣ Философіи и Наукъ вообще, переворотъ, какихъ мало въ Исторіи

ученаго свѣта. Казалось, что духъ Кристицизма вдругъ овладѣлъ умами Германскихъ Философовъ и даже другихъ Ученыхъ сего народа: всѣ одушевились желаніемъ изыскашь основныя начала всѣхъ Наукъ и источникъ нашего познанія и вѣрованія, и защитишь Религію отъ нападеній невѣрія, тѣснѣе связавъ ее съ Моралью. Съ сего времени образовалась въ Германіи особенная Философія, копорую сначала называли *критическою*, но копорая въ послѣдствіи потерпѣла сполько измѣненій отъ мыслишелей, бо́же или менѣ оригинальныхъ, что прудно сдѣлать бышпрое и свободное начертаніе, какъ самой сей Философіи и школь, происшедшихъ отъ школы Канна, шакъ и системъ его пропивниковъ, копорые нападали на сей способъ философствованія. Посему мы опсылаемъ читашелей къ спашьямъ: *Кантъ, Рейнгольдъ, Фихте, Шульцъ, Бардили, Якоби, Платнеръ* и проч. Достоуврно то, что соединеніе шодикихъ мыслишелей, придало философическимъ изысканіямъ въ Германіи большую дѣяшельность, нежели какую имѣли они во всѣхъ другихъ спранахъ. Посему иноспранные мыслишели далеко отъ нихъ отшшали. Но сомнишельно, можешъ ли Германская Философія поддержашься на этой высотѣ, когда нынѣ многіе мыслишели

впрочемъ достойные всякаго уваженія, предающа неопредѣленному миспцизму, и важничаящъ тѣмъ, что говорятъ языкомъ почти непонятнымъ даже для ихъ единоземцевъ и тѣмъ болѣе для иностранцевъ. Посему и нельзя оуждать сихъ послѣднихъ за то, что они вообще мало старающа изучать Нѣмецкую Философію, и часто называющъ мечтательностію стремленіе умовъ въ Германіи къ изысканіямъ отвлеченнымъ.“

Мы бы желали, чтобы Г. Кругъ, выражающій идеи свои весьма ясно, вошелъ въ болѣшія подробности о философическихъ системахъ Нѣмцевъ, и чтобы онъ сдѣлалъ для насъ доступными ихъ мнѣнія и даже мечтанія.

Изъ Р. Е.

VII.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 8.

П р о з а.

19. *Анекдоты Князя Италійскаго, Графа Суворова Рымникскаго, изданныя Е. Фуксомъ.* — С.П.б. въ шип. А. Смирдина, 1827. — въ 8. XIII и 193 стр.

(Въ сей книгѣ помѣщено до двухъ сотъ Анекдотовъ о Суворовѣ, собранныхъ изъ разныхъ эпохъ жизни сего знаменитаго полководца, но болѣе всего, кажется, изъ Итальянскаго его похода, во время котораго собращель, Е. Б. Фуксъ, почти безошлучно

находился при чудо-богатырѣ, Суворовѣ. Жаль, что почтенный собиратель пересказываетъ намъ многіе афоризмы Суворова не собственными его словами, а, какъ замѣтно, старается прикрасить или пояснить ихъ собственнымъ краснорѣчіемъ. Мы, Русскіе, давно уже знакомы съ Суворовскимъ способомъ выражаться: мы знаемъ, что незабвенный нашъ Воевода ни когда не былъ плодовитъ на слова, не любилъ приправлять мыслей своихъ опборными выраженіями, но чрезвычайно былъ мѣшокъ и точенъ въ своемъ лаконизмѣ. Такъ должно бѣ было и сохранить его рѣчи для потомства. Не смотря на то, книга сія вполне привлекаетъ любопытство Русскихъ читателей всякаго званія, всѣхъ стѣхъ, кому дорога слава ихъ опечесства и слава мужей, украсившихъ именами своими свѣтлыя страницы въ лѣтописяхъ Русскихъ. А кто изъ соотечественниковъ нашихъ не знаетъ и не любитъ Суворова?)

20. *Чувствительное путешествіе по Невскому проспекту.* Съ эпиграфомъ: Il faut bien voir le monde avant d'en sortir. — М. въ шип. С. Селивановскаго, 1828. — въ 12 д. л. 87 стр.

21. *Записки Москвича.* Съ эпиграфомъ изъ Карамзина: „Наблюденія нашего путешественника не очень важны: что дѣлать? Москва не Римъ. — М. Въ шип. С. Селивановскаго, 1828. — 200 стр. въ 12 д.

(Эти два произведенія одного Липешора оплечающа хорощею прозою, слогомъ свободнымъ и легкимъ, иногда слыш-

комъ легкимъ, шакъ, что прочитанное не сколько не остается въ памяти читателя, со всею его доброю волею. Нѣкоторыя карикашуры были бы смѣшны, если бь онѣ сколько нибудь были кончены. Вторая изъ сихъ книжекъ однако жь гораздо разнообразнѣе и занимательнѣе первой, въ которой доминуютъ встрѣчаешь практики, кухмистерскіе столы и хандишерскія лавки, а въ нихъ посѣщителей на одну и ту же спашь. Впрочемъ спашьи, помещенныя въ обихъ сихъ книжкахъ, не новы: онѣ были напечатаны или въ Благонамѣренномъ, или въ Невскомъ Зришель.)

22. *Путевыя записки по многимъ Россійскимъ Губерніямъ, 1820, Статскаго Совѣтника Гавріила Геракова.* — Пешроградъ, 1828, въ шип. Воспитательнаго Дома. Въ 8-ю д. л. 172 стр.

(Нынѣшніе наши читатели книгъ, сдѣлались крайне привязчивы и несговорчивы. Если Сочинитель назоветъ, на примѣръ, книжку свою *Путевыми Записками*, то они шребууютъ ошъ него, какъ они называютъ, болѣе *существеннаго*: свѣдѣній топографическихъ, статистическихъ и историческихъ о шѣхъ мѣстахъ, по которымъ Сочинитель прокашился; шребууютъ ошъ него хорошаго или, по крайней мѣрѣ, не дурнаго слога; и мало ли еще чего шребууютъ?... Подно-ше, господа! книга передъ вами, разнообразія въ именахъ мѣстъ и лицъ въ ней много; посвящена она прекрасному полу, напечатана чешко..... читайше въ добрый часъ!)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1828. № IV.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОМОЛВКА ГОСПОДИНА КВИНТА.

(Продолженіе.)

12.

Первые лучи солнца, проскользнувшие сквозь сѣрные пары, кошорыми запыла вершина Альповъ, заспали господина Квинта за шуалешомъ. Тушь сдѣлалъ онъ простодушное замѣчаніе, что уже весна дней его миновалась. — Двадцать восемь лѣтъ! — Порядочные годы. Лѣтъ черезъ десятокъ — тридцать восемь. Все еще не шакъ спрашно. Еще десятокъ, тогда: сорокъ восемь! — „О Бешели! Бешели! тогда опадуть лисья, изсякнутъ соки, загрубѣють вѣшви!“

Прошивъ обыкновенія, одѣлся онъ нынче щегольски. Черные шелковые панталоны и свѣтлозеленый фракъ. Голова въ кудряхъ, волосокъ къ волоску, напудрена бѣлье снѣгу; на зашылкѣ узенькій красивый кошелекъ,

по послѣдней модѣ. — Не было никакого сомнѣнія: господинъ Квиншъ собрался шшурмовашъ сердечко дѣвушки.

Всѣ его домашніе всполошились ошъ изумленія; особливо домоправительница, Анна-Марія. Женщины въ подобныхъ вещахъ имѣють прешонкое чухье. Анна-Марія усмѣхалась и разводила руками, и всѣмъ шепшала на ушко: „Будешъ большая перемѣна въ домѣ — увидише!“ Прочіе думали, что въ свѣшъ нѣшъ, ничего несбышочнаго, и гдѣ шолько могли: въ дверяхъ, въ окнахъ, черезъ заборъ, смощрѣли, выпуча глаза, на своего переродившагося барина.

Господинъ Квиншъ, замышляя формальный присшупъ, но не слишкомъ полагаешъ на глянцовашость черныхъ шелковыхъ паншалонъ и красу новаго параднаго кошелька, счель необходимымъ на всякой случай запасишь и другимъ оружіемъ. Онъ взялъ съ собою хорошенькую книжку изъ своей библиошеки и душистшый букешъ изъ своего цвѣшника. То и другое могло кшшани оказашъ важныя услуги.

Такъ вооруженный и съ бодростію духа, выше всякаго сравненія, ошправился онъ изъ дому, пошель къ крушящейся рѣкѣ, перешель черезъ мостъ и черезъ лугъ, и выбраешъ на большую дорогу, кошорая ведешъ ошъ

одного конца долины до другого и кошорой Бешели не могла миновать.

Трели жаворонковъ привѣщивали пробуждающуюся природу; облака поднялись ошь горныхъ вершинъ и, облишья золошомъ восшока, мчались на встрѣчу солнцу. Верхи деревъ колыхались. Блескъ ошь небеснаго свода лился на доль, чрезъ высокія нагорныя ели, скользя по мщиспымъ камнямъ и по гуешой правѣ.

Въ умилени и воспоргѣ, господинъ Квиншъ сложилъ руки на-кресшъ. Онъ сморшлъ въ мерцающую даль цвѣшущей долины, какъ бы въ новую жизнь, кошорой Ангеломъ была Бешели. Величіе и пышность ушра были для него шоржешшвеннымъ вшешвиемъ въ эпопею его будущности; призывнымъ звономъ его великаго воскреснаго и праздничнаго дня.

Задумчиво шель онъ по дорогѣ къ большому селенію Тога, ошкуда должна была прійши возлюбленная. Дорога вела по берегу рѣки, чрезъ крушизну изъ мусору и камней, оборвавшихся съ вышины горъ; справа и слева шорчали у подошвы шпарые дубы и сосны, наглухо заросшіе шправою и кушшарникомъ.

Когда взобрался онъ на самый верхъ крушизны, передъ нимъ раскрылась, чрезъ вер-

#

шины елей, унизывающихъ берегъ рѣки, прелеснѣйшая окрестность, посреди кошорой въ особенноти красовалась его мыза. Также видна была ошшуда, на большое разспоняніе, дорога, кошорая оняшь спускалась внизъ между лѣсомъ и скалами, поросшими мхомъ и мелкими цвѣшочками.

Здѣсь рѣшился господинъ Квиншь оспановишься и ожидашь Бешели. Нельзя же было шакъ вдругъ бѣжашъ къ ней на встрѣчу, безъ всякихъ пригошвленій. Такое недавнее знакомство! при шомъ и не совсѣмъ удачное.... эша скашершь....

Туть разрядилось элекпричештво: Амуръ опушилъ крылья; господинъ Квиншь опушилъ съ рукою свой букешъ; весь блескъ природы пошускъ ошь какого-шо суроваго дуновенія, какъ будшо ошь вздоха злаго демона.

Мрачныя воспоминанія обдали холодомъ зимы весенній цвѣшникъ его воображенія. Вся радосшь и всѣ надежды замерли; онъ шущъ споялъ, какъ человекъ, покинушый всѣми; какъ спранникъ, забредшій въ шуманъ; какъ пьяница, опрезвившійся въ минушы величайшихъ дурачештъ.

Въ досадѣ зашопаль онъ ногами. — „Вошь оняшь самъ напрашиваешся, глупецъ, чтобы въ глазахъ прелеснѣйшаго шворенія

подъ небомъ едвѣлашь себя смѣшнымъ! Она будешь краснѣшь за себя! А ты, ты будешь смотрѣшь на нее болваномъ, рошозвѣемъ!... О зачѣмъ я не несчастливъ? зачѣмъ только смѣшонъ!“

Въ горячнoсти бросилъ онъ о зeмь шляпу — и цвѣшны свои.

„Такъ шому и бышь! Она не любилъ меня! да если бѣ и хошѣла любилъ, не могла бы! — То-шо было бы еще славно, когда бѣ ты, неoшесанный чурбанъ, вдругъ подкапился къ ней съ швоими учшивoстями, и комплименшами, какъ будшо къ шарой, давнищней знакомкѣ! — Бреди-ка назадъ пошхоньку и жди, пока прежнiя глупoсти повыдохнушся; шогда можешь опашь попышашь своего счастья!“

Такъ, съ Каршезианскою шпрогoстiю, ширанилъ себя бѣдный Квиншъ. Въ эши минушы, недoсташки его предшавлялись ему великанами, гнешущими его къ зeмль, а добрыя качeствa — онъ вовсе не находилъ ихъ въ себѣ. Ошчаянiе возрасло въ немъ до шого, чшо онъ спашь ошъ души презирашь себя. — Красoша, богашствo, ловкoсть, oшпроумiе, слава, блишашельные подвиги и все, чѣмъ приманиваюшь дѣвушекъ. . . .

„Ахъ! всего эшого у меня нѣшь — нѣшь —

нѣтъ! и я ничѣмъ не могу понравиться шой, кошорая меня обворожила!“

Онъ поднялъ свою шляпу и нахлобучивъ ее себѣ на глаза, думалъ уже вернуться домой, какъ вдругъ, къ усиленію скорби, сашана злобно шепнулъ ему на ухо: „но прежде, чѣмъ ты сдѣлаешься любезень и будешь нравиться, Бешели найдешь себѣ мужа!“

Отъ этой мысли онъ зашрепепалъ. Оспановясь, призадумался снова и предъ внутреннимъ взоромъ его, какъ въ волшебномъ фонарѣ, стали являться, одна за другою, шѣни соперниковъ, какихъ только могъ онъ пріискашь въ долину. Много набралось молодцевъ, прекрасныхъ и умныхъ, любезныхъ собесѣдниковъ, богатыхъ, знашныхъ юношей; но въ этомъ переборѣ самочувствіе Квинша не поухло, а еще вспыхнуло снова. Невольно спавилъ онъ себя лицемъ къ лицу передъ каждымъ, и находилъ, что право другіе не многимъ лучше его. Туманы огорченія разсѣялись, лучи надежды проблеснули оиашь въ его внутреннемъ мѣрѣ, и среди мрачныхъ шпешей явились свѣтлыя полосы.

Въ продолжительныхъ, пріятныхъ размышленіяхъ поднимался онъ посшепенно отъ ушѣшенія къ успокоенію, отъ покоя къ надеждѣ, отъ надежды къ ожиданію, отъ ожи-

данія къ радости и опъ радости къ восшоргу. „И если подумаешь о словахъ Пика, о взглядахъ Бешели!“ восклицала она, покоряясь вновь упоенію надежды и любви: „о, все еще, возможно! Попробуемъ, испытаемъ счастья! Бешели будешь моя, будешь моя! Траллала, шраллалера, шрала, шраллалера!“ — Последнія слова не были имъ думаны и не были говорены, а пѣшны самымъ чистымъ и вняшнымъ голосомъ, при чемъ она прыгала съ одной стороны дороги на другую и обратно.

Вѣроятно, спала бы она еще продолжая впошъ радостный панець, кошорый сославдалъ что-то среднее между менуеномъ и вальцемъ; вѣроятно, еще долго не прекрашилось бы его прыганье — но какъ бы ни было, шолько господинъ Квиничъ вдругъ сворошилъ въ сторону съ дороги, какъ пугливый конь, съ разными курбешами и прыжками; и онъ забился въ самую глушь лѣса между дорогою и рѣкою, кошора внизу, въ оврагъ спремила сердишыя свои волны.

По дорогѣ же взбиралась на гору Бешели, сама своею милою еособою. Она была одна.

13.

Кшо любилъ, шомъ располкуешъ себѣ пакія быспрыя перемѣны въ господинѣ Квиншѣ, волнуемомъ шо спрахомъ и шоскою, шо надеждою и воспоргомъ. Да я и въ шомъ гошовъ ударисься объ закладъ, что большая часть моихъ чипашелей не обошлась безъ шого, чтобы когда нибудь не танцовашъ шакого же, какъ и онъ, радоснаго шанца; шолько вѣрно всякій изъ нихъ былъ счастливейе нашего философа, шакъ неожиданно испуганнаго въ своемъ юбилеѣ, и именно шую особою, изъ любви къ кошорой ушпроялся вшайнѣ эшомъ почешный, веселый шанецъ, подъ ладъ просшой вокальной музыки.

Господинъ Квиншъ, кошорый съ роду никогда не вообразалъ бышъ танцоромъ-солишпомъ, былъ шакъ изумленъ и вшпревожень появленіемъ Бешеди, что дрожалъ всѣми членами. Если замѣшила Бешеди его прыжки, скачки и коверканье на горѣ, шо конечно уже всему конецъ. И въ самомъ дѣлѣ, что подумашъ дѣвушкѣ, когда вдругъ порядочно одѣшый мужчина представившя ей пляшущимъ среди лѣса — мужчина, слышій пришомъ всегда шакимъ зашпѣничывымъ, добронравнымъ, и цѣлымъ свѣшомъ считааемый за большаго разумника? — И

когда бы онъ вдругъ явился еще передъ нею съ любовнымъ объясненіемъ! — Боже мой, господинъ Квиншъ, гдѣ былъ у васъ разумъ?

Добрый человекъ расказывался въ это время ошъ всей души въ своей крапковременной веселости. Ему надобно было крѣпко, обѣими руками, держашься за стоящія на краю дороги деревья, пошому чшо гора спускалась къ рѣкѣ очень крупо, и у него подъ ногами ничего не было, кромѣ песку и кремней, которые осыпались при малѣйшемъ его движеніи.

Какъ ни шяжко шакое неловкое положеніе, но нечего дѣлать: надобно было по крайней мѣрѣ переждать, пока пройдешь Бешели, и кое-какъ лепишь на зыбкомъ грунтѣ. Онъ могъ перейши вправо, влѣво, и, можешь бышь, найши пошверже опоры ногамъ своимъ, но здѣсь всего лучше прикрышь онъ былъ ошъ взоровъ Бешели. Къ шому же, при перемѣнѣ, мѣсца нельзя было избѣжашь несноснаго, измѣнническаго шороха ошъ обрыва камней и песку.

Кромѣ шѣхъ мучительныхъ сновидѣній, въ кошорыхъ шоскливо спящій хочешъ бѣжашь и чувствуешь, чшо ноги его прикованы, — хочешъ кричашь о помощи и не владѣешь языкомъ; кромѣ шѣхъ адскихъ побасенокъ, какія злой духъ нашепшываешь

намъ иногда во снѣ, господинъ Квиншъ не испытывалъ въ жизнь свою ничего мучительнѣе въ семь родѣ.

Между шѣмъ глыба земли, по естественному закону тяжести, непрерывно подавалась внизъ подъ его подошвами, и этой глыбѣ предстоялъ очень далекій путь въ глубину оврага, — взглянушь, шакъ голова закружится! Но путь Бешели уже изобразилась на вершину горы, и была въ двухъ шагахъ отъ господина Квинца, у котораго отъ страха замирало дыханіе. Она оспановилась и смотрѣла съ удивленіемъ на разбросанные по дорогѣ садовые цвѣшны.

Всякой полюбавался бы на маленькую странницу, когда она, стройная, миловидная, въ численькомъ сельскомъ плашницѣ, спояла задумчиво передъ цвѣшами. — Господинъ Квиншъ шрепешалъ отъ любви и — мученія.

Наклонясь, собрала она цвѣшны, а потомъ пошла въ сторону отъ дороги и сѣла на пригоркѣ. Изъ цвѣшновъ спала она дѣлала букешъ, но дѣлала очень не шоропливо, потому что зоръ ея блуждалъ по окрешности, гдѣ шакъ пѣвнишельнымъ представлялся ей видъ жилища господина Квинца съ его садомъ.

„У него поже ешь въ саду цвѣшны“ — думала она: „и — какъ сказываюшь, садъ его очень хорошь.“

Руки ея опустились на колѣна; претешный вздохъ медленно приподнял грудь ея.

Невольнo — да и кшо дѣлаешь это съ намѣреніемъ? — вообразила она себя хозяйкою въ этомъ домѣ, и думала: шущъ ешь надъ чѣмъ пошрудисься. — По наружной двери, окнамъ и шрубамъ, выводила она физиономическое заключеніе о расположеніи внушри: комнашы, каморки, кухня и погреба, лѣсницы и чуланы, все предешавилось ей въ надлежащей связи. „Ахъ, какъ шущъ хорошо можно все ушпроешь и украсишь; къ окнамъ нужны занавѣски — онѣ и снаружи дѣлаюшь большую красу. Лѣшомъ, по вечерамъ надобно ужинашь въ веселенькой садовой бесѣдкѣ; а зимой хорошенько вышавливашъ комнашу, изъ кошорой видѣ на большую дорогу: шущъ должно споешь фортепіано. Господинъ Квиншъ, сказываюшь, очень хорошо играешъ, а хозяйка будешъ сидѣшь подлѣ него за самопрялкой.“

„О комъ-шо онъ думаетъ?“ продолжала она размышляшь. „А о немъ ужъ вѣрно многія подумываюшь. Онъ молодеъ, богашъ и уменъ. То-шо я бѣдняжка! всегда попадусь въ бѣду. Если бѣ не эша скашершь! Какъ

можно мнѣ было шакъ свѣшреничатъ! Въ жизнь свою не забуду этого! Теперь никогда не осмѣлюсь и взглянуть на него. — Однако вѣдь онъ посмашривалъ на меня очень ласково, и шакъ иногда спранно, шакъ проницашельно, что едва могла я снести его взоръ. Ахъ, какъ много бы я дала, чтобы шолько узнашь, что говорилъ онъ дядѣ Пикку. — О, дядя! я давно его знаю. Не вѣрь ему, не вѣрь, Бешели; онъ все шолько насмѣхаешся. Можешъ ли спашься, чтобы человекъ, шаккой богашый, шаккой счасшливый, котораго всѣ любяшь — чтобы онъ думалъ о тебѣ, бѣдной деревенской дѣвушкѣ? Онъ, сказываюшь, спрахъ какъ ученъ. Такъ вѣрно будешъ искашь и ученой жены — можешъ бышь, возьмешъ городскую. Ты же его недоспойна. Да онъ себя и не знаешъ, — вѣрно давно ужъ забылъ, послѣ нашего свиданія.“

Тутъ насступила Египетская шьма передъ ея глазами и въ мечсахъ ея.

Она сложила руки и — грустно смотря на жилище господина Квинша, сказала — сказала пошому, что вовсе не думала бышь подслушанной — „ахъ, господинъ Квиншь . . .“

Господинъ Квиншь, не взирая на всю шрудность своего положенія, спомрѣлъ между шьмъ съ удовольствіемъ на сидящую противъ него возлюбленную Бешели. Когда

же она пропянула сложенные руки свои къ шой споронѣ, гдѣ споялъ домъ его, и когда съ алыхъ устъ ея слепѣло, вмѣстѣ съ вздохомъ: господинъ Квиншъ — тогда померкло небо въ глазахъ его; никогда счастье не улыбалось ему сполько, онъ просперъ къ ней руки свои, не взирая на опасносшь

Вдругъ, съ глухимъ шумомъ, глыба земли, на кошорой онъ споялъ, опорвалась, и рыхлая подпора ногъ его покашилась внизъ, а съ нею вмѣстѣ и господинъ Квиншъ, со всѣмъ, что окружало его изъ царсва минераловъ. Онъ кричалъ и ругался: напрасно. Тупъ не помогла бы и молишва. Грозила бѣда неминучая. Земля и мусоръ, съ шрескомъ и громомъ, покашились за нимъ шакою массою, что подъ ними могъ онъ найши свою могилу. Онъ смотрѣлъ вверхъ; онъ смотрѣлъ внизъ. Нигдѣ спасенія не было; оставалось только слѣдовать предопредѣленію — съвахъ въ оврагъ и къ рѣкѣ.

 14.

Когда посреди поэтическихъ обстоятельствъ, кошорыя въ состояніи смершнаго претворишь въ божество и землю обратишь въ райскую обитель, встрѣшиши вдругъ шакой прозаическій случай — гдѣ

ша крошкая агнцева душа, кошорая не пришла бы ошь шого въ бѣшенство? — Между шѣмъ бѣдная жизнь человѣческая не ешь ли всегда романъ съ примѣсю стиховъ, опера безъ музыки, вещь — уму непоспимая? — Ошь шого-шо и происходишь, что самые агнцы иногда дичають, и начинають пошрасать шелковою волною своею, какъ бы львиною гривой.

Въ шакомъ положеніи былъ и господинъ Квиншъ, когда онъ подъ горою, ошавя чешвереньки, наконецъ выпрямился и разными искусственными скачками благополучно избѣгуль ошь нападенія крушащихся съ горы камней, имъ самимъ сверженныхъ. Однако, въ пылу гнѣва, самъ онъ не зналь, проклинашь ли ему злосчасіе, или сказашъ спасибо судьбѣ, за шо, что въ шакомъ опасномъ горномъ пушешествіи, вынесла она его съ руками и ногами, безъ всякаго вреда.

Нельзя было и подумашъ о шомъ, чтооь опяшь взлѣзшь на гору и сыскашь Бешели. Вѣрояшно, съ испугу ошь ужаснаго шума, добрая дѣвушка давно спаслась бѣгствомъ. Къ шому же господинъ Квиншъ не могъ не замѣнись, что его черное шелковое исподнее плашье было совсѣмъ не въ шакомъ видѣ, чтообы въ немъ предшавишься глазамъ возлюбленной. Радъ, радъ онъ былъ, когда могъ

прикрышь мохры и прорѣхи шакъ, чшобъ добрашься до дому, не обраша на себя лю- бопышныхъ взоровъ.

Онъ плакаль съ досады. — И филосо- фы, въ нѣкошорыхъ обшояшельсвахъ, ше- ряюшь свою Философію. Еще не нашлось челоувѣка, кошораго ума, доспало бы на вся- кій часъ въ сущки. Господинъ Квиншь, Ла- брюйеръ и Теофрашь долины своей, госпо- динъ Квиншь, шонкій знашокъ людей, вѣрно бы им во чшо не доспавиль эши слезы, когда бы наддежало ему изобразить собш- венный свой характеръ. А между шѣмъ онъ шо и славно изображающъ его! — Такими слезами не плачущъ на рынокъ, не плачущъ и за чайнымъ шоликомъ.

Чшобъ знашь людей, надобно смощрѣшь на нихъ шогда, какъ съ ними нѣшь никого. Всякъ спараешся нравитья по свѣдому. Всякъ, выходя на улицу или въ гощиную, гошовишь передъ шѣмъ на-скѣро свой *нрав- ственный туалеть*. Господинъ Пикъ и въ эшомъ правъ: „кшо хочешъ узнать свѣшь, додженъ больше смощрѣшь въ щелку сквозь двери, нежели въ зрительныя шрубы.

На слѣдующій день явился къ нему господинъ Пикъ. День былъ дождливый: гущія тучи переходили низменно между горами, изъ одного ущелья въ другое; горныя вершины перялись въ поднебесьѣ за шумами и ливнями. Такіе-то дни и были по душѣ господину Квиншу. Кругомъ тишина; вездѣ однообразная мрачность, недоспашокъ разсвѣанности во внѣшней жизни, обращали его вполнѣ къ самому себѣ. Это называлъ онъ жишъ болѣе, нежели когда либо, и въ это время особливо былъ онъ плодовишъ на всякіе, и самыя дерзновенныя, замыслы.

Забывъ о своемъ злосчастіи, занимался онъ различными планами, какъ пріобрѣсть любовь Бешели. Еще съ ушра, лишь только проснулся, все эта мысль вершѣлась у него на умъ. — Наконецъ предположенія были уже въ полной зрѣлости, какъ пріѣхалъ Пикъ и привязалъ подъ окномъ свою лошадь.

Такое посѣщеніе было очень ксшати. Онъ пріѣхалъ изъ Ропгейма. Въ Ропгеймѣ жила Бешели у сестры господина Пика. — Было уже за полдень. Лошадь шопчасъ отвязали и отвели въ конюшню. Господинъ Пикъ сбросилъ промокшее свое плашье и надѣлъ Квиншовъ халашъ и шуфли. Онъ расположился даже шущъ и ночевашъ, пошому

что наступала вечерь, дорога была дурна и дождь пошелъ сильнѣе.

Когда наконецъ усѣлись они, господинъ Пикъ закурилъ шрубку и сказалъ: „не гнѣвайтесь на меня, дорогой сосѣдь: я люблю бышь попросшу безъ зашѣй, и у васъ бываю охотно. Но если бы у васъ еще была хорошенькая хозяйшка, копорая, съ умильнымъ личикомъ, накрыла бы намъ сама на споль и за ужиномъ спала бы со мной по дружески перекоряшся — все равно, въ чемъ бы ни было: — тогда былъ бы я въпятеро довольнѣе. Я люблю бранишся съ молодыми женщинами, и нарочно дразню ихъ, для шого, что по этому узнаю, ешь ли у нихъ умъ, и сердце, и чувшво къ дружеству. Молодая женщины, копорая, улыбаясь, перекоряшся съ мужчинами, всегда любяшь вѣрно и нѣжно, а въ свое время бывають и милыми, почпенными машерями. — Но, что бы начашъ съ начала, когда прїидешъ вашъ слуга или дѣвка, и спанешъ зажигашь свѣчу, накрывашъ скацершъ — Боже мой, это все равно, какъ бы ничего, да и вовсе не манишь къ сполу. Когда сердце не шело, холодны и кушанья.“

„Ваша правда“ — отвѣчалъ господинъ Квиншъ, и лице его разгорѣлось: „я самъ чувствую, что вы говорише справедливо.

Но въ нынѣшнее время очень шрудно скажешь дѣвушку, которая бы привлечена была къ алшарю только сердцемъ мужчины. Да я и не знаю ни одной, съ которою бы могъ надѣяться бышь счастливымъ, кромѣ— скажу опшкровенно — кромѣ развѣ прекрасной племянницы вашей, Бешели.“

Господинъ Пикъ плушовски усмѣхнулся. — Онъ раскурить еще разъ шрубку и сказалъ: „шакъ скоро!“

Квиншъ наклонился, чшобы поднять съ полу обрѣзокъ бумаги. — Исповѣдь была сдѣлана; опшспушашъ не время.

„Я шаки ужъ и смѣкнулъ!“ продолжалъ господинъ Пикъ: „аша дѣвушка и вы — вѣдь вы не комедіяншы, да и шогда надобно было бы получше пришворяшесь. Вы были какъ будшо околдованы, оба околдованы — вшо я смѣкнулъ при первомъ взглядѣ. Корощко, да ясно, принимая все въ соображеніе....“ Господинъ Квиншъ прервалъ его: — „Такъ вы думаете, дорогой сосѣдь, чшо.... неужли помнишь Бешели, чшо.... шо ешь, неужли вы думаете, чшо племянница ваша, когда я....я полагаюсь на вашу дружбу.... гошовъ признашесь вамъ прямо, да и къ чему послужило бы пришворшво? вѣдь когда нибудь надобно же.... —

„Э!“ вскричалъ господинъ Пикъ: „дайше же мнѣ договорись. Я считаю это дѣло конченнымъ, совершенно конченнымъ.“

— „Тѣмъ лучше! сказалъ господинъ Квиншъ: „вы очень проникательны и съ перваго взгляда замѣтили, что я несказанно полюбилъ Бешели но, смѣю ли я подумашь, смѣю ли я надѣяться Бешели вѣдь вовсе не знаешь меня!“

— „Вошь на! вы, сударь, ошибаешься!“ вскричалъ, смѣючись, г-нъ Пикъ. „У женщинъ рысьи глаза, и Физіономика у нихъ врожденная наука, какъ Бошаника у пчель. Глаза ихъ, даромъ что бѣгають по сторонамъ, но свѣщаясь имъ въ нашу внутренность шакъ, что онѣ видящъ въ ней будто среди бѣла дня. Поэтому-то ихъ первое сужденіе объ насъ всегда самое справедливое; за то, добренькія, онѣ послѣ бывають шакъ скромны, что всегда вѣрящъ больше нашимъ словамъ, нежели своей догадкѣ. Напримѣръ: Бешели описывала и предсказывала васъ, какъ будто жила съ вами пятнадцать лѣтъ. —

„Такъ она обо мнѣ вспоминала?“ спросилъ Квиншъ въ пріятномъ изумленіи.

— „Э, что у васъ за мысли! Да неужли жъ вы не замѣтили, что Бешели ошъ васъ безъ ума? Она, правда, и говорила и спорила, что ни мало о васъ не думаешь,

*

но во все время, пока была у меня, ни о чем другомъ, кромѣ васъ, не говорила и не спорила. Да и у шешки, я думаю, ша же исторія. Сего дня поушру шешка приспаль-но посмотрѣла ей въ глаза и сказала: шы влюблена! — а я прибавиль: и онъ поже!“

„Ай! ради Бога! что вы сдѣлали?“ вскричалъ господинъ Квиншъ, вѣв себя ошь смущенія. „Что подумаешь обо мнѣ Бешели?“

— „Пустое! что подумаешь? Подумаешь, что вы женишокъ хопъ куда, а для нея это не бездѣлица. — Признаюсь, что вы, оба молодые люди, давно мнѣ нравились, и я не даромъ вздумалъ свести васъ. У меня было на умѣ: если полюбишесь другъ другу, шо и по рукамъ. У Бешели ешь шаки имѣннице, а сама она предобрая душа. Небу угодно было свести васъ еще раньше, нежели я думалъ. Тѣмъ лучше! и вошь вамъ моя рука!“

Господинъ Квиншъ былъ въ полномъ восхищеніи. Онъ схватилъ руку добродушнаго Пика; онъ бросился къ нему на шею, онъ крѣпко и съ жаромъ поцѣловалъ его, и на глазахъ навернулись у него слезы.

„Ну, ну, ну! вскричалъ Пикъ: „что съ вами сдѣлалось! Неужли ослѣпал, и дядю принималеша за племянницу?“

Квиншъ опсшущилъ — гора свалилась у него съ плечъ.—

„Я уже имѣлъ длинный разговоръ съ моею сестрою“ — продолжалъ дядя. „Она очень довольна такою паршійей. Я люблю, когда все корешко и скоро идешь на лады. Послѣ завтра у насъ Воскресенье. Бешели прїѣдешь ко мнѣ съ пешкою. Паспортъ и Ношариусъ, да еще нѣсколько свидѣтелей будешь у меня обѣдать. Сдѣлаемъ помолвку, а шамъ провозгласишь въ церкви . . .“

— „Боже мой!“ перервалъ Квиншъ и въ безпокойствѣ вертѣлся на спулѣ: „не льзя ли пошеше? вы шакъ скоро, шакъ много вдругъ наговорили! все хошеше вдругъ свернуть. Въ Воскресенье и помолвка, и Паспортъ, и обѣдъ, и Ношариусъ, и провозглашеніе . . .“

— „Сшой!“ закричалъ Пикъ: „вошь вы и спрусили! — Такія дѣла должны дѣлаться скоро — я говорю, скоро, но въ надлежащемъ порядкѣ. Сперва помолвка, пошомъ свадьба, пошомъ крещины. Есть вещи въ свѣшѣ, копорыя надобно брашь мигомъ, если хочешъ добра, напрымъръ: лекарство, башшарею, жену. Къ шому же разряду принадлежашъ: крещины, свадьба, похороны. Это при главы къ нашему жизненному странствованію, или лучше — заглавія шрехъ главъ, копорыя шѣмъ краше, чѣмъ связнѣе написаны. Крещинами опрекаемъ ошь сапаны, свадьбою ошь шарика Адама, а смершью

ошь слезь и забошь. — Впрочемъ, если хо-
шите, ошь васъ зависишь. Можно сдѣлать
помолвку и черезъ годъ.“

„Нѣтъ, о нѣтъ!“ вскричалъ госпо-
динъ Квиншь. „Дѣлайте, что хошите. Я
въ полномъ у васъ распоряженіи. Я счастлив-
вѣйшій человекъ подъ луною. — Да впрочемъ
и прошивъ помолвки я ни слова; только не
нравится мнѣ весь эшошь сбродъ: Нотариусъ,
Паспоръ и свидѣтели. Я ненавижу пыш-
ность, комплименты, церемоніи. Неужли
нельзя мнѣ женишь безъ шуму?“

16.

Тушь опять новое различіе въ харак-
терахъ обоихъ Философовъ. Господинъ Пикъ
любилъ пышность и сумашоу. Онъ былъ
аристократъ и желалъ бы даже попасъ въ
дворяне. Домъ его былъ изукрашенъ боль-
шими поршрешами, копорые накупилъ онъ
на аукціонахъ, для шого особенно, что ему
нравлись орденскія ленты и огромныя па-
рики, въ копорыхъ изображены были пред-
спавленные на нихъ герои. Изъ шрехъ-сошь
шесшидесяти пяти дней въ году, будничные
называлъ онъ просшыми гражданами, именин-
ные — разночинцами, а воскресные и пра-
здничные насшодцами, Богомъ избранными

дворянами, кошорыхъ папеншы и дипломы храняшся въ обычаяхъ и преданіяхъ. Онъ шанцоваль шолько одни менуешы и всегда при громъ шрубъ и лишавръ.

При шакихъ обшоаяшельсшвахъ не ошанешся загадкою, какво было на душъ у бѣднаго Квинша, когда онъ услышалъ, что къ помолвкъ, кромъ Пасшора и Нотариуса, будущъ приглашены и всѣ близкіе родные жениха и невѣшты.

До глубокой ночи продолжались шодки объ вшомъ предметѣ и наконецъ опложены до ушра. Количество гостей при помолвкъ должно было просширашся, счишая жениха и невѣшту, до двадцаши двухъ особъ. Угощеніе и все, нужное къ шоржешству, брался господинъ Пикъ устроить самъ, пошому что помолвкъ назначалось бышь въ его домъ.

Господинъ Квиншъ не могъ сомкнушь глазъ ни на минушу. „Такъ нѣшь розы безъ шиповъ!“ думаль онъ, вздыхая и верпясь съ боку на бокъ на кровати. Въ окна маленькой спальни прокрался свѣшь восходящей луны. „Нѣшь розы безъ шиповъ! Даже и прошое признаніе въ любви, кляшва — взаимно принадлежать другъ другу, кляшва, кошорая всего лучше, милѣе, произнеслась бы наединѣ, съ радостными слезами на глазахъ — и для шой надобны свидѣтели! — О, бѣдное

бѣдное человѣчество! къ чему вы мучите себя такъ? Зачѣмъ не допускаете вы, люди, ни какой радости до души своей, не обложивъ ее пощанной скорби? . . .“

Все это конечно не помогло. Господинъ Пикъ не могъ оставить своей системы. Ранехонько поушру собрался онъ и отправился домой. Госпямъ сдѣлано приглашеніе; Пасшоръ и Ношариусъ позваны; пиръ устроень — короче, къ Воскресенью все было пригошовлено, что нужно для помолвки и для маленькаго праздника.

Въ десять часовъ поушру явилась въ домъ дяди Бешели съ шешкою, которая заранее условилась съ хозяиномъ сдѣлать племянницѣ нечаянность и не сказывашъ ей, что въ этотъ день будетъ ее помолвка.

Въ половинѣ одиннадцатаго явились Пасшоръ, Ношариусъ и всѣ званые брашцы и сестрицы, бабушки и шешушки, разряженные въ пухъ. — Не явился только женихъ.

 17.

Господинъ Пикъ, въ сей великій день, вышупалъ съ ошмѣнною важностію и самодовольствомъ. Устроивая счастье двухъ добродѣтельныхъ душъ, онъ, вмѣшпъ, имѣлъ случай пощеголять своимъ, если не бога-

шымъ , шо весьма заипочнымъ дожовод-
ствомъ. При шомъ особенно занимала и
щекочала его мысль, что никто не будетъ
знать настоящей цѣли пиршества до самой
рѣшишельной минушы. Онъ расхаживалъ
изъ комнашы въ комнашу, со всеми госпъ-
ми былъ привѣпливъ и любезень , прислу-
шивался къ ихъ льспивымъ опзывамъ обо
всемъ его домашнемъ успройствѣ, раздавалъ
приказанія на кухню и на погребу, и пози-
малъ изрѣдка руку робкой Бешели со зна-
чипельною улыбкой.

Но ишь розы безъ шиповъ! Двѣ вещи
разспроили веселость господина Пика.

Сесцра его, Бешелина шешка, опъ из-
бышка душевной радости, не уперивъла,
чтобъ не высказашъ шайны на ушко спа-
рушкѣ, кумъ своей. Кума, безъ шого сло-
воохопная, сидѣла, по несчастію, подлѣ лю-
безнаго своего дружка, Тозаскаго цирюльни-
ка; шайна горѣла у нея на языкѣ, и спа-
рушка выболшала сосѣду. Цирюльникъ счель
долгомъ довешши о ней досвѣднія своихъ ми-
лоснивцевъ; а эши опкрыли дражайшимъ
своимъ половинамъ. Такимъ образомъ, шайна
перелешала изъ ушей въ уши, и въ при ми-
нушы всѣ сорокъ присуществовавшихъ ушей
наполнены были ею; всѣхъ лица сдѣлались
шоржеспвенны и важны. Наконецъ жена Па-

ещора опсправилась мѣрными шагами къ Бешели, и произнесла формальное поздравленіе съ удачнымъ выборомъ возлюбленнаго и съ помолвкою, къ чему присовокупила довольно длинную рѣчь объ обязанностяхъ нарѣченной невѣсты. Паспоръ, кошорый не любилъ, чшобъ другіе мѣшались въ дѣло, по праву ему принадлежащее, поспѣшилъ, съ поднышыми къ верху очами и руками, прервашь велерѣчивое разглагольшвіе супруги своей. Прочіе госши не захошѣли опспашь въ учшивоспахъ. Въ одинъ мигъ шумливая, щебечущая шолпа окружила бѣдную дѣвушку, кошорая, сгорая опъ спыда, и съ удивленіемъ видя, чшо любовь ея, извѣсная, какъ она думала, одному Богу и шешкѣ, вдругъ сдѣлалась гласною, сидѣла съ поникшими взорами, погружена въ самое себя, безошвѣсна и расперяна въ мысляхъ.

Съ выпученными глазами и опшверспнымъ ршомъ предспалъ въ впу минушу предъ собраніе господинъ Пикъ; едва вѣрилъ онъ ушамъ своимъ: планъ его былъ разрушенъ. Онъ наморщился, надулся, правою рукою спалъ поправлявшь манжеты свои, а лѣвую засунуль въ широкій карманъ длиннаго, красношелковаго съ желшенъкими цвѣшками камзола, и помахивалъ имъ вверхъ и внизъ, какъ будшо крыломъ, на кошоромъ желалъ

бы съ досады улѣпѣвъ за придевавшъ земель.

Между шѣмъ, лишь только его замѣнили, какъ вся честная компанія, съ шумомъ, съ крикомъ, съ упреками, ошлынула ошъ Бешели и прямо на него. Всѣ съ нѣжностью журили его за шо, чшо споль важное дѣло шакъ долго могъ онъ скрывать. Ему оставалось только принимать съ улыбкою, чшбъ вовсе было не по немъ. Онъ покориася несчастному своему жребію, расквипался комплименшами и пошелъ къ Бешели, кошорая все еще сидѣла неподвижно на спулѣ въ изумленіи, въ присшыженіи.

Напрасно дядя жалъ ей руку; напрасно спрашивалъ ее съ лукавою усмѣшкою: „чшо ты, душа моя, на эшо скажешь?“ — Такъ скоро ей нельзя было оправиться.

И стыдъ, и любовь, и шоска, все мучительно волновало ее душу. Мечша, какъ будшо какимъ нибудь колдовшвомъ, обрашлась для нея въ успешвенность; человекъ, кошорымъ она дышала, но кошораго еще въ себѣ самой не осмѣливалась наименовать, вдругъ громко и шоржешвенно провозглашень ея женихомъ. Оспавалось только увидѣшь его, чшобы навѣки принадлежать ему. Ахъ, не даромъ же шешка надѣла ей пошпру золошую розешку на

правую руку! — Не даромъ сказала она, съ видомъ предвѣщательницы: „кто нибудь скоро снимешь это кофечко!“

Она чувствовала свое счастье. Сердце ее было слишкомъ нѣжно; оно не выдержало нежданой бури, оно излилось въ слезахъ.

Господинъ Пикъ ужаснулся. Проницательный сердцевидецъ не понялъ этихъ слезъ. — Впрочемъ, въ сущности, не слезы нагнали на него такой ужасъ, и не то, что Бешели могла разсердиться, зачѣмъ въ такомъ важномъ для нея обстоятельстве ей послѣдней о томъ объявили; нѣтъ, онъ боялся только, что промахнувшись въ своихъ физиономическихъ наблюденіяхъ и запыль напрасно пиръ и помолвку, можешь сдѣлаться баснею всей долины.

Сохранивъ однако присущіе духа, провелъ онъ Бешели чрезъ всѣ гостиныя комнаты въ укромную боковую горенку; не говоря ни слова, посадилъ ее шамъ и далъ ей — плакать.

„Что съ тобой, душа моя?“ спросилъ онъ пошомъ и повторилъ вопросъ нѣскольکو разъ. Отвѣта не было.

„Я-шакъ думала, что ты порадуешься этому празднику, и будешь...“

„Ахъ!“ воскликнула Бешели, и въ первый разъ открыла глаза съ блестящими на

нихъ слезками. Это движеніе внушено ей было благодарностію и любовію къ дядѣ, котораго она уважала, какъ роднаго отца и передъ кошорымъ ни въ чемъ не шайлась.

„Спало бышь господинь Квиншь шебѣ не нравишься?“ сказала онь. „Ты не любишь его? — Говори прямо, я не сержусь. Досадно мнѣ шолько, что я свѣспреничала, какъ сумасбродъ — не спросилъ шебя раньше, или не вывѣдалъ изъ шебя хорошенько. Тешка шакже шебя не выразумѣла. По крайней шерьъ я не одинъ виновашь.“

Бешели, видя, въ какое заблужденіе привели дядю ея слезы, хотѣла отвѣчать; но голось ея ошашь исчезъ во вздохъ. Она покраснѣла и положила голову ему на плечо.

„Проклятая ишпорія!“ вскричалъ въ замѣшашельспивъ дядя и шеръ шебѣ руки. Вопшь яшо шеперь было у него на умѣ: какимъ бы образомъ эшой неудачной операціи дашь пристойный оборощъ, и не лѣзя ли увѣришь свидѣтелей и почешныхъ гощей, что помолвкою хотѣлось ему сыграть шолько шунтку? — Ошъ эшого раздумья нахмурилъ онь брови. „Будь покойна, Бешели“ — сказала онь. „Все еще перемѣнишься. При большомъ несчастіи никогда не должно шеряшь разсудка. Это главное дѣло. — Если бь шы мнѣ шолько призналась, моя шилая: неуж-

ли Квиншъ такъ смертельно шебъ прошивень? Послушай, какъ ты думаешь? Не полюбишь ли его хоть со временемъ? Я сказала бы шебъ тысячу случаевъ, что изъ такихъ принужденныхъ супружествъ выходяшь послѣ самая счастливыя. Жаль, что время коротко. Въдь это еще однако не послѣдній стихъ въ пѣснѣ. Нельзя ли шебъ хоть такъ, для виду, пущишься на помолвку; а шамъ уже мы какъ нибудь сладимъ.“

„Но —“ продепешала шущъ Бешели: „шочно ли вы увѣрены, что я могу бышь сносна господину Квиншу?“

— „Вошь шебъ разъ! — сносна!“ закричалъ дядя и какъ будшо ожилъ ошь этого вопроса. „Душа ты моя! да онъ шебя любишь всѣмъ сердцемъ и всею душою, на вѣкъ и по смершь!“ — Бешели упала къ дядѣ на грудь въ сильномъ движеніи.

„Вошь опляшь!“ вскричалъ Пикъ, и снова шоска овладѣла имъ: „да скажи ты мнѣ что нибудь пушное. Говори прямо, душенька! Я вижу, что ты воображаешь шебъ помолвку гораздо шруднѣе, нежели какова бываешь она на самомъ дѣлѣ. Повѣрь: ни одна дѣвушка еще ошь нея не умирала!“

Бешели уже не слушала успокоеній дяди. Въ душѣ ея раздавалось шолько: онъ любишь шебя всѣмъ сердцемъ на вѣкъ.

Она подняла руки, повисла ими на шею у дяди и спряхавъ лице на груди его, шептала: „скажете ему шолько, — я сама скажашъ не въ соспоянїи, — чшо я шакже люблю его вѣтъмъ сердцемъ.“

Господинъ Пикъ чупъ не свалился на полъ. Онъ прислушивался, все еще прислушивался, какъ будшо хопъль поймашъ и эхо эшихъ радосныхъ словъ. „Ахъ, шы глупенькая!“ вскричалъ онъ: „зачѣмъ же шы меня шомила? — Такъ вошь швое ульшима шумъ? — Славно!“ Онъ поцѣловалъ ее и сказалъ: „Я приведу къ шебѣ господина Квинша; шы должна сама скажашъ ему.“

Напрасно Бешели просширала руки, чшобъ удержашъ его. Онъ убѣжалъ за женихомъ. — Всѣ госпи сидѣли чинно по мѣшамъ. Только господина Квинша не было еще между ними.

Господинъ Пикъ посмошрѣлъ на часы. Было уже половина перваго. „Неужли все пошло мнѣ сего дня на перекоръ?“ пробормошалъ онъ и вышелъ за вороша.

 18.

Не ему одному, но и господину Квиншу все шло въ вшошь день на перекоръ. Человѣкъ всегда покорный слуга судьбы своей.

Цѣлое утро провелъ философъ въ занятіяхъ, кошорыя прежде были ему вовсе чужды. Онъ сочинялъ привѣщствія, благодарственныя рѣчи и щегольски наряжался къ шоржеспиву помолвки своей.

Не легко ученому, когда онъ готовицца бытъ предъспавленнымъ Его Величеспиву Королю; не легко кандидату Богословія, когда онъ въ шоржеспивенный день, при большомъ спеченіи народа, высшупаетъ въ первый разъ на каедру; шажело на душъ и у промошавшагося купчика въ день розыгрыша лошерей, когда удачная выдержка должна воскресить его, а пусная — бросить въ погибель: — но никому изъ смертныхъ не можешъ бытъ шажело, какъ было господину Квиншу, когда — послѣ ужасныхъ сновъ, проперъ онъ глаза, и первую мыслью предъспавилось ему, что сегодня должна бытъ помолвка его!

Тотчасъ вообразилась ему возлюбленная, съ кошорой никогда не промовилъ онъ ни слова, передъ кошорю опличался онъ шолько дурацкимъ несвязнымъ лепешомъ, громогласнымъ чиханьемъ, забавнымъ прыганьемъ на горъ и спускомъ на чешверенькахъ подъ гору; ему вообразились и всѣ девашнаццащъ свидѣшелей и почешныхъ гостей, почши вовсе ему незнакомыхъ, учшивыхъ и цере-

мовныхъ безъ всякаго милосердія — и онъ самъ между ними, всякое движеніе его пересужено, глаза всѣхъ сестрицъ и шестушекъ устремлены на него. — Онъ проклиналъ въ душѣ щеславіе и высокомеріе господина Ника. Охотно бросилъ бы онъ нѣсколько горстей золота, лишь бы избавили его отъ этого поржества, въ кошоромъ онъ долженъ былъ играть главную роль. Доходило даже до того, что онъ проклиналъ и всѣ любовныя свои зашвы.

„Что пользы этому пущому свѣшу,“ — разсуждалъ онъ въ самомъ себѣ, расхаживая полуодышый скорыми шагами взадъ и впередъ по комнатамъ: „что пользы коверкать природу и самое простое дѣло обращать въ уродливое кривлянье? О Бешелм! зачѣмъ попали мы, съ нашими сердцами, съ нашими чувствами, въ этошь свѣшь, гдѣ смотрять только на юпки да на жаркое? — Дикіе гораздо счастливѣе: два сердца бьются одно для другаго — вошь и помолвка!

Между швѣмъ никакая декламация прощиву глупостей свѣша не могла пособить дѣлу. Минуты шли за минутами. Надобно было одѣваться и на этошь разъ гораздо почище, нежели обыкновенно; надобно было въ томъ и въ другомъ распорядиться у себя дома; надобно было, хоть немного, подумать и о томъ,

что сказать свидѣтелямъ и почешнымъ гос-
 сямъ, невѣстѣ и пещкѣ, а также для виду
 и дядѣ; иначе, пожалуй въ самыя рѣшишель-
 ныя минушы спанешь въ пень и одурачишь
 себя передъ невѣстою и передъ всею роднею.

Собирая платье для своего наряда, го-
 сподинъ Квиншъ придумывалъ разныя кра-
 енорѣчивыя привѣщствія и опѣшны. Но на
 эшошъ разъ какъ будшо нарочно упорсшво-
 вали въ немъ и умъ и память. Онъ не на-
 ходилъ словъ, не находилъ смысла въ сло-
 вахъ. Эшо увеличило его заботы и шоску.
 Въ глубокомъ раздумьѣ схватилъ онъ со-
 всѣмъ не шо платье, какое хошѣлъ, и не
 прежде спохватился, какъ надѣвъ его и спавъ
 передъ зеркаломъ. Пестрота, безвкусіе изу-
 мили его и перепугали: къ бѣлой исподницѣ
 надѣлъ онъ черныя, шелковые чулки и фю-
 дешовый фракъ.

Надобно было снова разворошить весь
 гардеробъ; а между шѣмъ всѣ удачныя мы-
 сли и выраженія, какія съ усиліемъ при-
 думалъ онъ для привѣщствій, исчезли какъ
 дымъ. Онъ кинулъ платье и почти въ оп-
 чаяніи бросился за письменный столъ, что-
 бы хоть чтонибудь записать, на случай
 крайней бѣды. О, какъ жестоко чувсшво-
 валь онъ, что не рожденъ для блестящаго
 общесшва! Въ смершельной досадѣ и шоскѣ

проклиналъ онъ всѣ помолвки въ свѣтѣ, всѣ высокоумные замыслы господина Пика и всѣхъ въ свѣтѣ дядей. Онъ спалъ пишетъ:

„Любезнѣйшая невѣста — вы видите меня здѣсь —“ Вошь бѣда! еще можно ли величать Бешели невѣстою? она будетъ невѣстою послѣ уже помолвки. Такъ лучше: „милоспивая государыня, вы видите здѣсь счастливѣйшаго человѣка, кошорый, удосшо-ясь руки, драгоцѣнной руки, кошорая . . . Нѣтъ, не годится. Эшо и сухо и несвязно. А надобно же какое нибудь любовное объясненіе — до сихъ поръ ни съ шой, ни съ другой стороны не было никакого. Самое лучшее объясненіе сказать просто: „Милая Бешели, я люблю васъ!“ Но, Боже мой, какую мину сдѣлала бы добрая дѣвушка, когда бы ошъ шакого законическаго привѣшспвія все почтенное собраніе померло со смѣху, или когда бъ всѣ пѣшущки и машущки вздернули носы, или когда бъ онъ спали грызть плашки, чшобъ шолько скрышь хохошню свою.

Онъ вспалъ ошашъ. На письмѣ вовсе не ладилось. Можешъ бышь, не удаспся ли чшо нибудь набумъ. Онъ подошелъ къ зеркалу и сдѣлавъ умильную рожицу, льспивымъ голоскомъ хошѣлъ пошробовашъ вымолвишь чшо нибудъ обязашельное. Но въ

*

это мгновение вспади ему на умъ двѣ вещи, ошъ коихъ пришелъ онъ внѣ себя.

Во-первыхъ, онъ уже былъ совсѣмъ одѣшъ, а волосы его оставались еще совершенно въ ночномъ безпорядкѣ и не завившъ.

Во-вторыхъ, на башнѣ, въ ближней деревенькѣ, ударило десять часовъ и благочестивые прихожане шли изъ церкви, рассыпавшись по всѣмъ окрестнымъ дорожкамъ и пропинкамъ.

Морозъ пробѣжалъ у него по кожѣ. Ему почти казалось это колдовствомъ: онъ думалъ и былъ увѣренъ, что едва ли есть еще и девять часовъ. Положимъ, что онъ пошчасъ и скорымъ шагомъ пустился бы въ дорогу, но и тогда надобно было промаршировать не менѣе полушора часа къ замку господина Пика. Туда явился бы онъ въ половинѣ двѣнадцатаго.

Ввроятно уже и шеперь собрались шамъ всѣ госпи къ ожидаемой помолвкѣ, — ввроятно былъ онъ уже предметомъ общаго разговора, — ввроятно шамъ уже и Бешели съ шешкою: онъ, конечно, въ избѣжаніе дневнаго зноя, поранѣе забрались туда. А женихъ все еще не причесанъ и не напудренъ, все еще стоишъ въ папильошкахъ передъ зеркаломъ.

Есть въ характеръ великихъ мужей, что они при самыхъ жестокихъ невгодахъ не теряють присущствія духа. Все высокое, необыашное, грозное одушевляетъ ихъ только на новые подвиги. Напротивъ того, мелочи весьма часто предолѣвають ихъ. Такъ левъ едва чувствуешь, въ борьбѣ съ шигромъ, извы зубовъ его; но вздрагиваешь отъ уязвленія мухи.

Вошь все, что можно сказать къ спасенію чести господина Квинша. Съ геройскимъ духомъ принесъ бы онъ величайшія жертвы, мужественно подвергся бы самымъ горькимъ спраданіямъ, — но одно мгновеніе передъ зеркаломъ и бой деревенскихъ часовъ лишили его всей бодрости.

Опять сбросилъ онъ свое плащье и, накинувъ халашъ, занялся прическою и уборкою волосъ. Но и шущъ злой демонъ не оставлялъ его въ покоѣ. То казалось ему, что на вискахъ локоны слишкомъ взбишы, то опять слишкомъ приглажены. Въ шоропливости и разсѣянности — все между пѣмъ продолжая придумывать привѣщствія и записывая лучшенькія карандашемъ въ бумажникъ — безпрестанно поршилъ онъ то, что прежде сдѣлано было довольно сносно. Три раза бросалъ онъ въ досадѣ

гребень и пудренную кисть, и при разе поднималъ ихъ опяшь: какъ ни сердись, а день помолвки перемишишь ужъ было нельзя.

Завившись и напудрись хуже, нежели когда нибудь, но все не шакъ худо, какъ вообразалъ онъ самъ, наконецъ поднялся онъ съ мѣста. Хотѣлось ему еще прошвердись записанныя привѣщствія, но заколдованные деревенскіе часы пробіали одиннадцашь. . . .

Господинъ Квиншъ поблѣднѣлъ опъ испуга. Уже нельзя было мѣшкашь ни минушъ. Прежде половины вшораго не могъ онъ поспѣшь въ домъ Пика. Далекій пущь, опмѣнно жаркій день — и на помолвку — можно себѣ предшавись!

Въ мигъ сбросиль онъ халашъ, надѣль свой фиолешовый фракъ, схвапиль шляпу и палку, — но шѣмъ дѣло еще не кончилось. Надобно было почиснишься. На чулки налешѣла пудра; шляпа лежала на пошпели и облѣпилась пухомъ; ошавались кой-какія домашнія дѣла, въ кошорыхъ должно было распорядишься, и никшо другой, кромѣ его, распорядишься не могъ.

Ударило чешвершь двѣнадцашаго, и господинъ Квиншъ бросилъ бѣгомъ изъ дому.

Но бѣганье не въ прокъ. Скоро онъ запыхался; надобно было ишши медленнѣе — искашь шѣни, пошому чшо солнце ужасно пекло.

Пока онъ бѣжалъ, не могъ думать ни о чемъ; когда же ноги его спали передвигались медленно, тогда ускорилась передвижка мыслей.

Онъ чувствовалъ, что уже все пошляно. Во всякомъ случаѣ полное собраніе гостей въ домъ господина Пика соскучилось ждалъ и приведено въ изумленіе; во всякомъ случаѣ невѣста должна гнѣваться на невѣжливость жениха; во всякомъ случаѣ господинъ Пикъ имѣетъ право браниться; во всякомъ случаѣ должно приготовить кучу извиненій; во всякомъ случаѣ все дѣло шакъ испорчено, что, казалось, лучше поворошить оглобли.

Исключая дня своего рожденія, безъ котораго господинъ Квинтъ не увидѣлъ бы и нынѣшняго, никогда въ жизни не имѣлъ онъ важнѣйшаго. И именно въ этотъ важнѣйшій день шакъ ему несчастливо случилось. Онъ остановился, чтобы поразмыслишь о своемъ положеніи; смотрѣлъ назадъ, впередъ, вверхъ на Альпы, внизъ на рѣку — какъ будто ждалъ откуда нибудь добраго совѣта.—

Палящее, полуденное солнце стояло прямо надъ долиною. Тѣни прятались подъ корни деревьевъ. Крупныя скалы отраженіемъ лучей ослѣпляли глаза; каждый шагъ на помящейся полянѣ вздымалъ облака пыли.

Господину Квиншу никогда не бывало такъ грустно. Уже вершлось у него на умъ—ворошиться домой и выдашь себя больнымъ, оспая на произволь судьбы и помолвку, и гостей, и пирушку. Еще онъ прошелъ съ полмили, и оспавалось ишши цѣлый часъ.

Къ увеличенію золь, почувствовалъ онъ сильный голодь. Желудокъ привыкъ насыщаться въ свой часъ и шребовалъ обычной дани. При такихъ обстоятельствахъ не ловко было опзыватьсь и нездоровьемъ. Но еще не всѣ бѣды надъ нимъ ишпощились.

Съ рѣки повѣялъ прохладный вѣтерокъ, кошорый конечно былъ бы очень по душъ господину Квиншу, если бъ не навѣялъ на него пучекъ волосъ, кошорый разлетѣлся у него по спинѣ и плечамъ. Онъ быстро повернулся, закинулъ руку на запылокъ, и шупь-шо открылось невде злополучіе. Коса его была безъ кошелька: онъ вѣрно забылъ его или потерялъ.

Нельзя было мѣшкашь. Во всю прышь побѣжалъ онъ домой.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

II.

Н О В Ъ Й Ш А Я И С Т О Р І Я

БЛОКАДА и ОСАДА КОРФУ.

(Окончаніе.)

Ушаковъ былъ весьма озабоченъ своимъ положеніемъ. Недостатокъ въ десантныхъ войскахъ не позволялъ ему осадить крѣпости съ сухаго пуши; число кораблей, находившихся на лицо при Корфу, было весьма недостаточно для произведенія въ дѣйство всѣхъ намѣреній Главнокомандующаго. Особенно было для него ошущительно опущеніе Капизана Сенявина, который, какъ сказано выше, находился при остро-вѣ Св. Мавры: „Если бы вы были здѣсь, писалъ къ нему Адмиралъ, все бы пошло иначе.“ — Все сіе заставляло Ушакова повременить сухопущною осадою до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ.

13-го Ноября явились къ Главнокомандующему на корабль жители изъ предмѣстья Мандукіо съ просьбами — защитить ихъ отъ грабежа съѣстныхъ припасовъ, производимаго Французскими войсками. По сей при-

чинѣ, на другой день высажены были на сѣверный берегъ острова Корфу 128 морскихъ солдатъ и артиллеристовъ подъ командою Капитана Кикина, кои къ 15-му успроили противъ укрѣпленія Св. Абраама башарею о девяти орудіяхъ. Хотя осажденные неоднократно производили на оную свои вылазки, но храбросію Россійскихъ войскъ, вспомоществуемыхъ Корфіюшами, всегда были опражаемы.

Еще до прихода соединеннаго флота къ острову Корфу, Паши Янинскій, Авлонскій, Скушарскій и Дельвинскій должны были, по повелѣнію Дивана, выставить каждый по 3000 Албанцевъ для содѣйствія союзнымъ вскадрамъ въ осадѣ Корфинскихъ укрѣпленій. Первый, исполнившій повелѣнія Турецкаго Правительства, былъ Мустафа-Паша Дельвинскій, высадившій на островъ Корфу 250 Албанцевъ. Али-Паша, негодуя на Россійскаго Адмирала, за то, что сей не дозволилъ ему овладѣть островомъ Св. Мавры, и вообще за участіе, принятое имъ въ положеніи жителей Превезы, Парги, Бушприша и Вонницы, старался всѣми силами затруднить Главнокомандующаго. Али объявилъ всѣмъ сосѣднимъ ему Пашамъ, что сдѣлается ихъ явнымъ врагомъ, если они спанушъ помогашъ союзникамъ, и въ то

же время писалъ къ Ушакову и къ Кадыръ-Бегу, что гошовъ бы исполнилъ ихъ желанія и волю своего Правительсва, если бы не былъ ошъ сего удерживаемъ непріязненными намѣреніями сосѣдственныхъ съ нимъ Правителей.

Между тѣмъ, какъ Али-Паша имѣлъ сію переписку съ Адмиралами обвѣхъ эскадръ, Французскій гарнизонъ въ Корфу получалъ ошъ него шайнымъ образомъ письменныя убѣжденія — не сдававшись соединеннымъ эскадрамъ и бытъ въ полной надеждѣ, что при первомъ удобномъ случаѣ получишь ошъ него явное пособіе.

Долго Али-Паша испытывалъ перпѣніе Ушакова: по обѣщаль прислать къ нему собственнаго своего сына, Мухшара, съ значительнымъ войскомъ, по увѣдомлялъ его что болѣе 6000 Албанцевъ уже выступили изъ Янины, и ш. п.; наконецъ настояшелей прѣбванія Ушакова и опасеніе подвергнуться гнѣву Правительсва, убѣдили Али-Пашу исполнишь волю Русскаго Адмирала, и высланные имъ 2500 Албанцевъ къ исходу Декабря явились на островѣ Корфу.

Около полудня 17 Ноября, прибыли на корабль Св. Павелъ Депутаты изъ предмѣстья Кастрадо и ближайшихъ къ оному селеній, съ просьбами, устроишь для защи-

ты ихъ ось грабежа, производимаго Французами, баштарею подобно посшавленной у предмьстья Мандукію. 18-го Главнoкомандующій отправиль, къ южной части острова Корфу, призовую шебеку *Макарій*, подь начальствомъ Лейшенанта Рапшманова, (*) поручивъ ему свезти назначенныя въ десаншь войска и орудія. Въ шопъ же день было высажено на берегъ 13 морскихъ солдатъ и 6 канонировъ, подь командою Поручика Каншпорино, кои къ вечеру 19 числа пошпроили на возвышеніи Св. Панпелеймона баштарею изъ прехъ орудій, состоявшую въ распоряженіи знающаго Инженера Маркаши, кошорый, будучи уроженцемъ острова Занша, предложилъ свои услуги Адмиралу Ушакову при осадь Корфу, и былъ имъ приняшь на олошь волонтеромъ.

Осажденные, видя, что баштареи Панпелеймонская и Мандукійская препяшшвоваали имъ фуражировашъ внъ крѣпости, рѣшились сбишь оныя. Главнoкомандующій, разсуждая, что 19 человекъ Русскихъ солдатъ были недостапочно для удержанія неприятельскихъ покушеній на баштарею, ош-

(*) Макара Ивановича, что былъ Кошпръ-Адмиралъ и Дежурный Генералъ Морскаго Министершва.

правиль къ нимъ 20 Ноября на гребныхъ судахъ подкрѣпленіе ; но едва успѣли оныя оставишь корабли, какъ Французы произвели на новоустроенную башшарею весьма сильную вылазку , въ числѣ 600 человекъ. 1600 Корфіотовъ, содержащіе караулъ при ходмѣ Св. Паншелеймона, не выдержали нападенія и разсѣялись въ величайшемъ безпорядкѣ. Горсть Русскихъ солдатъ вспрѣшила ашпакующихъ каршечнымъ задпомъ, но что могли сдѣлашь 20 человекъ противъ 600 ! Непрїатели овладѣли башшарею и захватили въ плѣнъ 17 человекъ, въ томъ числѣ волонтера Маркаши и Поручика Канторино. Остальные четыре человека ушли и спаслись на шебекѣ Макари. Въ то же время, какъ осажденные сдѣлали вылазку на южной сторонѣ крѣпости, укрѣпленіе Св. Авраама открыло сильный огонь на башшарей у предмѣстїа Мандукіо; но, получивъ въ отвѣтъ равный, скоро прекратило свои выстрѣлы. Маркаши, какъ бывший подданный Французской Республики, былъ немедленно преданъ венному суду и, по приговору онаго, расстрѣлянъ.

Успѣхъ сего дѣла, случившагося на разсвѣтъ, весьма ободрилъ Французовъ; почему они рѣшились произвести въ ночь же дѣль нападеніе на башшарею у предмѣстїа Ман-

дукію, гдѣ десантное войско было усилено до 310 Россіянъ, 100 Турокъ и 30 Албанцевъ. Въ полдень вышли изъ крѣпости до 600 чел. пѣхоты и 40 чел. кавалеріи, и стремительно пошли на башшарею. Оспровскіе жиншеди, увидя ихъ приближеніе, обратились въ бѣгство; но Россіане и Турки встрѣтили непріятеля съ отличною храбростью. Окруженные Французами съ трехъ сторонъ, они, не уступая шагу земли, выдерживали битву до самаго вечера. Наконецъ Русскіе первые выступили съ башшарей, ударили въ штыки и, при усердномъ содѣйствіи Албанцевъ и Турокъ, принудили непріятеля къ отступленію. Въ семь жеркомъ дѣлъ Французы потеряли болѣе ста чел. убитыми, въ томъ числѣ одного штабъ-офицера и множество ранеными; уронъ Россіянъ былъ также значительенъ: болѣе тридцати убито и девяносто ранено. Въ числѣ послѣднихъ находились всѣ Русскіе офицеры, бывшіе при десантѣ.

Съ сего времени Французы уже не производили болѣе вылазокъ на башшарею у деревни Мандукію, и все вниманіе обратили на укрѣпленіе своихъ крѣпостей и острова Видо, также и на фуражированіе по южному берегу острова Корфу. Недостатокъ въ свѣжей провизіи понуждалъ осаждающихъ,

не взирая на ненастное время, выходить изъ крѣпости; но Албанскія войска всегда принуждали ихъ безъ успѣха оставяшь свои поиски.

22 Ноября Главнoкомандующій былъ обрадованъ прибытіемъ Капитана Сенявина съ ввѣреннымъ ему кораблемъ и двумя фрегатами. Приходъ сего Капитана весьма ограничилъ предѣлы плаванія Французскаго корабля *Le Gépéux*, который, подъ начальствомъ ошважнаго Лежоала, иногда слишкомъ далеко простираель оное. Въ то же время къ оспрову Корфу прибыли шкуна *No 1-го*, подъ командою Кап. Лейт. Макшеева, и бригъ Фениксъ — Лейтенанта Морскаго, привезшіе на эскадру свѣжую провизію.

Положеніе Ушакова было весьма шягошно: едва успѣлъ онъ уладить нѣсколько свои дѣла съ Али-Пашею, какъ новыя заботы ему предспояли. Провіантъ, взяшый эскадрою, былъ на исходѣ; Порша предписала разнымъ своимъ Пашамъ доспавляшь оный безъ замедленія; но дурное распоряженіе Турецкихъ чиновниковъ было причиною, что соединенный флотъ неоднократно былъ угрожаемъ голодомъ. Недосташокъ въ свѣсныхъ припасахъ доходилъ до того, что осаждающіе ошавались иногда почти безъ пищи. Къ сему бѣдствію присоединились

стужа и ненастье осеннихъ непогодъ; безпрестанно оказывались больные; но Русскіе солдаты переносили все безропотно, приучая къ тому же и своихъ союзниковъ, Турокъ. Только Албанцы, присланные Али-Пашею, много беспокоили Главнокомандующаго, угрожая не только оставить осаду, но даже перейти къ непріятелямъ.

Декабря 9-го прибыли изъ Александріи фрегаты: Михаилъ и Казанская Богородица, и соединились съ флотомъ, блокировавшимъ Корфу. 20-го на разсвѣтъ, при умѣренномъ вѣтрѣ, корабль *Le-Généreux* вышелъ на парусахъ изъ порта и отправился-было къ Албанскому берегу; но Капитанъ Сенявинъ съ вѣреннымъ ему кораблемъ и тремя фрегатами пустился за нимъ въ погоню. Замѣтивъ сіе движеніе, Лежоаль послѣдилъ возвращеніемъ и ушелъ подъ крѣпость.

Декабря 26-го Главнокомандующій опозвавъ изъ южнаго пролива отрядъ Капитана Селивачева, поручилъ занять сей постъ Капитану Сенявину съ кораблемъ Св. Петра и фрегатами: Навархією и Казанскою Богородицею, а 30-го соединенный флотъ получилъ новое, значительное подкрѣпленіе.

Консръ-Адмираль Пусшошкинъ (*), которъ въ послѣднюю Турецкую кампанію при Императрицѣ Екатеринѣ раздѣлялъ шруды и славу Ушакова въ пораженіи Опшмоановъ, прибылъ изъ Севастополя съ двумя 74 п. кораблями: Св. Михаиломъ, подъ начальствомъ Капишана Салшанова и Симеономъ и Анною, Кап. Леоншовича. Приходъ Консръ-Адмирала Пусшошкина и ожиданіе новыхъ Албанскихъ войскъ, подавали союзному флоту надежду на скорую сдачу крѣдосши.

Главнокомандующій, извѣсхась, что шрилинѣйные корабли и два малыя судна плыли изъ Анконы въ Корфу съ свѣжими войсками, для усиленія Французскаго гарнизона, опсправилъ 5 Января 1799 года, для встрѣчи ихъ, Консръ-Адмирала Пусшошкина съ двумя приведенными имъ кораблями и фрегатами: Казанскою Богородицею, Счастливымъ, Гуссейна и Али-Бея.

Вышепоказанные Французскіе корабли и суда дѣйствительнo были опсправлены къ Корфу, гдѣ имъ должно было высадишь до 3 ш. сухопущнаго войска; но плаваніе ихъ простиралось не далѣе ошрова Фано, лежащаго къ сѣверу ошь Корфу, ибо узнавъ о

(*) Павелъ Васильевичъ, нынѣ Вице-Адмираль, въ ошсшавѣ.

выходъ К. А. Пустошкина, они посѣвшили
возвратиться въ Анкону.

Между тѣмъ число Албанцевъ, мало по
малу увеличиваемое, возрасло до 4 ш.; всѣ
корабли и суда союзнаго флота были въ со-
единеніи, и Адмиралъ рѣшился приступишь
къ формальной сухопущной осадѣ.

Января 23 началось строеніе башшарей
по южную сторону непріятельскихъ укрѣ-
пленій, противъ главной и старой крѣпо-
сти и крѣпости Салвадора. Она состо-
яла изъ шринадцати большихъ корабельныхъ
пушекъ, прехъ меньшихъ и семи мортиръ
разныхъ калибровъ, и была окончана къ 29.
Большая часть сихъ работъ производилась
подъ покровительствомъ шебеки Макарія,
которая занимала одинъ изъ опаснѣйшихъ
пословъ при островѣ Корфу. Лейтенантъ
Рапмановъ, содержа, можно сказать, по-
чти безсмѣнную стражу по близости ста-
рой крѣпости, и безпрестанно подвергался
нападеніямъ сильнѣйшаго и смѣлаго непріят-
теля, Капшана Лежоала. Поведеніе, ока-
занное здѣсь симъ офицеромъ, обратило на
него вниманіе Главнокомандующаго, оправ-
данное имъ при военныхъ дѣйствіяхъ на Ад-
риатическихъ берегахъ Церковной области,
особенно при достопамятной осадѣ Анконы,
гдѣ онъ и Капшанъ Мессеръ съ самыми

малыми силами, блистательнымъ образомъ поддержали честь Русскаго флота и оружія.

Осажденные, видя умноженіе непріятельскихъ силъ, съ великимъ нешерпвнѣемъ ожидали общаго имъ подкрѣпленія, и наконецъ Лежоадъ вызвался самъ итти за онымъ въ Анкону. Въ темную ночь съ 25 на 26 Января Французы произвели изъ наружныхъ приспроекъ сильную вылазку, для ложнаго нападенія на осадныя баштари. Сими желали они отвлечь вниманіе блокирующихъ эскадръ отъ корабля *Le Génereux*, кошорый, пользуясь темнотою ночи съ *вычерпанными парусами*, (*) въ сопровожденіи одной галеры вышелъ изъ порта, прорвался сквозь опрядъ Турецкаго Коншрь-Адмирала, занимавшій сѣверный проходъ Корфинскаго пролива, и ушелъ въ море. Главнокомандующій опсправиль немедленно Капитана Селивачева съ двумя кораблями и тремя фрегатами за непріятельскимъ кораблемъ; но оный, пользуясь своею легкостію на ходу, успѣлъ избѣжать ихъ встрѣчи.

Февраля 4 возвратился къ острову Корфу опрядъ К. А. Пустошкина, а 6 съ она-

(*) Такъ сказано въ письмѣ Адмирала Ушакова къ Графу Г. Г. Кушелеву.

го свезли на берегъ десантъ, состоявшій изъ 110 морскихъ солдатъ подъ командою Капитана Чебышева (*) и между осадными башшарями противъ наружныхъ приспособекъ поставили семь полевыхъ пушекъ.

Между тѣмъ башшарей, устроенныя десантомъ, особенно бывшая при холмѣ Св. Маншелеймона, состоя въ распоряженіи морской артиллеріи Капитана 1 ранга Юхарина, нанесли ощутительный вредъ неприятельскимъ укрѣпленіямъ, и сбили немалое число пушекъ.

Февраля 14 Главкомандующій отдалъ по обѣимъ эскадрамъ приказъ: обучать матрозовъ и солдатъ стрѣльбѣ изъ мушкетировъ и ружей. Съ сего числа въ продолженіе проихъ сушокъ онъ занимался приуготовленіями къ рѣшительной ашшакѣ Корфинскихъ крѣпостей, съ сухаго суши и съ моря. Учредивъ особенные сигналы для шшурмованія острова Видо, взятіе коего весьма облегчало покореніе приморскихъ крѣпостей

(*) Петра Николаевича, который въ томъ же 1799 году 8 Іюня, командуя на Анхонскихъ берегахъ авангардомъ десантныхъ войскъ, высаженныхъ съ эскадры Коншрь-Адмирала Павла Васильевича Пущошкина, при взятіи шшурмомъ крѣпости Сянгаліи, взшелъ первый на ея укрѣпленія, при чемъ былъ шажело рапентъ.

Корфу, онъ приглашалъ жителямъ къ содѣйствію въ сухопутной ашшакъ. Албанскимъ и десантнымъ войскамъ даны были приказанія имѣть въ готовності полевыя пушки, фанины и лѣспницы.

Послѣ полудня 17 Февраля сигналомъ съ корабля Св. Павла, были на оный приглашены флагманы и командиры всѣхъ Россійскихъ и Турецкихъ кораблей и судовъ. Въ соспавляемомъ ими совѣтѣ было положено: при первомъ благопріятномъ вѣтрѣ ашшаковать флотомъ оспровъ Видо, а сухопутными войсками наружныя приспройки. 18 представился къ тому удобный случай, и Адмираль призвавъ въ помощь Бога и положась на искусство командующихъ, началъ ашшакъ.

Слѣдны Корфу еще никогда не уступали ошкрышой силѣ, и пошому обѣ стороны были одушевляемы равнымъ рвеніемъ. Осажденные припоминали одинъ другому длинный рядъ побѣдъ, совершенныхъ ихъ войсками. Русскіе не забыли о славѣ, неразлучной съ ихъ флотами; прежнія побѣды Ушакова ручались за успѣхъ, и сколь ни шверды были укрѣпленія Корфу, еще шверже было мужество освободителей Ишаліи.

18 Февраля въ семь часовъ ушра по сигналу съ Адмиральскаго корабля Св. Павла,

фрегаты Казанская Богородица, подъ начальствомъ Кап.-Лейш. Мессера и Турецкій—Херимъ-Капитана, पहले открыли огонь по непріятельской баштаревъ, устроенной при сѣверо-западной оконечности острова Видо; за шьмъ и прочіе корабли и суда соединеннаго флота подошли на каршечный выстрѣлъ къ ospальнымъ чепыремъ баштаревъ, и оборонясь къ онымъ шпрингами (бордами), начали сбивать островскія орудія. Большая часть Турецкой эскадры была помещена за Россійскою. Въ тоже время произведена была сильная канонада съ сухопутныхъ баштарей, и къ 10 часамъ ашпака сдѣлалась общемою. Но взирая на выгодное, возвышенное положеніе непріятельскихъ баштарей, исправное дѣйствіе морской артиллеріи произвело на оныхъ большія поврежденія, и къ исходу десятаго часа пальба съ острова сдѣлалась весьма рѣдкою. Тогда Главнокомандующій далъ сигналъ: везши десантъ къ ашпакованному острову.

Между шьмъ, какъ союзныя эскадры, стоя на якорѣ, производили свой огонь по баштаревъ острова Видо, корабль Св. Пётръ, подъ начальствомъ Кап. Сенявина и фрегатъ Навархія — Графа Воиновича, бывшіе во все время ашпаки подъ парусами, подошли къ самому порту и дѣйствовали своею артилле-

рією на старой крѣпости, кораблю *Le Lander* и фрегату *La Bruue*.

Гребныя суда, отправленныя ошъ обвѣ ихъ эскадрѣ съ десантомъ, пристали къ берегу въ двухъ противоположенныхъ сторонахъ острова Видо. Не взирая на сопротивленіе, оказанное ашшакowanными, равно и на огонь, производимый съ споявшихъ у берега мелкихъ судовъ, Россіане и Турки утвердились между башшарейми, и пошли къ срединѣ острова, гдѣ большая часть занимавшихъ оный Французовъ, зашли въ отдѣльномъ укрѣпленіи. Дѣло завязалось между десантными и непріятельскими войсками самое жаркое: послѣдніе противопоставляли ашшакующимъ ошчаянное сопротивленіе; но превосходство въ силахъ и храбрость союзниковъ преодолѣли все, и Французы остались побѣжденными. Тогда Турки, въ жару слѣпаго мщенія и слѣдуя Азіяшскому обычаю, кинулись рѣзать головы всѣмъ непріятелямъ, имѣвшимъ несчасіе впасть въ ихъ руки. Русскіе и въ самомъ сраженіи помышляли о челоувѣчествѣ: составили каре и пропуская въ средину онаго бѣгущихъ, спасли шакимъ образомъ весьма многихъ ошъ Турецкихъ сабель *).

(*) Въ этомъ сознаются и сами Французы. Вошъ что сказано о семъ въ X шомъ: *Victoires, conquêtes*.

Капитанъ Сенявинъ и Кап. Лейтенантъ Графъ Волновичъ оказали значительную услугу союзному флоту при взятіи острова Видо: видя побѣду сѣдующеюся на сторону десанта, Французы кинулись было на гребныя суда, находившіяся въ портѣ, надысь подъ прикрытіемъ корабля *Le Leander* и фрегата *La Vierge*, спаслись въ приморскихъ крѣпостяхъ острова Корфу; но вышеозначенные офицеры, зашопивъ нѣсколько перевозныхъ лодокъ, испрѣбили множеству непріятелей и нанесли столь сильныя поврежденія Французскому кораблю и фрегату, что оные приведены были почти въ бездѣйствіе. Въ числѣ 450 Французовъ, взятыхъ на островъ Видо, находился Генераль Пивронъ и двадцать офицеровъ; около 150 чел. успѣли спаслись въ главную крѣпость; остальные же изъ гарнизона, числомъ до 200 чел., были убиты или пошоплены. Побѣда сія стоила союзному флоту 17 чел. убитыми и 35 ранеными. — Въ исходѣ перваго ча-

et desastres des François, de 1792 à 1815: Tous les officiers et soldats que les Turcs atteignirent furent impitoyablement égorgés. Les Russes, au contraire, formèrent un bataillon caré pour servir de refuge aux François, dont ils préservèrent ainsi un grand nombre du massacre.

са по полудни, сигналомъ съ корабля Св. Павла, вельно было обвить эскадрамъ опшупишь опъ взяшаго оспрова, и въ шо же время подняли на ономъ Россійскій и Турецкій флаги.

Сраженіе, зашихшее при оспровѣ Видо, еще продолжалось на сухопушной споронѣ крѣпостей Корфу. Въ шо же время, какъ флотъ ашпаковаль оспровѣ Видо, башшареи, устроеныя при деревнѣ Мандукіо и у церкви Св. Паншелеймона, при содѣйствіи кораблей Троицы и Папрона-Бея, фрегаша Сошешствія Св. Духа, Акаша Ирины и шебеки Макарія, опкрыли по непріяшельскимъ укрѣпленіямъ жестокій огонь изъ морнирь и пушекъ. Осажденные опвѣчали съ равною силою, и канонада сія продолжалась до пятаго часа по полудни. Въ эшо время Албанцы пошли на присшупъ наружныхъ пришроекъ; но Французы встрѣшили ихъ съ примѣрнымъ мужествомъ и обрашили назадъ. Тогда явились Россіане и Турки: съ неспрашимостью спушились во рвы, приспавили лѣшницы и опважно взобрались на высокіе валы. Ни какія препяшствія не могли опстановишь десаншныхъ войскъ, и наружныя крѣпосшцы опшались за ними. Вышѣсенные Французы спѣшили решировашься въ главную крѣпосшь. Здѣсь пошера со-

союзниковъ была значительнѣе: они лишились 80 чел. убитыми и болѣе ста ранеными.

Взятіе острова Видо и укрѣпленій Св. Абраама и Салвадора, рѣшило участь осадныхъ крѣпостей Корфу. Генераль Шабо, видя съ какимъ мужествомъ преодолевали его противники всѣ препятствія, не рѣшился испытать новой аштаки, которая уже была облегчена прежними успѣхами осаждающихъ. По сей причинѣ, на другой день взятія острова Видо, поутру 19-го Февраля, Главнокомандующій Французскими войсками отправилъ къ Вице-Адмиралу Ушакову парламентера, съ письмомъ, въ коемъ просилъ остановити военныя дѣйствія и напрасно пролитіе крови храбрыхъ войскъ обѣихъ сторонъ и назначилъ срокъ для переговоровъ о сдачѣ крѣпостей. Ушаковъ, по совѣту съ Кадырь-Беемъ, согласился на желаніе Французскаго Генерала и далъ приказъ: на двадцать четыре часа прекратить всѣ военныя дѣйствія. Вслѣдъ за симъ Главнокомандующій отправилъ въ крѣпость исправлявшаго при немъ должность Адъютанта, Лейтенанта Балабина (*), съ условіями относительно сдачи Корфу.

(*) Пешра Ивановича, что нынѣ Генераль-Майоръ и Командиръ 1 округа Корпуса Жандармовъ.

20 Февраля прибыли изъ города на корабль Св. Павелъ Французскіе офицеры для подписанія капитуляціи. Вслѣдъ за ними пріѣхали къ Адмиралу командующей Турецкою эскадрою и находившійся при немъ по повелѣнію Дивана, для производства дипломатическихъ дѣлъ, Махмуть-Эфенди. Хотя условія, предложенныя осажденными, и не согласовались съ желаніями союзныхъ Адмираловъ, но недоспашокъ въ провіантъ, необходимость приступить къ освобожденію Неаполитанскаго Королевства, шолько-что покореннаго Французами, и разныя другія причины принудили Ушакова уступить обстоятельству и подписать условія договора. По сей капитуляціи, Французы, сдавъ союзному флоту крѣпости Корфу, со всеми бывшими при нихъ кораблями, магазинами, арсеналами, артиллеріею, съвспными припасами и прочими вещами, принадлежавшими гарнизону и городу, обязывались честнымъ словомъ, опъ дня подписанія договоровъ впредь на 18 мѣсяцевъ не служить противъ Россіи и ея союзниковъ. Соединенный же флотъ съ своей стороны обязанъ былъ отправить Французскій гарнизонъ, на своихъ судахъ и на своемъ содержаніи, въ Тулонъ и въ Анкону. Спашьи сей капитуляціи распространились и на шѣ изъ

Французскихъ войскъ, кои были взяты въ плѣнь въ продолженіе всей осады и блокады Корфу и при аштакъ острова Видо.

22-го, по возвышеніи утренняя зари, обѣ эскадры снялись съ якоря и пошли къ порту между острововъ Корфу и Видо, гдѣ расположился по рейду въ одну линію. Въ полдень, Французскій гарнизонъ, вышедъ изъ крѣпости, положилъ ружья и знамя предъ фронтомъ союзныхъ войскъ, высланныхъ съ флота на берегъ. Немедленно за симъ во всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстахъ были посланы Россійскіе и Турецкіе караулы; Французскіе флаги на крѣпостяхъ и судахъ спущены, и неприступная Корфу узрѣла въ первый разъ на стѣнахъ своихъ побѣдоносный флагъ Россійской Имперіи.

Вечеромъ Главнокомандующій, въ сопровожденіи флагмановъ и командировъ Россійскихъ кораблей и судовъ, отправился на берегъ, въ церковь Св. Чудотворца Спиридонія, для принесенія благодарственнаго молебствія за покореніе острова Корфу. Приемъ, оказанный Ушакову освобожденнымъ народомъ, былъ самый торжественный: Корфиоты въ первыя минушы восшорга употребили все, что могли, для выраженія своей радости. По совершеніи молебствія, Ушаковъ возвратился снова на флотъ, и приступилъ къ учре-

жденію на островъ Корфу новаго Правительства.

На разныхъ укрѣпленіяхъ и въ магазинахъ острова Корфу побѣдители нашли: 114 мортиръ, 21 гаубицу, 500 пушекъ, 5500 ружей, 37394 бомбы, 137,000 ядеръ, 12 700 кнпелей, 132,000 ружейныхъ пуль, 3000 пудовъ пороху и разнаго провіанта по числу Французскаго гарнизона на полтора мѣсяца. Сверхъ корабля *Le Leander* и фрегата *La Vigne* при островѣ Корфу нашлись: одна полакра, одно бомбардирское судно, двѣ галеры, четыре полугалеры и три купеческія судна. Еще найдены были три корабля, два фрегата, два брига и три полугалеры негодныя къ употребленію. Союзники сдѣлали также значительное приобрѣщеніе: перепискою Али-Паши съ Французскими чиновниками на островѣ Корфу, найденною у Генерала Шабо.

Взятіе острова Корфу, доставившее Ушакову чинъ Адмирала, съ величайшею радостію было принято въ Коншаншинополь. Султанъ Селимъ III, желая показашь свое расположеніе и признательность къ Главнокомандующему союзнаго флота, препроводилъ къ нему при леспномъ письмѣ отъ Верховнаго Визиря драгоцѣнный алмазный челенгъ (султанъ), шубу изъ собольихъ мѣховъ и че-

шыре шысячи пяшьсошь червонныхъ, изъ коихъ шри шысячи пяшьсошь для раздачи между офицерами и нижними чинами Россійской, эскадры. Кадырь-Бей получилъ ошь Императора Павла золошую табакерку, осыпанную дорогой цѣны алмазами (*).

Покореніе Іонійскихъ острововъ, сверхъ славы для Русскаго флота и его Адмирала, доставило нашему ошечеству важную услугу, опносительно къ плаванію его кораблей въ Средиземномъ морѣ и къ вліянію на дѣла Востока. Вообще достопамятная Россійско-Турецкая кампанія 1798, 99 и 800 годовъ, принесла бошьшую пользу нашему флоту. Въ ней, не говоря уже о Пустошкинѣ, кошорый еще прежде служилъ съ честію и славою прошивъ непріятелей, и Сенявинѣ, приобрѣвшемъ справедливое уваженіе цѣлой Европы, мы встрѣчаемъ примѣрные подвиги нашихъ Адмираловъ: Мессера, Рапманова, Сорокина, Белли и другихъ опшличныхъ офицеровъ, коихъ имена займутъ всегда почешное мѣсто въ Исторіи Русскаго флота.

А. Висковатовъ.

(*) Когда Суворовъ получилъ извѣстіе о взятіи Корфу то сказалъ: „сожалѣю что не былъ при этомъ хотя Мичманомъ.“

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Два года въ Константинополѣ и Морев (1825 и 1826), или Историческія замѣтки о Султанѣ Махмутѣ, Янычарахъ, новыхъ Турецкихъ войскахъ, Ибрагимѣ Пашѣ, Солиманѣ Бев и пр.; сочин. С. Д.

(Продолженіе.)

Еще не все Янычары были однакожь испреблены: три другія казармы, не въ дальнемъ разстояніи отъ первой, обречены были также на гибель. Скоро она постигла ихъ, и Янычары были или разспрѣяны, или зарѣзаны, за исключеніемъ весьма немногихъ, кои успѣли спастись въ Азію или убѣжали въ Бѣлградскій лѣсъ, за 7 миль отъ Конштаншинополя. Наконецъ, однихъ сушокъ довольно было для конечнаго испребленія ужаснѣйшаго войска въ Опшманской Имперіи. Около двадцати высшихъ чиновниковъ, поклявшихся съ самаго начала Гуссейну въ вѣрности, были пощажены одни. Ихъ Ага или главноначальствующій, кошораго головы шребовали мяшежники, спѣшилъ, какъ скоро Муфти провозгласилъ проклятіе сему подчицу, сбросилъ съ себя янычарскую шапку,

шоппаль ее ногами, и надѣлъ, вмѣсто ея, чалму новаго войска.

Канонеры дрались, какъ львы. Будучи устроены полками со времянь Седима, они продолжали и при Махмушѣ исполнять свой *Талымъ* или ученье: вопъ причина соперничества между ними и Янычарами, соперничества, кошорымъ Сулпанъ умѣлъ воспользовашься.

Гуссейнъ-Ага-Паша получилъ достоинство Хана, кошорое поставило его даже выше Великаго Визиря, и сдѣланъ былъ *Сераскиръ-Пашею*, Главнокомандующимъ Турецкихъ войскъ. Вскорѣ за симъ Сулпанъ лично благодарилъ всѣхъ шѣхъ, кои оплѣчились въ бипшѣ, и далъ имъ названіе *Аскеръ-Мугаммедъ*, войско Магомешово. При всемъ томъ, онъ не дремалъ на кровавыхъ своихъ лаврахъ, и принялъ мѣры для испребленія зла въ самомъ его корнѣ. По его приказанію, Великій Визирь, окруженный палачами, поселился въ палаткѣ на дворѣ Ахмешовой мечети, гдѣ развѣвалось побѣдоносное знамя Магомешово, тогда какъ Гуссейнъ, ходившій по улицамъ съ нѣсколькими сопнями вооруженныхъ людей, останавливалъ на удачу жишелей споллицы и спрашивалъ у каждаго: Мусульманинъ ли ты, или Янычаръ? . . . Большая часшь изъ нихъ ош-

вѣчали поспѣшно и безъ запинки: я Мусульманинъ. Нѣкошорые однако жѣ, предпочитая смерть рѣчамъ, несогласнымъ съ ихъ чувствованіями, говорили, что они Янычары и гордящя шѣмъ. Нужно ли прибавишь, что, бывъ приращены на ипподромъ, они мгновенно были умерщвляемы? Къ вышепомянутому запросу Гуссейнъ присовокуплялъ: какъ тебя зовушь и какое швое званіе? Тѣхъ, чьи отвѣсы не вовсе были удовлетворительны, приводили въ наскоро-соспавленные судилища, и тамъ должны они были предъявлять свои бумаги, предспавлять въ свидѣтели людей извѣстныхъ, и доказатъ всегдашнюю свою преданность Государю и вѣрѣ. Въ одинъ такой набѣгъ Гуссейну показалось, что онъ узналъ *Густу* Янычарскаго, переодѣшаго въ Армянское платьѣ. „Пріашель,“ сказалъ онъ ему: „какой ты вѣры, Армянской или Католической?“ — Католической, отвѣчалъ несчастный, нѣсколько смущившись. — „Если такъ, то прочи мнѣ символъ швоей вѣры.“ Янычаръ не могъ сказатъ ни слова. „Я поймалъ тебя,“ сказалъ шущъ Гуссейнъ: „я узнаю въ тебѣ *Густу* 14-го полка,“ — и велѣлъ его отвести на казнь.

Сія рѣзанина продолжалась болѣе двухъ недѣль. Не только Янычары, которыхъ удалось отыскашь, и люди, уличенные въ еди-

номыслия съ ними, были преданы смерти, но даже всѣ люди, замѣченные во время бунта прошивъ Селима, копорымъ списокъ хранилъ у себя Гуссейнъ-Паша, бывшій тогда самъ Янычаромъ. Изъ нихъ многіе были очень стары, но сѣдые ихъ бороды не спасли сихъ, и они были безъ всякой жалости переказнены. Наконецъ, болѣе тысячи душъ ежедневно гибло въ Конспаншинополѣ разными муками. Руки палачей испоминились, и всюду господствовало ужасное опчаяніе.

Народное негодование, сначала удушенное страхомъ, оказалось однако жъ чрезъ нѣсколько дней послѣ сего переворота. Овдовѣвшія жены, старцы, лишенные помощи сыновей своихъ, осиротѣвшія дѣти сненали безмолвно; но многочисленныя друзья Янычаръ умышляли вспайнѣ и ждали случая къ опмщенію. Къ воротамъ Серала прильплена была бумага съ такими чепырьмя Турецкими стихами: *Участь Махмута будетъ еще хуже Селимовой. Пусть онъ узнаетъ, что Янычары живутъ травы пирейника.* Султанъ, еще болѣе раздраженный, присовокупилъ новыя жершвы къ шѣмъ, за смерть коихъ его упрекали. Люди, подозрѣваемые будто бы въ сочиненіи сихъ стиховъ, были схвачены и казнены безъ суда. Женщины, кричавшія: *да здравствуютъ Яны-*

чары! пропадай низзмъ-джедидъ! были завязаны въ мѣшки и брошены въ Воспоргъ. Но скоро огонь былъ подкинутъ въ чешырехъ разныхъ концахъ города. Пламя испребило болѣе 20,000 домовъ, и было остановлено только у ворошь Сераля. Уже цѣлое столѣтіе не было видано такого страшнаго пожара. Чрезъ мѣсяць послѣ, подоженъ былъ Скушари, а прешьимъ пожаромъ испреблена была большая казарма близъ Сераля.

Хамалы, или разнощики тяжесшей, сильное и дружное съ Янычарами сословіе, были замѣшаны въ ихъ опалу и понесли шуже учасъ. Одни были зарѣзаны въ Конспаншинополь, другіе изгнаны въ Азію и тамъ нашли смерть, ожидавшую ихъ по волю Султана: они были оправлены ядомъ или задушены по приказанію обласныхъ Пашей. Опданъ былъ приказъ, чшобъ опнынѣ не было Хамаловъ изъ Турокъ, но чшобъ они были замѣнены Армянами. Изъ сего же народа набрана была пожарная команда, и Турокъ въ нее уже не принимали.

„Осшаешя шеперь, говоритъ нашъ Авшоръ, рѣшишь одинъ вопросъ: можешъ ли долго существовать сей нововведенный порядокъ вещей, прошивный и закону и обычаемъ народа?“ Онъ думаетъ, что Турец-

*

кое Правленіе, соспоящее все въ силѣ спр-аха и власпи палачей, содержишь въ самомъ своемъ основаніи зародышь неизбѣжнаго своего паденія. — Но воспочные народы споль давно уже несущъ иго деспотизма и въ нѣкошоромъ ошношеніи, заслуживающъ шо, что шерпяшь. Иногда конечно возспашошь они, и шребуюшь громогласно головы Минисшровъ и даже Сулшана; но до сихъ поръ они еще не шребовали лучшаго ушшройспва въ Правишельствѣ; и невѣрояшно, что бы Сулшаны, воспитанные въ Сераль евнухами, постигли другой образъ управленія народомъ, кромѣ спр-аха и жестокости, хотя сѣмъ опцы и брашья ихъ не спасли своей жизни.

Прежде нежели оспавимъ сей городъ крови и грязи, попеременно опустошаемый огнемъ и мечемъ, бросимъ быспрый взглядъ на новыя войска, копорыя Махмушь, испребленіемъ Янычаровъ на время свободный ошь всякаго досаднаго сопрошивленія, учредиль вмѣсто спаринной Турецкой раши. Сулшанъ самъ надѣль мундиръ Полковника *Низамъ-Джедидовъ*, одежду шеголевашую и легкую, весьма опличную ошь обыкновенаго Сулшанскаго одѣянія, кошорое чрезмѣрно шяжело. Онъ самъ бываешъ при ученьяхъ солдашь своихъ, на площадяхъ Коншан-

пинополя, и часто раздаешь имъ награжденія. Народъ шолною сходится на *талымъ* (ученье) и смолришь на него съ удивленіемъ. Чшо касаетса до нашего Автора, онъ увѣряетъ, чшо съ роду не видываль ничего страннѣе и смѣшнѣе. Хотя не много надобно Геометри на шо, чшо бы провести прямую линію; но эши солдашы никакъ не могушь выровняшьса; шакже не могушь они научишьса пройши ровнымъ шагомъ, и опъ эшого происходишь самый забавный безпорядокъ и разладица въ движеніяхъ. Мало эшого: одни держашъ ружье на правомъ, другіе на лѣвомъ плечѣ; при всякомъ командованіи, продѣлка никогда не выполняешса разомъ, но попеременно, а часшо и въ прошивномъ смыслѣ; всего же смѣшнѣе шо, чшо ропы составлены изъ сорока человекъ, годныхъ подъ ружье, да изъ шешидесяши мальчишекъ, едва могущихъ поднйшь ружье. Все въ эшомъ войскѣ, набранномъ невзначай, крайне похоже на карикашуру Европейскихъ войскъ. Но съ неперпнѣемъ ожидали офицеровъ образовашелей (копорыхъ послѣ много набхало изъ Египша, Италіи и Франціи). Впрочемъ мундиръ Полковниковъ очень красивъ: у нихъ шали на головѣ и на поясъ; большая сабля виситъ у лѣваго бока; куршки ихъ вышиты золошомъ, а *шал-*

вары (исподнее плашье) изъ краснаго сукна и обложены съ обоихъ боковъ золошыми галунами; они носятъ епанчу малиноваго бархата, желшыя сапоги, и скачуть на коняхъ, укращенныхъ богашою сбруею. У просныхъ солдатъ короткая куршка, исподнее плашье широкое до колѣвъ и узкое до подъ-икры, подусапоги и шапка, похожая видомъ на дыню; по швамъ сей шапки, съ верху до низу, положены золошые шнуры. Одежда другихъ офицеровъ, Поручиковъ, Подпоручиковъ и сержантовъ, мало опличаешся ошь солдатской; только серебряныя бляхи, нашивыя на куршкѣ спереди, показывають чинъ каждаго *Спаги* составляютъ Опшоманную конницу; число ихъ весьма значительное, и они еще не были подвергнуты новому образованію. Сила и обиліе лошадей въ Турціи, искусство Мусульманъ владѣть бѣлымъ оружіемъ *), заключають въ себѣ начала хорошей кавалеріи, если Султанъ захочетъ ее завести. Другія войска, составляющія сухопутную силу Турецкую, суть: *Топчи* или канонеры, *кумбараджи* или бомбардиры, *ямаки*, исправляющіе гарнизонную службу по крѣпостямъ Воспора и наконецъ *войска*

(*) Они учашся рубить головы съ размаху на чучелахъ, слѣпленныхъ изъ глины.

Пашей, шайки разбойниковъ, безпрестанно опустошающія обласпи Турецкія. Теперь хошашъ и ихъ подчинишь дисциплинѣ.

Морская Турецкая сила находишся въ жалкомъ положенія. До возстанія Греціи, флотъ почти весь былъ въ рукахъ Грековъ, кошорые сшоль же дѣяшельны, сколько Му-сульмане лѣзливы. Теперь нѣсколько несмы-слящихъ Капитановъ командующъ кораблями; при нихъ ешть шкипера по большей части изъ Италіянцевъ, людей, у кошорыхъ нѣшъ ни чести, ни совѣсти, и кошорые продали себя Туркамъ пошому, что получающъ ошъ нихъ больше жалованья, чѣмъ на корабляхъ своей родины. Что касаетшя до экипажа — это наборъ самой гнусной сводочи изъ всѣхъ провинцій: разбойники, ушедшіе изъ шюремъ, Армяне, жидаы, словомъ — всѣ шѣ, у кого нѣшъ ни кола ни двора, посылающя на флотъ, и ошашающя шамъ на неопредѣленное время; даже набирающъ въ машросы горныхъ жи-шелей Азіи, кошорые сроду не видали моря, и ошправляющъ ихъ на корабляхъ. При шак-комъ нелѣпомъ сосшавѣ, можно вообразишь, какой беспорядокъ господствуетъ на Ту-рецкихъ судахъ.... Часть флота должна бы ишши для присоединенія къ Капитану-Па-шѣ, вышедшему за нѣсколько времени предъ шѣмъ. Около десяти большихъ кораблей сня-

лись съ якоря. „Я сидѣлъ на берегу,“ говоритъ нашъ Авшоръ: „и смотрѣлъ на сіе зрѣлище, когда самый огромный изъ сихъ кораблей, шопъ, на которомъ былъ самъ начальникъ эскадры, свѣлъ на мель у берега подлѣ Скупари, прошивъ самаго Судшанскаго дворца. Онъ пребылъ тамъ десять дней, завязнувъ въ шипъ, на посмѣшище всѣхъ Капишановъ и мапросовъ купеческихъ кораблей, тогда, какъ Махмушъ проклиналъ виновника сей бѣды, а народъ Турецкій, будучи суевѣрнѣ всякаго другаго, почишалъ сей случай худымъ предзнаменованіемъ. Наконецъ Судшанъ велѣлъ, во что бы ни шло, или сдвинуть корабль съ мѣсна, или совсѣмъ испребить его. Уже Турки испостили вошщѣ всѣ усилія, какъ одинъ чужеземный Капишанъ взялся за эшо дѣло, съ условіемъ, чшобъ ему заплашили большую сумму денегъ; что было ему обѣщано, и онъ сдержалъ свое слово. Турецкаго же командира корабля, неумвнью коего приписывали сіе несчастіе, Махмушъ осудилъ на смерть, и онъ былъ посаженъ на колъ.“

Узнавъ поближе Судшана Махмуша, путешественникъ нашъ хошѣлъ также познакомиться съ достойнымъ его клевершомъ, Ибрагимъ-Пашею. Сначала отправился онъ въ Смирну, посѣщилъ многіе острова Архи-

пелажскіе и наконецъ прибылъ въ Морею посреди Турокъ, Арабовъ, и — должно сказаць всю правду — Европейскихъ ренегатовъ. Мы не спанемъ вмѣстѣ съ нимъ развертываешь ужасной каршины убійствъ на оспровѣ Хіосѣ. Довольно напомнишь, что учиненныя тамъ злодѣйства споль были ужасны, что сами Турки чувствовали опъ нихъ нѣчто похожее на угрызения совѣсти. Среди пожара, испнившаго 20,000 домовъ въ Константинополь, слышенъ былъ вопль самихъ Турокъ: *праведенъ Богъ! мы заслужили сію кару: Небо казнитъ насъ нынѣ за свирѣпства, которымъ мы предавались въ Хіосѣ!*

Французское судно, на которомъ плыль Г. С. Д. . . ., пришедъ въ Наваринскую гавань, гдѣ находился флотъ Општоманскій, подняло бѣлый флагъ. „Но каково было наше удивленіе и даже страхъ,“ говоритъ Авшоръ: „когда мы слышали пушечные выстрѣлы съ цитадели и съ пловучей башарей на другомъ краю гавани. Небу угодно было одинакожь, что бы ядра были брошены людьми неискусными: одни шерялась въ волнахъ, не долетѣвъ до насъ, другія пролетали надъ нашими головами; безъ этого Турецкаго немѣня мы бы погибли. Не могли ѡцдаться другой галсъ, по причинѣ сильнаго противнаго вѣтра, мы легли въ дрейфъ; шощася

болѣе шестидесяти ладей, изъ коихъ на каждой было человекъ по пятидесяти, вооруженныхъ саблями и мушкетерами, окружили насъ, не смѣя однако жъ причалить къ кораблю, все въ шой мысли, что мы передѣшые непріатели. „Откуда идете?“ кричалъ намъ звонкимъ голосомъ одинъ Ишаліанецъ. — Изъ Смирны. — „Кшо вы?“ — Французы. . . . Послѣ другихъ вопросовъ, человекъ сорокъ бросились на наше судно, шщательно осмотрѣли его внутреннюю часть, и тогда какъ за нами присматривали, нѣсколько Турокъ отправились передать наши швѣшы командиру эскадры. . . . На другой день, едва зубцы Наварина и верхъ горы Иоома заблѣлись ошъ первыхъ лучей дня, какъ одинъ яликъ приплылъ къ нашему кораблю. Турецкій чиновникъ сообщилъ нашему Капитану повелѣніе, шощасъ явиться на Адмиральскій корабль; я съ нимъ шуда отправился. Корабль былъ 90-пушечный; людей на немъ было 1300 человекъ, и всѣ шшрашительной наружности; корабль шакже былъ опрашень, какъ и экипажъ. Невольникъ доложилъ объ насъ Капитанъ-Бею (*), и сей при-

(*) Тому самому Вице-Адмиралу, кошорый послѣ командовалъ Турецко-Египетскимъ флотомъ, шшребленнымъ Россійскою, Англійскою и Французскою эскадрами.

нялъ насъ въ каютѣ, раззолоченной и снаб-
 женной роскошною софою. Физиономія эщо-
 го челоуѣка, съ длинною его черною боро-
 дою, являла смѣсь звѣрства и надменности.
 Впрочемъ, онъ принялъ насъ довольно вѣж-
 ливо и посадилъ на шабурешахъ, которые
 намъ поданы были его невольниками. Ишаді-
 янецъ, опросившій насъ наканунѣ, вошелъ,
 снявъ башмаки свои у порога, упалъ въ но-
 ги передъ Адмираломъ, поцѣловалъ полу
 длинной его шубы и пожелалъ ему добраго
 ушра съ самою низкою и презрительною
 лестью. Съ негодованіемъ видѣлъ я, что Хри-
 спіанинъ шакъ унижался... „Эшошъ чело-
 вѣкъ,“ сказалъ намъ Адмираль: „донесъ мнѣ
 что вы Французы.“ Когда мы подтвердили
 это, Капшанъ-Бей прибавилъ: „Капшаны,
 вы должны почестъ себя счастливыми, что
 я по добротѣ своей пощадилъ васъ вчера
 вечеромъ; безъ меня, васъ бы не было уже
 на свѣтѣ, корабль вашъ былъ бы разсѣ-
 лянъ, и шѣ изъ васъ, которые попышались
 бы спастись, были бы нещадно зарѣзаны на
 берегу. Такое дано мнѣ предписаніе...“ —
 „Но доброе сердце, возвышенныя чувствован-
 нія Его Превосходительства...“ подхва-
 шилъ льспирый Ишадіянецъ. Мы не дали ему
 кончить, и поблагодарили Турецкаго Адми-
 рала. Съ четверть часа шель разговоръ о

самыхъ маловажныхъ предметахъ; потомъ Адмиралъ вспалъ и подалъ намъ знакъ уйши, позволивъ намъ пребыть въ Наваринѣ сколько дней, сколько намъ за-благо-разсудится. Мы ошправились на свой корабль, радуясь и благодаря Небо, спасшее насъ отъ кораблекрушенія и отъ Турокъ. Мы приписывали сіе необычайное снисхожденіе минушному доброму расположенію Турецкаго Адмирала; ибо нельзя думать, чтобы онъ во всякомъ случаѣ поступалъ столь же великодушно; и съ тѣхъ поръ, какъ сей ошрядъ Турецкаго флота стоялъ въ Наваринской гавани, сколько, можешь быть, купеческихъ судовъ пошоплено, тогда какъ насъ счисляли жертвами шреволненія морскаго!

(Окончаніе впрѣдъ.)

К Р И Т И К А

Замѣчанія на письмо къ NN, помѣщенное въ 1-мъ No Сына Отечества, 1828 года, отъ 59 до 74 страницы.

Однимъ изъ препяшпвій, оспановляющихъ успѣхи Философiи, кромѣ ошвлеченности и возвышенности предметовъ ея, не всякимъ умсповашелемъ носпигаемыхъ, — почеспься можеспь и недоспапокъ особеннаго, опредѣленнаго для нее языка. Языкъ ея соспавляется или изъ переносныхъ словъ нарѣчiя обыкновеннаго, или изъ реченiй, коекакъ придуманныхъ для выраженiя первыхъ идей, при первомъ развитiи высшей силы мышленiя найденныхъ. Опсепь для многихъ — шемноша и невразумишельность науки; опсепь бѣльшою частiю и взаимныя несогласiя философствующихъ, особенно — желающихъ прослышъ знапоками Философiи, не испышавъ еще на дѣлѣ высшихъ своихъ споспобностей.

Такъ изъ письма неизвѣспнаго мнѣ лица къ неизвѣспному NN видно, что языкъ Философскiй, упошребляемый мною въ Логикѣ, изданной въ прошедшемъ году, непоняшенъ

для сего лица, принявшаго на себя сужденіе о моемъ прудѣ и оцѣнку его, непоняшенъ, какъ очень замѣтно; по одной его привычкѣ слышать другія наименованія предметамъ, мною предлагаемымъ въ книгѣ; и посему большая часть разобранныхъ имъ мѣспъ оуждены безъ основанія, или перешокованы по своему и къ худшему. При неопредѣленности словъ языка нашего, служащихъ къ выраженію всего, что относится къ чловѣческому духу, — легко можешь спашься, что въ употребленіи оныхъ я съ нѣкошорыми Россійскими Писателями не согласовался; но, по крайней мѣрѣ, я опредѣлилъ всѣ сіи слова, и постоянно принималъ ихъ въ смыслѣ опредѣленія имъ, сдѣланнаго мною. Если же какое нибудь изъ нихъ и приняшо мною въ значеніи общепринятомъ, то въ семь случаевъ всякой легко можешь поняшь мысль мою и усмопрѣшь — о чемъ рѣчь.

Назначивъ прудъ мой для моихъ согражданъ, я съ благодарностію принялъ бы всякую, на умныхъ доказательствахъ основанную поправку, всякое здравое замѣчаніе, какъ вразсужденіи языка, такъ и самаго плана и содержанія моей книги. Но съ Сочинителемъ письма къ NN, въ кошоромъ содержишь разборъ оной, я не могу бышь согласень ни въ чемъ; ибо его сужденія слишкомъ

опромешчиво сдѣланы и нимало не доказаны; а поправки его и замѣчанія, кажется мнѣ, пребують поправокъ и замѣчаній ббльшихъ, нежели каковыя нужны для разбираемой имъ Логики.

Г. Криликъ, въ одномъ мѣстѣ письма своего (спр. 72 С. О.) напоминаетъ мнѣ (совсѣмъ безъ нужды) старинное правило — *qui bene distinguit, bene percipit, bene docet*: однако самъ освобождаетъ себя отъ онаго въ наспавленіи NN; не сдѣлалъ обозрѣнія цѣлому сочиненію, что очень видно изъ его сужденіи; говоришь въ перемежку и о грамматическихъ и философскихъ погрѣшностяхъ, находимыхъ имъ, какъ онъ думаешь, въ моей Логикѣ; и посему упомляешь чинашеля, безпрестанно переводя его отъ одного предмета къ другому разнородному: *Bene docet*? Но, чтобы не упруждашь чинашелей пріискиваніемъ спорныхъ мѣстъ въ письмѣ его, держусь въ возраженіяхъ моихъ порядка сего письма.

Сочинишель онаго, по видимому, считаешь (спр. 59 С. Оп.) общимъ недоспапкомъ моей книги то, что я не выставилъ щесту параграфовъ; но за то у меня означено на поляхъ книги содержаніе каждаго параграфа. Мнѣ казалось сіе послѣднее гораздо лучшимъ: обозрѣвая содержаніе, читаю-

цій можешъ пособить памяти своей въ возобновеніи прочишаннаго, для чего ни сколько не могла бы служишь ему цифра, обозначающая §. — Гдѣ нужны были ссылки, копорыхъ у меня впрочемъ не много, шамъ въ корошкихъ словахъ напоминаль я выше-сказанное, что ояшь находиль болѣе выгоднымъ, болѣе удобнымъ. По моему мнѣнію, учащійся, при опвѣшахъ своихъ, не затруднишь, въ семь случаевъ, слушающихъ его, твердя слова книги — *смотри § такой-то* и проч. — Повторенія сего рода, дѣлаемая мною на приличныхъ мѣстахъ, и за копорыя Кришикъ оуждаешъ меня, имѣють еще и ту выгоду, что ученикъ, встрѣчая нѣсколько разъ важную мысль, легче и непримѣшно ознакомливаешся съ нею.

Далѣе находяшь (снр. 59 С. О.), что слово—*мысль*, взятое мною для выраженія, въ совокупности, всѣхъ силъ познавательныхъ, упошреблено неправильно; ибо, говоряшь мнѣ, словомъ симъ выражаешся произведеіе мышленія. Знаю послѣднее значеніе слова *мысль*, и самъ упошребляю его, гдѣ нужно, въ семь обыкновенномъ смыслѣ. Но Г. Кришикъ, вѣрно, у многихъ Писателей встрѣчалъ сіе слово въ значеніи, мною взягомъ. Одинъ изъ нашихъ поэшовъ, въ швореніи истинно философскомъ, говоришь: —

Лишь мысль къ тебѣ (Богу) взнесшись дерзаетъ,
 Въ швоемъ величьи исчезаетъ,
 Какъ въ вѣчности прошекшій мигъ.

Я часто слыхалъ также изъ устъ свѣдущихъ людей слѣдующія выраженія: „мысль праведника безпресшанно обращается къ Богу; мысль мудраго объемлетъ многое; мысль его быспра, жива; онъ все *мыслию* своею постигаетъ,“ и проч. — Во всѣхъ сихъ и подобныхъ случаяхъ, очевидно, разумѣется способность мыслить, а не произведеніе сей способности, приведенной въ дѣйствіе. Слово — *смысль*, копорымъ Критикъ совѣтуешь замѣнить *мысль*, находящаяся въ однѣхъ обшностяхъ съ симъ послѣднимъ; его значеніе неоднаково, и, кажется, еще рѣже, нежели мысль, употребляется оно для выраженія силъ познавательныхъ, совокупно взятыхъ. Имъ чаще означаютъ обнаруженіе способности мыслить. Такъ наприм. говорять: „младенецъ приходитъ уже въ *смысль*; рѣчь мудраго всегда исполнена здраваго смысла.“ Но когда говорять: „я хорошо или худо понялъ смыслъ сей книги, сего сочиненія, сего слова“ — тогда разумѣютъ содержаніе книги, сочиненія (мысль — произведеніе) или значеніе слова. Латинское *mens*, также, какъ и наше *мысль*, употребляется лучшими писателями въ значеніи

и способности мыслишь и ея произведенія. И шакъ поправку Кришика не могу принять: она не улучшила бы моего сочиненія.

Слово — *чувство* (изящнаго) Кришикъ шакже охуждаетъ (спр. бо), ни сколько не замѣняя его другимъ лучшимъ. Изъ реченій, предложенныхъ имъ для замѣны онаго — *чувствительность, сердце, вкусъ, эстетическое чувство*, — ни одно не годится для выраженія природной способности сознавать изящное и ощущать пріятное его дѣйствіе на нашу душу. *Чувствительность* выражаетъ вообще расположеніе челоуѣка скоро и чѣмъ бы шо ни было шрогашься, а въ частности, болѣе нравственнымъ, или относящимся къ нравственному, чѣмъ изящнымъ. *Сердце* упошребляють для означенія извѣстной части нашего шѣла, а въ переносномъ значеніи, для выраженія доброты душевной или злости. *Вкусъ* есть способность познавать изящное, чувствоватъ и цѣнить его — не природная, но приобретенная и усовершенствованная правилами и навыкомъ — въ изслѣдованіи изящнаго. *Эстетическое чувство* равно чувственному чувству, или чувству чувствоватъ. Посему, чего не можемъ замѣнить другихъ, шо лучше бы оставишь въ покоѣ!

Кришику не нравятся слова мои — *дары природы*, употребленные въ сказуемое подлежащихъ — *мысль, чувство* (изящнаго) *и воля*; и онъ замѣняетъ ихъ словами — *дары естественныя, природныя дарованія, способности*. Но это не есть ли одно и тоже? — Не я одинъ родителельнымъ падежемъ существительнаго замѣняю прилагательное, выражающее принадлежность одного предмета другому; и, сошлюсь на всѣхъ, въ этомъ выраженіи нѣтъ погрѣшности противъ Русской Грамматики. Кришикъ опасается — не разумѣю ли я подъ словомъ *природа*, особаго нѣкаго существа, распределяющаго свои дары. Положимъ, разумѣю; и тогда нѣтъ ничего опаснаго, нѣтъ и прегрѣшенія: симъ олицетвореннымъ существомъ будешь природа челоуѣка, непосредственно получившая дары отъ Бога и передающая оныя недѣлимымъ. Посему и въ этомъ случаѣ лучше сказать — *дары природы*, относя ихъ къ ближайшему дарующему существу; такъ точно, какъ говоришь получившій въ даръ книгу отъ Александра — *эта книга — даръ Александра*; хотя сочинилъ и подарилъ ее съ своей стороны самому Александру Николай. Вовсе не вижу, почему Кришикъ спарается замѣнить слова мои — *надѣ всѣми прочими*

*

земными существами, подставляя вмѣсто ихъ слѣдующія — надъ всѣми другими жителями земли. Stat pro ratione voluntas? Такъ я хочу? —

У меня сказано: „дары сіи, не бывъ приведены въ дѣйствіе, остаются *безплодными*.“ — Кришикъ замѣчаетъ, что дары лучше, могутъ назваться бесполезными. Я имѣю право сказать *безплодными*, поелику подъ дарами разумью способности, не приведенныя въ дѣйствіе; а то, что не приведено въ дѣйствіе, ничего не производитъ, или (метафорически) безплодно. Дары можно употреблять, а въ дѣйствіе приводятся способности и силы, говоритъ Кришикъ; но что же я разумью подъ словомъ *дары*? — Способности и силы, именно — мысль, чувство (изящнаго) и волю. Употреблять дары можно по ихъ природѣ, приводя ихъ въ дѣйствіе или подвергая спрдаію. Дареные плоды, дареное вино, дареный кафтанъ употребляемъ первымъ способомъ — подвергая спрдаію; дареную машину, даренаго коня употребляемъ вторымъ способомъ, т. е. приводя въ дѣйствіе. Не оуждайте же меня Г. Кришикъ, за то, что привожу дары въ дѣйствіе. Не вините меня и за употребленіе мѣстоименія — *ихъ*. Есть случаи (справшесь съ самою лучшею Россійскою Грамма-

пикою), въ кошорыхъ необходимо нужно спавишь — *его, ея и ихъ, а не свой, своя, свое*; и къ симъ случаямъ ошносяся пѣ мѣспа, въ коихъ поставлено мною мѣспоименіе—*ихъ*. Ваше *раскрытіе способностей*, гораздо менѣе выражаешь, нежели мое *развитіе способностей*, разумѣемыхъ подь словами *дары природы*; или лучше, вы своимъ раскрытіемъ говоришь совсѣмъ иное. Вы укоряете меня (шамъ же, спр. 61) спѣненіемъ мыслей; но я не почишаю нужнымъ распягивашь шо, о чемъ говорися мимоходомъ, для одной связи.

За шамъ (спр. 61) Кришикъ утверждаешь, что, по шеченію мыслей, не слѣдуешь говоришь объ усовершенствованіи даровъ; поелику не говорилось прежде объ ихъ несовершенствѣ. Но что же значашь — *бездѣйственность даровъ, ихъ слабое развитіе, ненадлежащее ихъ направленіе*, равно какъ и ихъ *безплодіе, или скудость и вредъ плодовъ*, ими раждаемыхъ? Эшо все находися въ предьидущемъ періодѣ разбираемой Логики; не думаю, чтообъ кшо либо почель сіе совершенствомъ. Присоединяшь же родовое названіе по всякому виду и недѣлному — не всегда нужно; иначе будешь *слишкомъ ясно*.

Обозрѣвая спашью о предметахъ Философіи, Кришикъ выписываетъ ее, выписыва-

ваешь посему предметы, которыми занимаешься Философія; и при всемъ томъ, опозвавшись съ неудовольствіемъ, что періодъ, содержащій сію спашью, громокъ и высокъ, ушверждаецъ, что „изъ всего набора въ немъ словъ видно шолько, что Логика естъ часть Философіи, а что шакое сама Философія, этого и совсѣмъ не видно.“ Не знаю, что громкаго и высокаго (по естъ, надушаго), гдѣ пышной наборъ словъ въ этомъ періодѣ: „Область Философіи обширна: объемная мысль, чувство и воля, она объемлетъ и предметы ихъ—исшинное, изящное и доброе, слѣдовашельно весь міръ вещешвенный и не вещешвенный?“ — Не дано ли здѣсь полное, въ немногихъ словахъ, понятіе о Философіи? — Распространяться подробно о сей Наукѣ я почель неприличнымъ, ибо предметъ мой — Логика; но крашко сказаць оней мнѣ должно было по тому, что предметъ мой принадлежитъ къ ней, какъ часть къ цѣлому.

Присшупая къ разбору опредѣленія Логики, Кришикъ, наисавъ (спр. 62) союзъ— и такъ, спрашиваецъ — откуда? Опшвѣчаю: явшвуецъ изъ предъидущаго періода, если шолько, прочишавши его, вы свяжете его въ мысляхъ вашихъ съ послѣдующимъ, разбираемымъ вами. По мнѣнію Кришика, опредѣленіе Логики и щемно и шрудно и много

времени попотребуешь для изученія. Четыре спроки можно и безпаланному выучишь скоро; поняшь, что Логика основывается на *самой способности размышленія*, а не на произвольныхъ предположеніяхъ, — ни мало не трудно; кажешся, нѣшь шемнаго въ словахъ — она *показываетъ формы сей способности*, ибо всякому извѣстно, что все имѣешь свою форму (образъ); кажешся, ясны и слѣдующія слова — *Логика предписы-ваетъ законы для вѣрнаго заключенія при мышленіи*, — ибо дѣло всякой Науки — показывать законы ея предмета. Г. Кришикъ не поспрудился замѣнишь, какое изъ понятій, соспавляющихъ мое опредѣленіе Науки, считаешъ онъ лишнимъ; не поспрудился также замѣнишь мое опредѣленіе своимъ: ошь всего сердца желалъ бы видѣшь лучше.

Слова — *сущность и существенность* опредѣлены мною въ главѣ о понятіяхъ; и если ихъ опредѣленіе вѣрно, то и слова — *существенность Логики состоитъ* и проч. употреблены надлежаще и выражаютъ среднее Наукъ. Подъ словомъ *сущность*, я разумѣю то неизмѣнное во всякомъ предметѣ, съ чѣмъ онъ согласуется во всѣхъ своихъ переменнахъ; подъ словомъ *существенность*, понимаю совокупность первоначальныхъ неопшемлемыхъ знаковъ какого бы то ни

было предмета; а словомъ *существо*, постоянно обозначаю все бытствующее, или все то, что имѣетъ бытіе. Прочитавъ это, Критикъ не спалъ бы напрасно спорить здѣсь со мною; ибо не всегда можемъ винить Сочинителей за то, что они употребляютъ нѣкошорыя слова не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ихъ принимаемъ. Такъ напримѣръ, по моему понятію о *сущности*, слова Критика (стр. 62) — „*содержаніе и форма Науки, вмѣстѣ и порознь взятая, составляютъ ея сущность*“ — не годятся никуда: но я говорю сего, ибо не знаю, что онъ самъ разумѣетъ *подъ сущностію вообще*. Но почтенный Критикъ вездѣ съ моими словами соединяетъ свои понятія, и хочешь непременно, чтобы другіе думали именно такъ, какъ онъ думаетъ. Прошу о щерпимости!

Не замѣшивши связи въ раздѣленіи Логики на Эмпирическую и Трансцендентальную, и въ другомъ отношеніи на Чистую и Прикладную, и не поспрудясь замѣшивши эту связь въ сказанномъ мною, онъ говоритъ, что слова — *умъ* и *разумъ* неправильно употреблены мною въ объясненіи трансцендентальнаго, а потомъ и въ разныхъ мѣстахъ книги. Почему же неправильно? Почему, что Критикъ беретъ не

въ помя значеніи, въ какомъ они взяпы мною. Онъ, подь словомъ *умъ*, разумѣеть *вышнюю силу* способности мышленія, подь словомъ *разумъ* — *низшую*. У меня это на оборотъ; и, если общее употребленіе можеть бытъ закономъ, по я правъ. Напримѣръ, разсуждая о всеобъемлющихъ познавательныхъ силахъ Высочайшаго Существа, всегда выражають оныя словомъ — *Разумъ*. Такъ говорятъ: *разумъ* Божескій всеобъемлющъ; *разумъ* Божій неизсѣдимъ; Богъ создалъ челоука по образу своему и подобію, одаривъ его душою безсмертною, волею и *разумомъ*, и шакъ далѣе. Во всѣхъ сихъ и подобныхъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, не понимаютъ низшей челоуческой способности мышленія, основывающейся въ дѣйствіяхъ своихъ на чувственности, которая несродна Божесиву ни по идеямъ о немъ челоуческаго разума, ни по Евангельскому ученію. Сверхъ того, когда хощають обозначить отличіе челоука отъ всѣхъ прочихъ животнохъ, состоящее также въ высшихъ способностяхъ, — его называютъ существомъ *разумнымъ*, а не *умнымъ*. Вникнемъ и въ самое употребленіе частицы *раз*: гдѣ она поставляется въ соединеніи съ другими словами? Тамъ, гдѣ нужно сообщить бодьшую опредѣленность представленію; и,

напримѣръ, *раздробляю*—болѣе опредѣляетъ, нежели — *дроблю*; *раздѣляю* — болѣе, нежели — *дѣлю*; *расписываю* — болѣе, нежели — *пишу*; *разнесъ*, *разругалъ*, *расхвалилъ* — болѣе, нежели — *несъ*, *ругалъ*, *хвалилъ* и такъ далѣе, безъ исключенія. Иногда, хотя не въ лучшемъ слогѣ, частицу сію пославляюшъ какъ бы для означенія превосходной степени, напр. *распрекрасно*. — По симъ причинамъ, кажешся мнѣ, слово *разумъ* лучше примѣняюшъ къ высшей, нежели къ низшей способности познавательной. Самая Русская пословица, приведенная Кришикомъ — *умъ безъ разума — бѣда*, говоришъ въ мою пользу; ибо показываешъ, что кто довольствуется низшими силами, постигающими одни явленія предметовъ, шонъ грѣшишъ, попадаешъ въ бѣду. Кто изъ насъ въ бѣдѣ — Кришикъ, или я? — Онъ приписываешъ понятіе *разуму* (*intellectui*), сужденіе — *разсудку*, уместованіе — *уму* (*rationi*). Напротивъ я думаю, что *умъ* (*intellectu*) *судитъ* и *умствуетъ* согласно съ опытомъ и, посредствомъ того или другаго изъ сихъ дѣйствій, составляешъ *понятія* — представленія чувственныхъ знаковъ предмета, имъ испытываемаго (ислѣдываемаго); *разумъ* (*ratio*) *судитъ* и *умствуетъ* независимо отъ опыта и производитъ сими

дѣйствіями *идеи*, представленія знаковъ невещественныхъ; *разсудокъ* же я почишаю принадлежностію *ума* и *разума*, поставляя оный въ приобръщаемой дѣятельности сіи — опыскивать совмѣстность представлений съ представляемымъ и съ цѣлю, съ каковою сіе послѣднее разсмашивается. (смотри о вниманіи, смр. 42 моей Логикѣ). — Вашихъ словъ, Г. Кришикъ — *умствовать* и *умничать*, не прильняясь къ *опытамъ* и *примѣрамъ*, опасно, хотя можно *умѣть дѣлать свое*, не *разумѣя чужаго* (смр. 63 С. О.), — на свой счетъ я ни мало не принимаю; и скажу здѣсь, что дѣлаешь опыты безъ примѣненія ихъ къ общей истинѣ — свойственно шарашану; говоришь примѣры, не извлекая изъ нихъ общаго также поученія, прилично празднословцу-анекдотчику. Истина, сотворенная разумомъ, всегда объемлешь многое; и постигая ее, многому и легко научаемся; только пошребень къ постиженію ея большой навѣкъ; отъ обыкшаго основывать свои познанія на чувственности, она убѣгаешь.

Я упомянулъ бы читателя дальнѣйшимъ подобнымъ разборомъ сужденій моего Кришика; ибо во все продолженіе письма своего къ NN, онъ судишь одинаково, и пошому буду ошвѣчать коротко и шо на главныя об-

виненія. Кришникъ не можешь понять разности между *мышленіемъ* и *размышленіемъ*: не моя вина. Я постоянно упошребляю слово *мышленіе*, гдѣ нужно говорить неопредѣленно о способности мыслить; гдѣ же потребна большая опредѣленность, тамъ пишу — *размышленіе*.

Если въ человѣческомъ познаніи участвуютъ и тѣло и духъ, то во введеніи въ *Логикку*, спашья, объясняющая взаимное дѣйствіе сихъ составныхъ частей человѣка, не можешь быть неумѣстной, и спашья сія связана съ предъидущею очевидно. Сказавши о первомъ условіи познанія, надобно показашь силы, копорыми пріобрѣщается познаніе; оно пріобрѣщается духомъ при содѣйствіи тѣла: довольно ли побужденія разсуждаешь о связи тѣла и духа?

Способность размышленія и опредѣлена и раздѣлена мною, Г. Кришникъ. Смотрише введеніе въ мою *Логикку* отъ 5 до 42 страницъ: здѣсь я только и занимался раздѣленіемъ и опредѣленіемъ силъ, составляющихъ способность размышленія. Сію способность вообще, до ея раздѣленія, назвалъ я силою познавательною, также орудіемъ духа къ познанію; смотрише то мѣсто, копорое вы (спр. 64 С. О.) обсуживаете. Я раздѣлилъ ее на силы низшія, среднія и высшія

за что вы даже и одобрили меня (спр. 64 С. О. ниже); съѣлаъ всѣмъ имъ подраздѣленіе; и всѣ члены сего перваго и втораго дѣленія, большіе и малые разобралъ въ связи и подробно, одинъ послѣ другаго, показывая — что каждымъ производится при мышленіи; потрудитесь только, повторяю, прочитавъ все въ связи отъ 5 до 42 страницы введенія въ мою *Логику*.

Надѣюсь, что, прочитавши съ бѣльшимъ вниманіемъ сужденія мои о *воображеніи* (спр. 22, 23 и 24 моей *Логики*) и *фантази* (спр. 36, 37 и 38), вы поймете разность между сими способностями, переспекнете охуждать меня и согласитесь со мною; ибо мои сужденія объ оныхъ основаны на ихъ природѣ, согласны съ опытомъ, и довольно подробно и внятнo изложены, и ничуть не прошивно тому, что вы изволили написать на спр. 64 и 65 Сына Ошечества.

Порядокъ мудро предлагать, говоритъ Критикъ (спр. 65 С. О.). А что дѣлаешь Профессоръ, предлагая программу своей науки? Предлагаешь порядокъ предметовъ оной; и, когда знаешь свое дѣло, шакъ предложеніе сего порядка не мудро для него.

Почтенный Критикъ! я сказала, что шѣло и духъ находяшся въ связи; сказала, что смла ощущенія, посему и чувштво

вышшее, принадлежишь тѣлу, но чувства
 внутреннего тѣлу не приписывалъ, и мѣста
 въ тѣлѣ органу сего чувства не зналъ: слѣ-
 доваательно вы пишете (стр. 66 С. О.) оп-
 вѣвъ на ваши собственные мысли, не знаю,
 какъ, вошедшія въ вашу умъ; слѣдовательно
 8-ю страницю моей Логикѣ не противорѣчу
 21 страницѣ оной. Равно нигдѣ не утвер-
 ждалъ, что внутренніе предметы *всегда и*
необходимымъ образомъ производятъ пере-
 мѣны въ тѣлѣ, хотя сказавъ сіе, можете
 спастись, не произведъ бы антропологиче-
 ской ереси. Однако не хочу, чтобы вы при-
 писывали мнѣ *вѣше*.

Тамъ же (стр. 66 С. О.) оуждаете вы,
 что я упошребляю — *знакъ*, вмѣсто — *при-*
мѣта. Мнѣ кажется, что всякой *знакъ*
 есть *примѣта*, и всякая *примѣта* есть *знакъ*;
 а пошому я и предпочелъ имя мужскаго ро-
 да имени женскаго рода. Мнѣ кажется так-
 же, что и пяти органовъ чувственныхъ до-
 статочно для принятія впечатлѣній, про-
 изводимыхъ въ тѣлѣ нашемъ разными знака-
 ми всего тѣлеснаго. Пусть, кто хочетъ,
 ищетъ шестяго чувства и шестяго органа
 чувственнаго: вы сами говорите, что во-
 обще принимающъ оныхъ пять; а большин-
 ство голосовъ всегда и во всемъ важно, если
 шолько голоса подаются людьми разумными

Опшъ 10 до 20 страницы введенія въ **Логикѣ**, я объясняю корешко устройство чувствственныхъ органовъ и шо, какъ посредствомъ каждаго изъ нихъ раждаешя въ насъ внѣшнее чувство: Кришикъ почитаетъ все эшо лишнимъ (спр. 67 С. О.). Но если чувство такъ много участвуешъ въ дѣйствіяхъ мысли, шо почему Кришикъ считаешъ лишнимъ объясненіе орудій чувства и законовъ мысли во введеніи въ Науку о мысли? — Не пошому ли, что эшого нѣтъ въ Логикахъ, изданныхъ на Русскомъ языкѣ прежде моей? Повторяю сказанное мною въ предисловіи: я ввель сію антропологическую спашью по шой причинѣ, что у насъ многіе учащя Логикѣ, не учащя и часшо не имѣя возможности учитья всей Философіи, прибавляю — Физикѣ и Физиологіи. Не зная состава орудія, мы не можемъ успѣшно дѣйствовать онимъ. И шакъ сказанное мною объ органахъ чувственныхъ ни чувъ не лишне; пришомъ все эшо помѣщено во введеніи, гдѣ обыкновенно излагаетъя все, служащее къ поясненію Науки, но невходящее въ ея систему. Многіе ли училишя *вздумаютъ* приводить словесно объясненія органовъ, мною написанныхъ? —

Далѣ Кришикъ укоряешъ меня за шо (спр. 68 С. О.), что я повторяю на 20 и

21 страницъ сказанное на 8. Повтореніе ни чужь не напрасное: на 8 страницъ я начинаю дѣлать обзоръіе шому, что принадлежишь чувстввенности; а въ концѣ 20 и въ началѣ 21 заключаю мое расужденіе о семь предметѣ и, какъ обыкновенно дѣлается въ заключеніи обширныхъ расужденій, въ короткихъ словахъ напоминаю о существенномъ предмету, чтобы оно лучше замѣчено было читателемъ.

Въ концѣ 68 страницы своего письма и до конца 69, Крипикъ сердился и попому не видишь, что должно видишь; *мало различаетъ* слова мои объ ощущеніи, чувствѣ внѣшнемъ и о вниканіи; *мало понимаетъ* ихъ и *ничему не учитъ*; следовательно поспушаетъ прошиву правила, имъ же самимъ мнѣ предлагаемаго въ Лашинскихъ словахъ (стр. 72 С. О.) То же можно сказать и о сужденіяхъ его (стр. 70), касающихся сказаннаго мною о воображеніи: видно, что онъ, судя меня, понималъ свое, а не мое. Я совсѣмъ не имѣю въ виду какого-то подражательнаго воображенія; говорю о воображеніи, производящемъ въ мысли образъ предмета, подѣйствовавшаго на органы чувстввенные, производящемъ — по необходимости физической, согласно съ полученными ощущеніями, образъ предмета невеществен-

ной, а Кришикъ полкуешъ мнѣ о памяти и фанпазиі — воображеніи шворческомъ, дѣйствующемъ свободно!! — Такъ же разсуждаешъ онъ и о *вниканіи*: я разумѣю подь словомъ *вниканіе*—обращеніе мысли къ тому, что ощущено нами посредствомъ органовъ чувственныхъ, или что произведено въ насъ собственными ея силами; а онъ разумѣешъ *созерцаніе*, которое, по моему мнѣнію, есть дѣйствіе чешырехъ силъ — ощущенія, вниканія, воображенія и ума—при наблюденіи внѣшнихъ предметовъ, и которое я называю *чувственнымъ представленіемъ*. Подь словомъ *созерцаніе*, я обыкновенно разумѣю то, что Ламинане разумѣють подь словомъ *contemplatio*.

Кришикъ не замѣчаешъ опредѣлений или оуждаешъ ихъ безъ основанія, не прочитавши цѣлой спашы, ихъ объясняющей. У меня сказано (спр. 21 Лог.), въ чемъ состоишь *вниканіе*, въ чемъ состоишь (спр. 26) *углубленіе*; сказано (спр. 27, 28, 29, 30 и 31), въ чемъ дѣло *размышленія*, взяшаго за дѣйствіе ума, и состоящаго въ *углубленіи и отвлеченіи*, которыя также доспашочно объяснены; сказано и о *произвольномъ вниманіи* (спр. 41 и 42 Лог.); я оплчилъ всѣ сіи понятія одно опъ другаго, и показаль дѣло каждой силы въ еште

снвенной связи, въ естественномъ порядкѣ. Кришикъ ничего шого не видишь; и я вынужденнымъ нахожусь сказать, что философскія книги не сборникъ сказокъ или анекдотовъ; онѣ прѣбуютъ посполннаго внимательнаго чтенія; для уразумѣнія ихъ, нужно читать всю систему. Безъ шого можешь произойти множество вопросовъ недостоинныхъ отвѣта: шакковы вопросы и недоумѣнія Кришика на страницахъ 72, 73 и 74.

Разбирайте, М. Государь, книгу мою съ большимъ вниманіемъ, и не въ отрывкахъ; за каждую открытую вами дѣйствительную ошибку мою, я принесу вамъ чувствительнѣйшую мою благодарность; но небрежными сужденіями не наводите сомнѣнія другимъ о достоинствѣ труда моего, иначе— я принужденъ буду, защищая свое, порочить ваше.

М. Талызинъ.

Февраля 16 дня 1828 года.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РУССКІЙ.

Ошъ запада — бури неслися бѣдою
 На край нашъ родной;
 Спремиялись исторгнуть съ корнями грозю
 Весь лѣсъ въбовой.
 Но швердые дубы недвижно стояли
 Въ упоръ ихъ спрѣламъ,
 И шучи, и вихри, и громъ презирали
 На диво въкамъ!
 Враги шагъ неслися на Русь къ намъ свяшую
 Съ мечами въ рукахъ;
 Ихъ дума грозилась Москву зодошую
 Обрушишь во прахъ!
 И шредешъ посѣяшь въ народъ громами
 Кровавой войны.
 Царь башюшка молвилъ: Всесильный Богъ съ нами,
 Россіи сыны!
 Всѣ Россы, какъ львы, ото сна пробудились,
 Орлами лепяшь;
 Съ безстрашною грудью къ врагамъ устремлялись,
 Злодѣевъ разяшь!
 И мирные жителіи другъ передъ другомъ
 Охотой идушь;
 И спалъ разлучали отъ древка подъ плугомъ,
 И копыа куюшь.
 Три браша родные ошмщенемъ пылали
 За Русь ко врагамъ;

На Бога дѣшей, всю семью оставляли,
 А домъ шарикамъ;
 Тушь дѣвъ сѣдовласый, бодряся: „родные! —
 Такъ внукамъ вскричалъ:
 „Я съ вами — шуда же въ ряды боевые! —“
 И бердышъ онъ взялъ.
 „Бывало, въ дремучемъ звѣрь люшый со мною
 На бой выходилъ;
 Всегда я въ морозы, прескучей зимою,
 Ихъ шубы носилъ.“
 Вошь всѣ на коней — помчались всрѣчу,
 Прошивныхъ громашь!
 На гибель злодѣямъ, умножили сѣчу,
 Вѣжишь супоспашъ.

Ө. Слѣпушкинъ.

VI.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Новыя Французскія книги.

9. *L'homme du monde, par M. Ancelot. Сѣлтскій челоуѣкъ, Романъ*, соч. Г. Ансело. Парижъ, 1827. — 4 ш. въ 18 д. (цѣна 12 франк.).

Г. Ансело извѣстенъ Россійской публикѣ не сколько стихошворными своими произведеніями, сколько книгою *Six mois en Russie*, (*Шестъ мѣсяцевъ въ Россіи*), подавшею по-

водъ нѣкопорымъ Русскимъ Журналамъ *) къ спрогимъ, и по бѣльшей часщи справедливымъ прошивъ него выходкамъ. О новомъ его Романѣ помѣщены слѣдующія кришическія замѣчанія въ одномъ изъ лучшихъ Парижскихъ ученыхъ Журналовъ (Revue Encyclopédique, Novembre 1827.):

„Я мало бываю въ свѣтѣ, “ говоришь Кришикъ: „но ссылаясь на извѣстія, кошорья по временамъ ко мнѣ доходяшь о немъ, скажу, что любовь занимаешь шеперь въ немъ меньше мѣсна, нежели въ Романѣ Г. Ансело. Конечно, и нынѣ еще существующъ между обоими полами отношенія, основанныя на спрасняхъ или на порокахъ; но какъ самолюбіе ни сколько не вмѣшиваешся въ эти отношенія, шо вообще свѣтскіе люди предпочишающъ обольщенію, кошорое медлищельно и опасно, — подкупъ, кошорый скорве и удобнѣе ведешъ къ цѣли. Посему *Свѣтскій человекъ*, заняшый совершенно желаніемъ почешей и богашствъ, скорве будешъ искашь легчайшихъ способовъ къ удовлетворенію другихъ своихъ спрасшей или минушнихъ прихощей; но не спанешъ, какъ Графъ Сенанжъ въ романѣ Г. Ансело, обольщашъ дѣвушки, принятой вмѣсто дочери

*) Прошлаго года. *Пр. Перев.*

знашною дамою и хорошею его пріятельницею, хошя бы сія побѣда и сполла ему полько оцѣзда на мѣсяць въ деревню. Онъ очень знаешъ, что неизбѣжныя послѣдствія такого шоржешва (и даже въ наше время не шоржешва въ глазахъ публики) — супъ для него ушраша добраго имени, не полько предъ людьми разсудительными, число коихъ шеперь увеличилось, но даже и предъ шѣми, кои, по расчешамъ честодобія, прикрывающъ не вовсе безгрѣшное свое поведеніе наружною строгоснью правилъ. Прошло уже шо время, когда Свѣшскій человекъ, окруженный небольшимъ общешвомъ равныхъ себѣ, коихъ мнѣніе было для него мнѣніемъ общимъ, могъ безнаказанно на все опшваживаться въ оцношеніи къ женщинамъ, не во все равнымъ ему по состоянію. Общее мнѣніе на сей счетъ разсудительнѣе, нежели Г. Ансело думаешъ о шомъ въ своемъ предисловіи; нравешвенносшь составляетъ нынѣ существенную часть порядочнаго человекъ; и эгоисшь Сенанжъ не полько не былъ бы удержанъ городскими шолками и приличіями, когда ему предложили руку обольщенной имъ дѣвушки съ богатымъ приданымъ, но почель бы себя счастливымъ, если бъ могъ за сію цѣну ушущипъ худую о себѣ молву. Если сія замѣчанія справедливы, шо Г. Ансе-

ло худо знаешь большой свѣшь нашего времени, и, въ нѣкошоромъ смыслѣ, онъ оклеветалъ общее мнѣніе, представивъ оное въ своемъ романѣ пошворщикомъ и льстецомъ челоуѣка споль разврашнаго, какъ герой его романа. Впрочемъ, мы охотно соглашаемся съ тѣмъ, что откинувъ неправдоподобіе въ нравахъ, романъ сей содержишь въ себѣ много занимательнаго. Сочинишело пришла весьма счастливая и драматическая мысль — дать въ защитники Эммѣ побочнаго сына Сенанжева, Аршура, кошорый не знаешь, что Сенанжъ его отецъ. Слѣдствіемъ вызова, кошорымъ сей благородный юноша хочеть запрогашъ Сеанжа — есть ужасное, раздирающее душу положеніе сихъ двухъ лицъ. Привязанность Аршура къ несчастной Эммѣ приводитъ въ умиленіе читателя. Можешь бышь, привязанность сія слишкомъ уже далеко простирается, когда Аршуръ предлагаетъ свою руку несчастной жертвѣ оболъщенной отца своего. Къ этому, для правдоподобія, по крайней мѣрѣ нужны были спрашное изспупленіе въ мысляхъ и пламенная сила въ рѣчахъ. Но слогъ Г. Ансело не соотвѣтствуетъ сему подоженію: въ семь слогъ, числомъ, плавномъ, умномъ и словоохотномъ, вообще ощушительнѣе недосташокъ быспрошы, увлекашительности и жара.

Нельзя не пожалѣть, что въ сочиненіи, въ коемъ безпрестанно дѣйствуютъ самыя сильныя пружины души, чувствительность чинашеля распротгивается не весьма часто. Можеть бытъ, виною пому характеръ Сенанжа, холодный, какъ характеръ Ловеласа, но не столь глубокій. И характеръ Аршура, кажется, могъ лучше бытъ развернуть. Не смотря на всѣ сіи замѣчанія, *Свѣтскій человекъ* конечно заслуживаетъ почешное мѣсто между современными романами, и успѣхъ, пріобрѣтенный Сочинителемъ по перенесеніи его на сцену (*), доказываетъ, что основа повѣсти прочно сосшавлена.“

Выписывая сіи замѣчанія Парижскаго Кришика, Переводчикъ рѣшилсѣ прибавить нѣсколько своихъ собшвенныхъ. Ему кажется, что въ Романѣ Г. Ансело (кошорый онъ прочелъ ошъ доски до доски) есть два главные недосшашка: правдоподобія и занимательности. Невѣрояшно, во-первыхъ, чтобы Сенанжъ, человекъ, кошорому, судя по Роману, лѣтъ подъ пятьдесятъ (ибо у не-

(*) Г. Ансело, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Сентиномъ (Saintines, кошорому приписалъ онъ письма свои о Россіи), сдѣлалъ изъ сего Романа Комедію подъ шѣмъ же заглавіемъ, игранную на Театрѣ Одеонѣ въ Парижѣ.

го ешь двадцати-лѣтній сынъ), могъ бышь общимъ кумиромъ модныхъ Парижскихъ красавиць: со всѣми своими наружными достоинствами, съ ловкостію обхожденія, съ пріятностію ума и даромъ краснорѣчія, человѣкъ въ эти лѣта много что можешь нравиться одной, но никакъ не можешь бышь шѣмъ, что въ Парижѣ называется l'homme à la mode, записнымъ угодникомъ прекраснаго пола, шѣмъ болѣе, когда главнымъ его характеромъ не любезничанье съ женщинами, а непомярное честолюбіе. Еще невѣроятыѣ, чтобъ молодая, прелестная семнадцати-лѣтняя дѣвушка могла спрасно влюбиться въ шакого пожилаго волокиту, тогда какъ юный прекрасный и чувствительный Аршуръ искалъ руки ея. Положимъ, что Сенанжъ могъ нравиться Эммѣ своею ловкостію и любезностію; но могъ ли онъ осѣшишь до безумія прекрасную, свѣтскую дѣвушку, живущую въ Парижѣ, гдѣ она безпрестанно имѣла предъ глазами невыгодные для Сенанжевыхъ лѣтъ предметы къ сравненію? Припомъ же, какъ и Французскій Кришникъ замѣшилъ, нынѣ свѣтскіе Ловеласы не въ большемъ ходу, даже и въ Парижѣ. Незанимашедень сей Романъ пошому, что характеры въ немъ невѣрно обрисованы и по большой часи безжизненны, завязка слаба, расшпануша и ушо-

мишельна, а развязка не удовлетворяетъ читателя, и сбивается на развязки многихъ другихъ дюжинныхъ романовъ. Сенанжъ честолюбецъ, копорый, посвящая все свои способности исканію мѣстъ и почестей, и следовательно, весь предавшись мнѣнію свѣта, не дорожитъ симъ мнѣніемъ, когда соблазняется и похищаетъ Эмму; двѣ модныя дамы: влюбленныя въ Сенанжа, сходны другъ съ другомъ, какъ двѣ капли воды, съ тою только разницею, что одна изъ нихъ знатной породы, а другая жена банкира; другъ Сенанжа и воспитатель Аршура, человекъ безъ твердости духа, и — такъ сказать, безъ особой фizioноміи, слѣпая игрушка воли и прихотей своего друга. Воспитательница Эммы, знатная дама, характеромъ ни сколько неопличающаяся отъ друга Сенанжева, также слабодушна, также нравственно близорука; сама Эмма, безхарактерная и легковѣрная дѣвочка, невнушающая читателю ни малѣйшаго сбудастія. Наконецъ, Аршуръ, лучшее лице, *personnage de prédilection*, Сочинителя, почти нѣтъ и дѣйствуетъ очень мало: съ нимъ не успеешь познакомиться во всехъ четырехъ томахъ Романа. Лучшія мѣста въ Романѣ Г. Ансело суть тѣ, гдѣ онъ описываетъ Парижское общество большаго свѣта, особливо эпиграмматическіе

намѣки его на лица нѣкоторыхъ извѣстныхъ современниковъ. Люди, копорымъ извѣстень лучшій нынѣшній Парижскій кругъ, узнавали всихъ безыменныхъ и лжеименныхъ лицахъ извѣснаго пушешественика, Барона Гумбольдта, съ его свѣтскою любезностью и шонками, мѣшкими замѣчаніями, банкира Рошшильда, живописца Жерара и пр. и пр.— Читай похвальныя отзвывы Парижскихъ Журналовъ о семъ новомъ произведеніи Г. Ансело, не лзя не подивиться и даже не позавидовашь умѣренности Французовъ, копорымъ такъ легко угодишь, съ такими малыи издержками воображенія, правдоподобія и другихъ условій хорошаго Романа. Но вспомнимъ, что шеперь во Франціи вѣкъ политическихъ личностей: кто указываетъ или намѣкаетъ на нѣкоторыя лица, состояція не на лучшемъ счету у большей части читателей — шонь и правь, шонь и нравится. И проза и поэзія жизни слились у Французовъ въ одну шочку — духъ паршій: вѣшь—верешено, около кошораго шеперь кружашся у нихъ и умъ и воображеніе.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 8.

А Л Ь М А Н А Х И:

23. *Альбомъ Сѣверныхъ Музъ. Альманахъ на 1828 годъ, изданный А. И.* — С.П.б. въ типогр. Александра Смирдина, 1828.— 348 стр. въ 16 д. л.

(Новый сей Альманахъ, давно ожидаемый любителями чтенія, оправдалъ Французскую поговорку: *ce qui est differè n'est pas perdu.* Изъ 8 прозаическихъ спашей, въ немъ помѣщенныхъ, особенно заслуживающъ вниманіе двѣ повѣсти: *Татьяна Болтова*, соч. А. И., и *Утро вечера мудренѣе*, Спарожилова. По предмету, слогу и формѣ обѣихъ сихъ повѣстей, легко можно узнать, что обѣ онѣ принадлежатъ одному Сочинителю. Содержаніе ихъ взято изъ времени Петра Великаго, и Государь сей являешся въ нихъ самъ; въ обѣихъ также встрѣчаемъ одного изъ вѣрнѣйшихъ его слугъ и сподвижниковъ, Князя Кесаря Ромодановскаго. Чтеніе сихъ повѣстей весьма заманчиво: здѣсь мы ошча-

спи видимъ шось чудный вѣкъ, когда въ Русскомъ Царствѣ сшаринная простоша нравовъ мѣшалась съ Европейскою образованностью. Слогъ чистъ, хорошъ и совершенно отвѣчаешъ предмету: Пешрь и приближенные Его говорятъ шакъ, какъ мы знаемъ изъ анекдотовъ и преданій шого времени.— Кромѣ сихъ, изъ прозаическихъ спашей *Альбома Музъ* замѣчательны: *Встрѣча съ Карамзинымъ*, Булгарина, въ кошорой знаменитый нашъ Ишоріографъ изображень, какъ человекъ мыслящій и человекъ дѣйствующій на пользу ближняго. *Смерть Шанфарія*, взяшая Г. Сенковскимъ изъ одной Арабской кассиды, носитъ на себѣ печать Восшочной Поэзіи: вездѣ богатыя вѣрныя, иногда слишкомъ распросшранные уподобленія, вездѣ щедро разсыпаны мешафоры и шому подобныя цѣвшы Восшочнаго слога. — Изъ 59 стихошвореній *Альбома Сѣверныхъ Музъ*, многія будутъ прочшены съ удовольствіемъ, а другія и зашвержены. Къ симъ послѣднимъ, по неосшземлемому праву, принадлежишъ *Талисманъ*, одно изъ прекрасныхъ стихошвореній Пушкина, показывающее, какъ тибокъ и примѣчливъ ко всѣмъ родамъ Поэзіи шаланшъ сего любимца Музъ. Чудною силою своего Талисмана, онъ какъ будто бы уносишъ насъ съ собою

на Воспокъ. *Меченосецъ Арапъ* и нѣкопоря другія стихотворенія Языкова, также нѣсколько піесъ Кн. Вяземскаго, И. И. Козлова, Ѳ. Н. Глинки, Г. Подолнскаго и доселѣ еще неизвѣснаго молодаго Поэша, Г. Щастнаго, украшають прочіе листки Альбома Музъ.

Какой-то неизвѣстный Кришникъ, подписавшійся: — *стѣ—въ*, помѣстилъ въ Сѣвер. Пчелѣ (№ 33) довольно длинную статью объ Альбомѣ Музъ. Эшою рѣчисною статьей доказаль онъ снова, что можно много наговорить и ничего не сказать. Безошчешныя похвалы шакъ же мало приносятъ пользы Лисерашурѣ, какъ и привязчивыя сужденія. Такъ, говоря о *Талисманѣ*, стихотвореніи Пушкина, близорукой Кришникъ слѣдующимъ образомъ *опредѣляетъ достоинство* сей піесы: „для *точного опредѣленія* ея достоинства, довольно сказать, что *въ ней виднѣтъ Пушкинъ*.“ Если бы Пушкинъ писалъ всегда въ одномъ родѣ, эшо бы еще можно было сказать; но Пушкинъ чрезвычайно разнообразень, шакъ, что дивишься и не вѣришь, читая разныя его произведенія, чтобы ихъ написалъ одинъ и шощъ же Поэшъ. Русланъ и Людмила, Кавказскій Пльникъ, Оявгинъ, Братья-разбойники, Цыганы Годуновъ, Грудинъ.... гдѣ во всѣхъ сихъ произведеніяхъ

видѣнь одинъ и пошъ же Пушкинъ? Остаешся одно общее — въ сладости стиховъ; но и тушъ Пушкинъ неувимъ въ измѣнчивости поновъ: прочише другъ за другомъ сцену изъ Бориса Годунова, опривокъ изъ Бахчисарайскаго Фоншана и Графа Нулина — и вы согласишесь въ испинѣ сего положенія.)

Конецъ сто семнадцатой части.

О Г Л А В Л Е Н И Е

СТО СЕМНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
I. Изящная Словесность.	
1. Спящій Разбойникъ (Повѣсть)	3
(Оконч.)	113
2. Помолвка Господина Квинша	227
(Прод.)	327
II. Критика.	
1. Письмо къ N. N.	59
(Оконч.)	172
2. Письмо къ Булгарину	189
3. Замѣчанія на письмо къ N. N. помѣщен- ное въ 1-мъ N. Сына Опечесства 1828 г.	403
III. Технодогя.	
1. Нѣсколько словъ о винахъ и шому подоб- ныхъ брѣвкихъ напишбахъ	75

IV. Стихотворенія.

1. Юная грѣшница	86
2. Ожиданіе	—
3. Ирландская мелодія	87
4. Ахиллъ и Омиръ	194
5. На зависть	309
6. Русскій	425

V. Философія.

О нравственномъ усовершенствованіи че- ловѣка во всѣхъ возрастахъ	275
--	-----

VI. Новѣйшая Исторія.

1. Блокада и осада Корфу	257.
(Оконч.)	367.

VII. Современная Исторія и Политика.

1. Рѣчь, произнесенная Президентомъ Съве- ро-Американскихъ Штатовъ, при откры- тіи засѣданія Конгреса	89
2. Два года въ Константинополѣ и Моретъ (1825 и 1826).	

(Продолженіе) . 290

(Продолженіе) . 389

VIII. Иностранная Словесность.

1. Новые Французскія бниги	103
	217
	312
	426

IX. Современная Русская Библіографія

	108
	224
	324
	434

